З. 37.
III. 30.
II. 6.
№ 14.

Проверено 1.IV.

кафъ 30.
лка 6. 14.

Л. Чарская.

ОГОНЬКИ.

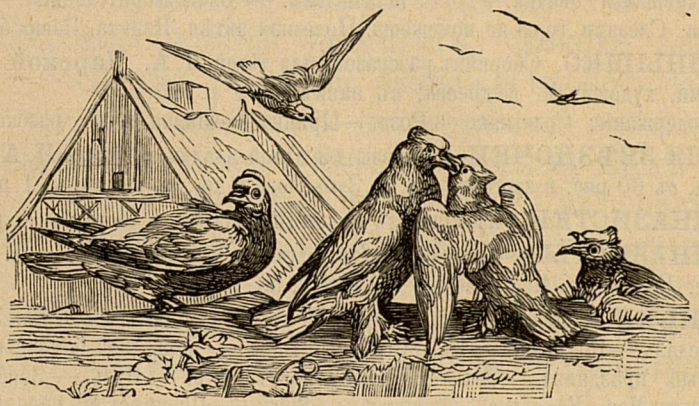
Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО.

Л. А. Чарская.

ОГОНЬКИ

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.



СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА **А. Шлипера.**

Гравиров. на деревѣ: М. Морозовъ, Р. Шублеръ, Б. Пертель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1910.

Сочиненія Л. А. ЧАРСКОЙ.

„СѢВЕРНЫЙ БОГАТЫРЬ“ Александръ Васильевичъ Суворовъ—вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Соч. **Л. А. Чарской.** Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою „науку побѣждать“. Суворовъ, покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судебъ Польши и пр. пр.

***СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской.** съ рисун. художника Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

СИНІЯ ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста **Л. А. Чарской,** съ 49 рисунками и заставками художн. А. Шлипера и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СТРУЙКА ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ. Пересказы нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей **Л. А. Чарской.** Съ 40 рис., художника М. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Живая игрушка.—Мальчикъ съ обезьянкой.—Урокъ на всю жизнь.—Фея работы.—Господа Косоглазкины.—Я могу самъ.—Чернушка.—Заблудившаяся овечка.—Горе перепелокъ. — Благотворительница.—Миша-злючка. Слезами горю не поможешь. Полезная затѣя. Нянька. Новая бабушка

***СОЛНЫШКО.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской.** Съ рисунками, художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Содержаніе: Солнышко.—Роза.—Принцъ.—Фіалка и др. разсказы.

ЯРКІЯ ЗВѢЗДОЧКИ. Разсказы для дѣтей младш. возраста **Л. А. Чарской,** съ 60 рис. и заставк. худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

ГИМНАЗИСТКИ. Разсказы изъ жизни гимназистокъ. Съ рис., ц. 1 р. 50 к.

ГИМНАЗИСТЫ.—*Сирена.*—*Въ глуши.* Три разсказа **Л. А. Чарской.** Съ рисун. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

ОГОНЬКИ. Разсказы для юношества **Л. А. Чарской.** *Содержаніе:*— На медаль.—Послѣдній лучъ.—Странный гость. — Семь дней бомбаньерки.—Веселый праздникъ.—Эва.—Богатый наслѣдникъ. — Нуль. — Заоблачный принцъ.—Моя Королева.—Дашутка. — Воръ. — По царскому повелѣнію.— Съ рисунками художн. А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИНКИ. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: *Южаночка —Некрасивая* **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, ХРАБРЫЕ! Три повѣсти **Л. А. Чарской.** *Содержаніе:* Долой Перуна. — Крещеніе Руси. — Подъ вѣчевымъ колоколомъ (Марѳа Посадница).—Покореніе Казани. Съ рис. ц. 1 р. 50 к.

ЦАРЕВИЧЪ-ОРЛЕНОКЪ. Историческій разсказъ временъ Петра I. **Л. А. Чарской.** Съ рисунками.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Ярославская ул., № 1—9.

На медаль.

I.

СЯ Звегинцева, высокая тоненькая блондинка, съ красивыми сѣрыми глазами и толстой бѣлокурой косой, сидѣла на широкомъ подоконникѣ своей хорошенькой, уютной спальни и прилежно заучивала года и событія по толстому учебнику всеобщей исторіи.

За окномъ, которое выходило на шумный и веселый Каменноостровскій проспектъ, скакали автомобили, велосипеды; нарядные экипажи проносились на «Стрѣлку», гдѣ скучающая петербургская публика искала развлеченія, глядя, какъ пурпуровый дискъ заходящаго солнца медленно погружался въ заалѣвшія воды холодной красавицы—Невы. Звонки трамваевъ, топотъ коней, веселый говоръ по - праздничному настроенныхъ пѣшеходовъ—все это невольно отвлекало отъ книги шестнадцати-лѣтнюю Асю, поминутно разсѣевая ея мысли и заставляя путать и смѣшивать событія и года.

— Первая Пуническая война... первая Пуническая началась въ 264 году до Рождества Христова? А вторая... Да, да, вторая...—безсвязно лепечетъ Ася и ея сѣрые глаза, скользнувъ разсѣяннымъ взоромъ мимо страницы книги, устремляются въ окно, прямо туда, гдѣ двигались трамваи и экипажи, гдѣ веселились

люди, шумно привѣтствуя торжественное наступленіе весны.

— Счастливые! — шептала съ завистью Ася, и ея глаза приняли унылое, скучающее выраженіе,—счастливые, катаются, веселятся и не думаютъ о томъ, что въ такомъ-то году побѣдилъ Мильтіадъ, при Марафонѣ и чѣмъ отличился Фабій... А на Стрѣлкѣ должно быть такъ хорошо сейчасъ! Деревья уже распустились... Стоятъ зеленыя, свѣжія... И шепчутъ что-то... Пуническая третья когда была?.. Ахъ, нѣтъ, не то... не то... Солнце красное, красное, а Нева точно дремлетъ, розовато-алая Нева, красивая... Мила Каменева вѣрно ужъ тамъ, въ высокомъ кебѣ и въ новой шляпѣ. И Боря тоже на моторѣ поѣхалъ... Счастливый Боря... Сдалъ всѣ экзамены, уйдетъ въ лагери и горя мало! А тутъ на-ка зубри исторію, чтобъ не сорваться... не осрамиться, чтобъ получить медаль...

Да, да, непремѣнно медаль... А то позоръ и стыдъ ей, Асѣ, если медаль получитъ не она, а Оля, дочь простой экономки... А она, Ася Звегинцева, папина гордость «промажетъ» на экзаменѣ, и медаль пройдетъ мимо ея носа!.. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно... Совсѣмъ невозможно... Медаль должна получить она, Ася. и никто больше... О, какъ всѣ ей будутъ завидовать тогда... Папа навѣрное сдѣлаетъ вечеръ съ танцами и обѣдъ... На обѣдѣ будутъ пить шампанское за ея, Асино, здоровье и за ея «медаль»... Всѣ станутъ поздравлять папу съ такой умной дочкой, съ дочкой медалисткой, и папа будетъ гордиться ею... Папа будетъ говорить: «А моя дочурка отличилась! Съ золотой медалью! Каково!» И Люся, и Мила Каменева

навѣрное лопнутъ отъ зависти... Еще-бы! Учатся онѣ Богъ вѣсть какъ. Въ хвостѣ класса плетутся... Не то что она, Ася! Она медалистка! О какъ хорошо, какъ пріятно быть лучше, выше, умнѣе другихъ! Только бы не срѣзаться на послѣднемъ экзаменѣ, только бы не упустить медали! А то ее получитъ эта противная Оля!

При одной мысли объ этомъ у Аси начинаетъ кружиться голова и во рту дѣлается сухо.

Дѣвочка затыкаетъ уши, зажмуриваетъ глаза, чтобы не видѣть и не слышать веселаго гомона, доносящагося съ улицы и твердитъ раскачиваясь всѣмъ тѣломъ:

— Первая Пуническая... Вторая Пуническая... Третья... Мильтгадъ... Мильтгадъ... при Марабонѣ... Господи! Господи! Сдѣлай такъ, чтобы я, а не Оля Сомова, получила медаль.

II.

Солнце садится за кровлями домовъ, за высокими трубами. Тамъ, на Стрѣлкѣ, оно уже должно быть, достигаетъ концомъ пурпуроваго шара окрашенной алымъ заревомъ поверхности взморья... Его косые лучи проникаютъ въ комнату Аси. Эта комнатка — прелесть. Она вся голубая, точно сіяніе мѣсяца въ іюльскую ночь. Голубыя шелковыя козетки, голубой диванъ, голубыя креслица, даже коверъ голубой, и туалетъ, и постель покрыты чѣмъ-то легкимъ, нѣжно-голубымъ и прозрачнымъ, какъ крылышки эльфовъ и стрекозъ.

Эту голубую комнатку съ ея изящнымъ убран-

ствомъ, съ прелестнымъ трюмо въ простѣнкѣ оконъ, съ легкими шелковыми занавѣсками и тяжелыми плюшевыми гардинами, отдѣлывалъ самъ папа по своему вкусу для своей любимицы.

Папа, Ася и Боря остались только трое съ тѣхъ поръ, какъ умерла мама и младшая сестрица Ниночка. Со времени этой тяжелой потери папа сталъ особенно нѣженъ съ оставшимися въ живыхъ дѣтьми, Асей и Борей, особенно съ Асей. Ася — папина гордость, папина любимица. Ася учится превосходно и своими успѣхами радуетъ папу. Когда умерла Ниночка, Ася очень тосковала. Она привыкла быть неразлучной съ сестрой, учиться и играть вмѣстѣ съ нею. Безъ Ниночки Ася, и безъ того убитая горемъ со смерти матери, чувствовала себя такой одинокой, такой несчастной...

Чтобы утѣшить и успокоить свою любимицу, которой едва минуло тогда девять лѣтъ, папа и выбралъ тогда въ подруги Асѣ Олю Сомову.

Оля была дочь экономки Анны Ивановны Сомовой и жила съ самаго ранняго дѣтства вмѣстѣ съ матерью въ богатомъ генеральскомъ домѣ Звегинцевыхъ, въ крошечной комнаткѣ подлѣ кухни и людскихъ. Между хорошенькой и богатой генеральской дочерью и скромной дочуркой экономки завязалась та неразрывная чистая дѣтская дружба, которая можетъ быть между дѣтьми, выросшими вмѣстѣ и видѣвшимися каждый часъ, каждый день.

Ася и Оля крѣпко и нѣжно любили другъ друга. Гдѣ мелькала изящная, нарядная фигура Аси, тамъ можно было безъ сомнѣнія найти и Олю, скромную,

худенькую, некрасивую Олю съ ея туго заплетенной жиденькой черной косичкой, большими добрыми и умными глазами. Асю отдали десяти лѣтъ въ гимназію; въ ту же гимназію, въ тотъ же классъ, генералъ Звегинцевъ, ради удовольствія и просьбы дочери, отдалъ и скромную дочь экономки, рѣшивъ воспитать бѣдную дѣвочку на свой счетъ.

Обѣ дѣвочки учились прекрасно и радовали домашнихъ своими успѣхами.

Обѣ шли во главѣ класса, учась одинаково въ продолженіи долгихъ семи лѣтъ.

И дружба ихъ была также трогательно - сильна, какъ и прежде...

Но вотъ, обѣ первыя ученицы, и Ася Звегинцева, и Оля Сомова, оканчивали курсъ ученья эту весну.

Въ той гимназіи, гдѣ воспитывались дѣвочки, давали въ награду одну только золотую медаль лучшей ученицѣ. Остальнымъ первымъ пяти по достоинству ученья дѣвочкамъ присуждались книги. Естественно, что одну золотую медаль нельзя было дать двумъ ученицамъ, а Ася Звегинцева отличалась слишкомъ тщеславнымъ характеромъ для своихъ лѣтъ. Ей, во что-бы то ни стало, хотѣлось получить золотую медаль. Къ этому примѣшивалось нехорошее чувство: Какъ могла какая-то Сомова, дочь экономки, какая-то скромная маленькая мѣщаночка получить первую награду, когда она, Ася, получитъ только книги! Что скажутъ тогда ея родные, знакомые, подруги!

И съ этого времени между дѣвочками пробѣжала черная кошка. Ася внезапно охладѣла къ Олѣ, перестала быть дружной съ нею, избѣгала оставаться въ

обществѣ своей прежней любимой подруги—и въ гимназіи, и дома, въ свободные отъ уроковъ часы. Прежде дѣвочки готовились къ экзаменамъ вмѣстѣ. Теперь Ася запиралась въ своей комнатѣ и училась одна.

Почти всѣ экзамены вплоть до послѣдняго, исторіи, у обѣихъ дѣвочекъ сошли блестяще, на круглое 5. Только Оля Сомова получила 4 по французскому языку. За то изъ исторіи древнихъ народовъ у Аси Звегинцевой была тоже четверка. Теперь, если дѣвочка получитъ пять на послѣднемъ экзаменѣ, медаль останется за нею. Вотъ почему Ася усердно твердила имена и года древнихъ, среднихъ и новыхъ событій и героевъ, преслѣдуя одну только цѣль—получить медаль, единственную золотую медаль, во что-бы то ни стало!

III.

Въ маленькой комнаткѣ, подлѣ кухни, гдѣ съ трудомъ умѣщаются двѣ узенькія постели, застланныя бѣлоснѣжно-чистыми пикейными одѣялами, съ подушками, покрытыми накидками изъ самодѣльныхъ плетеныхъ прошивокъ и кружевъ, сидѣла Оля Сомова.

Худенькая, черненькая, смуглая Оля казалась годами старше Аси, несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ была на два—три мѣсяца моложе ея. Какая-то неуловимая черточка залегла между бровями дѣвочки и придавала всему ея умному личику какой-то сосредоточенно-грустный видъ.

Свернувшись клубочкомъ въ креслѣ—единственной «мягкой мебели», помѣщавшейся въ ихъ каморкѣ—Оля, обхвативъ горячую голову руками, усердно твердила безконечный рядъ годовъ.

Ю. ШЮБЛЕР.
А. Шюблеръ

Дверь отворилась и, неслышно ступая на цыпочкахъ, въ комнату вошла или, вѣрнѣе, проскользнула маленькая худенькая, пожилая женщина въ коричневомъ платьѣ и бѣломъ фартукѣ поверхъ него.

— Это ты, мама? — окликнула Оля вошедшую, не поднимая головы.

— Я, дѣточка, я, умница моя,—ласково отвѣчала та и, приблизившись къ дочери, провела своей худенькой, высохшей рукой по ея черной головкѣ.

— А ты все учишься, съ мѣста не вставая, рыбка ты моя! — любовно лаская дочурку, проговорила Сомова.—Небось, все медаль тебѣ, Олюша, мерещится... все она тебя смущаетъ... Брось, дѣточка, о ней думать, родная... Богъ съ нею!.. Пусть ее Асенька получитъ... А мы безъ нея обойдемся, Богъ дастъ... Да и лучше такъ-то!.. А то и Ася на тебя дуется, да и генералъ, не ровенъ часъ, разгнѣвается, если ты у его Асеньки награду отобьешь...

— Полно, мама! — горячо вырвалось изъ груди Оли,—полно, милая! Не говори такъ. Асѣ она нужна изъ гордости, изъ тщеславія, для того, чтобы отличиться передъ подругами, хвалиться передъ ними ею, а мнѣ медаль нужна для другого. Ты знаешь, мама, что начальница гимназіи обѣщала оставить ту изъ насъ классной дамой въ нашемъ учебномъ заведеніи, которая получитъ медаль. Для Аси это, конечно, не имѣетъ значенія. Она не пойдетъ въ классныя дамы. Ей, Асѣ, не надо зарабатывать хлѣбъ, не надо поступать на мѣсто, она богата, а мнѣ... намъ... Слушай, мама, я такъ мечтала получить это мѣсто!.. при гимназіи есть готовая комнатка, дается готовый столъ и

сорокъ рублей жалованья... Я возьзу тебя отсюда, поселю въ «нашей» комнаткѣ, не позволю больше работать и хлопотать тебѣ, милая моя старушка, и сама буду трудиться на мою мамулю... А теперь скажи ты мнѣ откровенно, ужели это не счастье для насъ, если я получу медаль? Ужели же не добиваться мнѣ ея всѣми силами, дорогая?

Оля смолкла и горячо, порывисто обняла мать.

Анна Ивановна не могла отвѣтить ни слова.

— Голубушка моя!—прошептала она сквозь слезы и крѣпко и нѣжно прижала черненькую головку дочери къ своей груди.

IV.

Весело и шумно, точно рой веселыхъ пчелокъ, перекликаясь и переговариваясь между собой, занимали на слѣдующее утро выпускныя гимназистки свои мѣста. На всѣхъ юныхъ личикахъ было написано волненіе, нетерпѣніе, страхъ и забота. Многія не спали эту ночь, доучивая билеты на послѣдній экзаменъ. Многія были блѣдны и унылы, другія необузданно весилы и возбужденны.

Еще-бы! Какъ-же было не волноваться имъ всѣмъ сегодня!..

Послѣдній экзаменъ!

Самый страшный, самый ужасный, благодаря длиннымъ, безконечнымъ рядамъ цифръ хронологіи, знаніе которой считалось у преподавателя—историка едвали не важнѣе самихъ событій и именъ.

Ася Звегинцева вмѣстѣ съ Олей пришли изъ дома и заняли свои мѣста. Отношеніе между дѣвочками

казалось еще болѣе натянутымъ сегодня, нежели вчера, нежели во всѣ послѣдніе дни.

Между тѣмъ прозвучалъ звонокъ въ коридорѣ, возвѣщающій начало экзамена, и дверь въ рекреаціонный залъ, гдѣ производились послѣднія выпускныя испытанія, широко раскрылись.

Вошла директриса, вошелъ инспекторъ, свой преподаватель исторіи и цѣлый рядъ чужихъ ассистентовъ—учителей.

Ася была, какъ на иголкахъ. Она плохо спала въ эту ночь. Мысль о медали преслѣдовала ее все время. Злосчастная медаль явилась ей даже во снѣ въ образѣ какого то круглаго, желтаго чудовища, катившагося передъ Асей, которое она никакъ не могла поймать.

И теперь какъ и вчера, настойчивая мысль твердила:—„Только бы получить пятерку, только бы получить ее... Тогда медаль моя“.

Она такъ увлеклась ею, что не слышала, когда учитель назвалъ ея фамилію наряду съ другими,

— Идемъ-же Ася... насъ вызываютъ! — услышала она тихій голосъ Оли надъ своимъ ухомъ, и машинально встала, также машинально прошла длинную актовую залу и очутилась передъ зеленымъ столомъ, за которымъ сидѣло начальство и учителя.

Словно во снѣ протянула руку Ася и взяла билетъ.

Слава Богу! Билетъ знакомый... Она его знаетъ, и хронологіи мало, почти нѣтъ годовъ. Одна исторія и кой-какія имена. Будетъ пятерка! И будетъ медаль! О, она теперь увѣрена въ этомъ! Лишь-бы Сомова

отвѣчала не очень хорошо. И Ася торжествующимъ взоромъ окинула свою сосѣдку, стоявшую рядомъ съ нею у зеленаго стола.

Толстенькая Уволина, предшедствующая ученица, закончила свой отвѣтъ и отошла къ партамъ.

Госпожа Сомова, очередь за вами! — проговорилъ инспекторъ. Сердце Аси дрогнуло отъ этихъ словъ. Недобрая мысль промелькнула въ ея головѣ:

— Ахъ, если-бы Оля отвѣчала похуже! Вотъ ужъ тогда медаль навѣрное моя!

Оля, и не подозрѣвала дурныхъ мыслей своего недавняго закадычнаго друга, начала отвѣчать по своему билету.

Спокойнымъ ровнымъ, неторопливымъ голосомъ, ясно и толково выкладывала Оля свои знанія. Ей попался очень трудный билетъ, имена слѣдовали за годами событій, года событій за именами, и такъ безъ счета и конца. Экзаменаторы одобрительно покачивали головами и улыбались Олѣ. Инспекторъ изрѣдка ронялъ:

— Хорошо-съ! Очень хорошо-съ! Прекрасно!..

Но чѣмъ лучше, чѣмъ тверже звучали отвѣты Оли, тѣмъ безпокойнѣе билось сердечко Аси, тѣмъ взволнованнѣе и краснѣе становилось ея встревоженное лицо.

Вотъ кончила черненькая, Сомова, поклонилась и пошла на мѣсто.

— Прекрасно, превосходно! Пять съ плюсомъ заслуживаетъ такой отвѣтъ, — произнесла директриса и первая на своемъ листѣ съ отмѣтками поставила 5+ въ клѣточкѣ противъ фамиліи Оли.

Какъ во снѣ слышала Звегинцева эту фразу, какъ

въ туманѣ увидѣла отмѣтку, жирно отмѣченную на листѣ. Ея сердце упало.

— Не получу медали... Оля получитъ ее!—пронеслось вихремъ въ ея мысляхъ и ослабшимъ разомъ, трепещущимъ, невѣрнымъ голосомъ она принялась отвѣчать.

Мысль о томъ, что побѣда останется за Олей, не давала покоя Асѣ, мѣшая ей сосредоточиться. Она стала путаться и сбиваться все чаще и чаще, наконецъ, замолкла совсѣмъ и, растерянная, красная, какъ піонъ, стояла передъ лицомъ экзаменующихъ.

— Что съ вами, госпожа Звегинцева? Вы такая отличная ученица и такъ слабо отвѣчаете!—проговорилъ инспекторъ, недоумѣвающе покачивая головою, обмакнулъ перо въ чернильницу и начерталъ противъ фамиліи Аси крупное 3.

Что было дальше — Ася едва помнитъ. Не будучи въ силахъ сдерживаться, она зарыдала навзрыдъ и опрометью кинулась за дверь залы.

V.

Ася забилась въ самый дальній уголъ коридора и плакала горько и неутѣшно. Ея сердце какъ раненая птичка, колотилось въ груди, ея лицо и голова пылали. Одна и та-же мысль съ поразительной быстротой кружилась въ ея мозгу:

— Не будетъ у меня медали! Не будетъ! Не будетъ!

И зависть, злоба и тоска охватывали ея взволнованную душу.

Чья то худенькая ручка внезапно легла ей на плечо, потомъ скользнула выше и крѣпко обняла ее за

шею. Чей-то дрожащій голосокъ зазвенѣлъ на ухо горько плачущей дѣвочкѣ:

— Ася... милая... родная моя... перестань... не плачь, ради Бога! Не сердись на меня... Я такъ тебя люблю, если-бы ты знала, и мнѣ такъ больно видѣть твое горе... Но выслушай, ради Бога, выслушай меня, Ася... Тебѣ нужна была хорошая отмѣтка ради медали... медаль же ради удовольствія имѣть ее... А мнѣ, Ася, мнѣ медаль нужна для другого... Ты знаешь,—медалистокъ оставляютъ при гимназіи. И медалистки сразу обезпечены... Если я получу медаль — у меня будетъ мѣсто классной дамы, и я могу помогать моей мамѣ... Ты подумай только, Ася... Моя бѣдная старенькая мама уже наработалась и наслужилась достаточно во всю свою жизнь. Пора ей отдохнуть, пора мнѣ замѣнить ее и, въ свою очередь, потрудиться и поработать на мою голубушку... Вотъ я и хотѣла получить медаль для того, чтобы имѣть мѣсто при гимназіи... Неужели ты сердишься на меня за это, Ася? Вѣдь я ни въ чемъ не виновата передъ тобой...

Нѣжный голосокъ Оли смолкъ. Ея трогательное личико взволнованно смотрѣло на плачущую Асю. Ея милые, добрые глаза были сами полны слезъ.

Что-то странное случилось въ эту минуту съ Асей. Острое раскаяніе и жалость наполнили ея сердце. Она вдругъ поняла всю свою неправоту и, прежде чѣмъ Оля могла произнести слово, она быстро закинула ей руки на шею и, покрывъ градомъ горячихъ поцѣлуевъ милое личико Оли, произнесла рыдая:

— Оля родная... милая... прости меня глупую!... прости!.. прости!..

Эва.

I.

НА была такая бѣлкурая, нѣжная съ лиловато-синими глазами, похожими на какіе-то странные, рѣдкіе, болотные цвѣты...

Она была всегда печальная. Печаль какъ лучи исходила и отъ ея рѣдкихъ, похожихъ на цвѣты глазъ, отъ блѣднаго ротика, отъ черезъ чуръ бѣлыхъ болѣзненныхъ щекъ, отъ золотыхъ волосъ и маленькихъ рукъ прозрачныхъ, какъ мечта.

А онъ, ея братъ, Вадимъ, былъ такой могучій и сильный, какъ молодой орелъ въ облакахъ, какъ барсъ въ глухомъ лѣсу, какъ сама молодость въ ея цвѣтущую пору. У него было сильное мускулистое тѣло и черные, какъ мракъ глаза.

Когда онъ надѣвалъ свое розовое трико и бархатные трусы, всѣ удивлялись его мускуламъ, напрягавшимся какъ шары, его толстымъ, вздутымъ жиламъ атлета, его смѣлому, самоувѣренному красивому лицу. Удивлялись и тому, что Вадимъ и Эва родные братъ съ сестрою. Она бѣленькая, хрупкая, какъ ландышъ весною, онъ могучій и сильный, какъ гроза.

И потомъ онъ казался такимъ холоднымъ, такимъ суровымъ съ нею. Ни заботы, ни ласки не было въ

его черныхъ глазахъ, когда по вечерамъ поднималась тяжелая занавѣсь на эстрадѣ, и онъ весь затянутый въ свое розовое трико съ увѣренностью и спокойствіемъ бросалъ въ нее смертоносныя лезвія ножей на потѣху праздной толпы.

Это былъ самый трудный, а вмѣстѣ съ тѣмъ самый интересный номеръ представленія.

Хозяинъ цирка, рыжій американецъ очень дорожилъ присутствіемъ въ своей труппѣ такого богатыря, какимъ былъ Вадимъ.

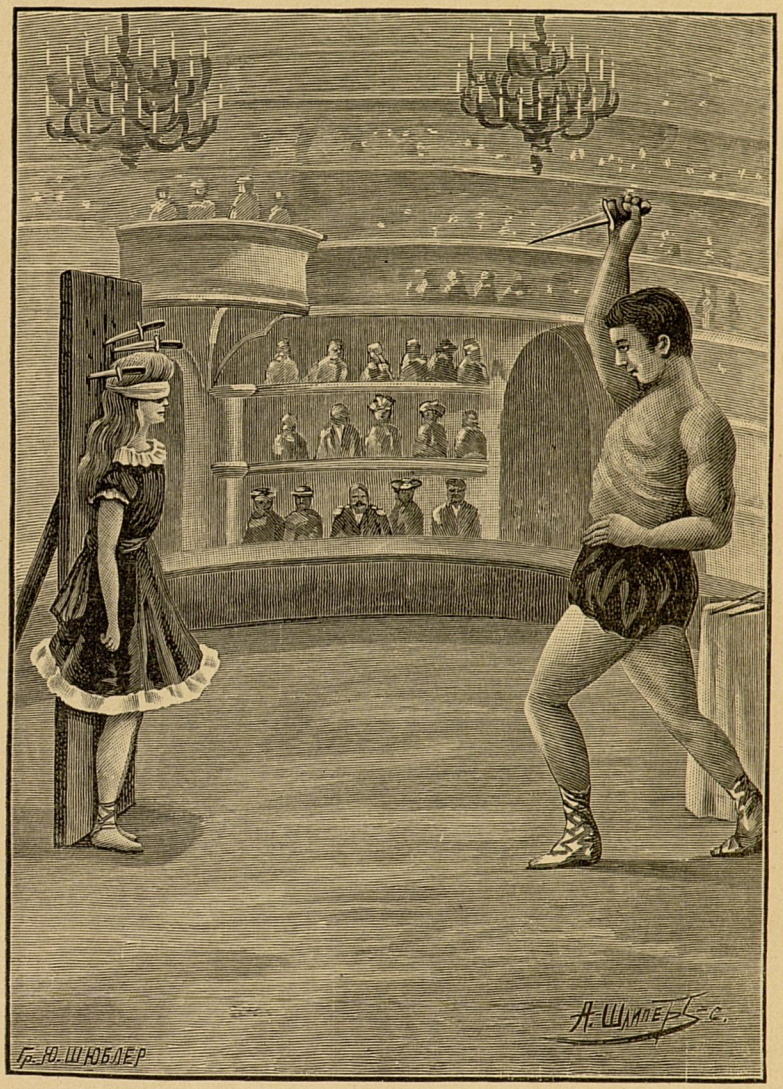
Номеръ «ножей» привлекалъ много публики въ его циркъ каждый вечеръ, и выручка въ кассѣ росла не по днямъ, а по часамъ.

Но и рыжій американецъ при всемъ его олимпійскомъ спокойствіи замиралъ отъ волненія, всякій разъ когда Вадимъ, привязавъ свою сестру къ доскѣ и покрывъ ей глаза повязкой, отходилъ на нѣсколько шаговъ отъ своей «живой цѣли» и наловчившись металъ въ доску на дюймъ отъ ея головы острые какъ бритвы ножи, строго на строго наказавъ сестрѣ не шевелиться.

Ножи вонзались поминутно въ доску такъ близко, такъ ужасно близко къ золотой головкѣ Эвы, а Вадимъ по прежнему хранилъ свое холодное, гордое надменное спокойствіе.

А кругомъ играла музыка, тихо, мелодично и сладко, и было красиво и свѣтло, какъ въ фантастическомъ царствѣ сказки, и публика, затаивъ дыханіе блѣдная отъ волненія за жизнь этой златокудрой дѣвушки, дрожа и волнуясь ждала конца опасной игры.

Но вотъ послѣдній ножъ со свистомъ втыкался въ


Гр. Ю. ШНЮБЛЕР
А. ШЛИПЕРБС.

доску. Вадимъ дико вскрикивалъ повязка спадала съ лиловато-синихъ глазъ Эвы, и они оба, пріятно взволнованные, подбѣгали къ краю эстрады раскланиваться съ бурно аплодирующей имъ публикой.

А музыка уже играла по новому, не тихое и грустное, а такое могучее, грозное и торжествующее, какъ самый тріумфъ.

И Эва робко заглядывала въ глаза Вадима въ эти минуты и все старалась отыскать въ нихъ хоть каплю любви ласки и одобренья—ей, его слабенькой сестренкѣ, пережившей только что минуту граничившую между жизнью и небытіемъ.

Но, увы! Глаза Вадима были по прежнему холодны и равнодушны и ни капли чувства, казалось не оставалось въ нихъ на долю сестры.

И золотистая головка Эвы наклонялась низко, а изъ лиловатыхъ глазъ брызгали слезы.—Не любитъ меня Вадя, не любитъ! Значитъ правду говорятъ люди... Не родные мы... Я не его сестра!—думала бѣдняжка и отъ этихъ думъ больно сжималось ея маленькое сердце...

II.

— Не любитъ тебя твой братъ!—произнесъ худой какъ жердь и злой какъ обезьяна старый клоунъ Гавриловъ, переименованный въ monsieur Жако насмѣшливо поглядывая на особенно притихлую въ этотъ вечеръ Эву. Жако былъ скверный человѣкъ и любилъ сѣять злобу и ссоры въ труппѣ. Его никто не любилъ и всѣ избѣгали въ циркѣ. Видя что слова его задѣли бѣдняжку Эву Жако прибавилъ злородно:

— Да ты навѣрное-ли сестра Вадима... А?.. Какъ

ты думаешь? Должно быть, родства нѣтъ между вами. Иначе развѣ бы онъ могъ быть такъ равнодушенъ къ тебѣ. Да и сходства между вами нѣтъ никакого... Ты не помнишь-ли что-нибудь изъ твоего дѣтства, дитя? Заключилъ вопросомъ свою рѣчь клоунъ и впился въ Эву любопытными глазами.

Но увы! послѣдняя ничего не знала. Она начинала помнить себя лѣтъ трехъ-четырехъ и тогда уже кромѣ брата Вадима у нея никого не было, и она и Вадимъ уже служили оба въ циркѣ: онъ разбрасывалъ вокругъ ея головки ножи передъ публикой, она представляла ему собою живую мишень для этой дѣли... Ихъ родители умерли давно, и она не помнила ни отца, ни матери.

Слова Жако больно задѣли сердце Эвы.

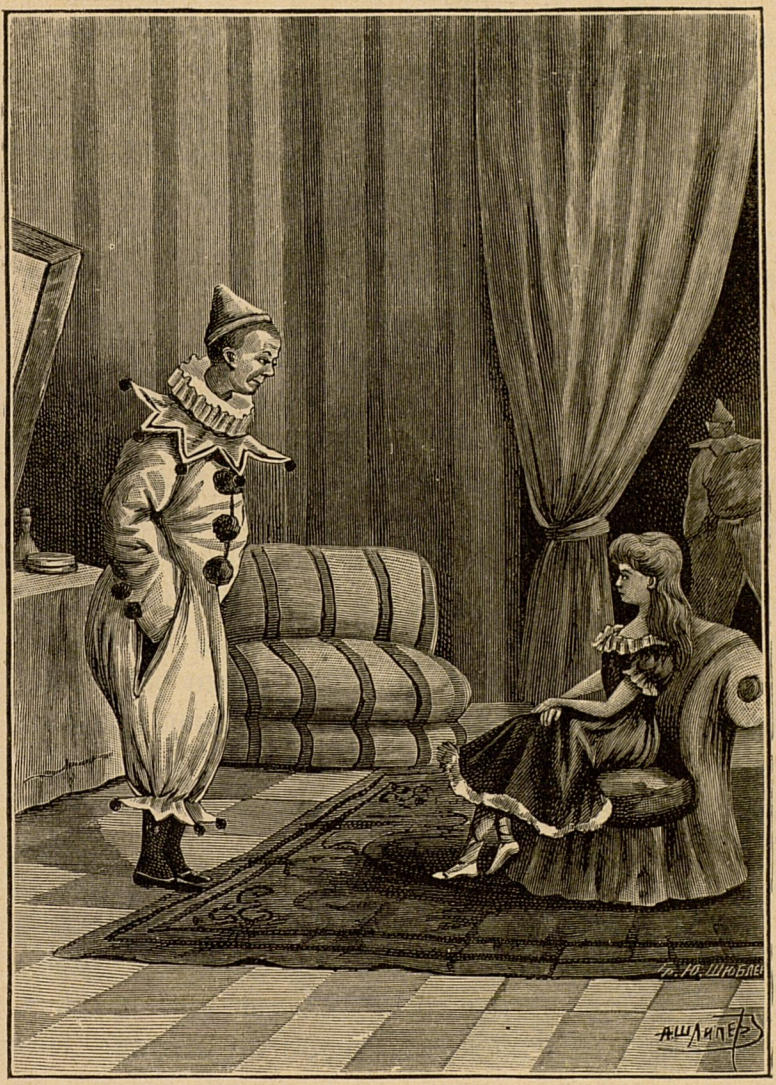
Въ самомъ дѣлѣ! Что если она не сестра Вадиму? Что если они совсѣмъ чужіе? О! Тогда она уйдетъ отъ него и будетъ самостоятельно зарабатывать свой хлѣбъ шитьемъ или вязаньемъ. Вѣдь она уже большая.

Въ шестнадцать лѣтъ можно отлично прокормить себя!

Но прежде надо узнать, узнать непремѣнно: любитъ-ли ее Вадимъ... и братъ-ли онъ ей, Эвѣ? Можетъ быть у него такая одинокая, сумрачная душа, можетъ быть онъ не умѣетъ подѣлиться своимъ чувствомъ съ нею, а чувствуетъ много и глубоко и любитъ ее, Эву... Или-же... Сомнѣнія съѣдали дѣвушку.

Она сама горячо любила брата и боялась ему это высказать... Боялась и стѣснялась его.

Но узнать истину Эва рѣшила твердо. Своимъ предположеніемъ клоунъ Жако оскорбилъ ее. И ей показалось съ той минуты, что она должна, во что бы



Не любитъ тебя твой братъ!..

то ни стало узнать все. . . . . .

. . . . . .

Музыка играла тихо и мелодично. Точно голоса ангеловъ пѣли гдѣ-то вдалекѣ. Публика ждала номера ножей, затаивъ дыханье...

Вадимъ вывелъ изъ-за кулисъ трепещущую Эву, и шепнулъ ей по обыкновенію:

— Не смѣй шевелиться, а то я могу поранить тебя!

Подвелъ ее къ доскѣ и набросилъ ей на глаза повязку.

Потомъ отошелъ немного, сдѣлалъ паузу.

— Allo! — послышался его голосъ и первый ножъ засвистѣлъ въ воздухѣ.

За нимъ другой, третій, четвертый.

Ножи летали какъ молніи, описывали дуги и вонзались въ дерево, полукругомъ вокругъ худенькой фигуры Эвы и ея золотой головки...

Пятый, шестой... еще и еще... Много, много ножей уже вонзилось въ доску... Почти всѣ... Остается послѣдній... Еще одинъ... Одинъ только...

И вдругъ легкій крикъ оглашаетъ эстраду и эхомъ повторяется въ публикѣ...

Эва сдѣлала быстрое движеніе... Поднялась на цыпочки и...

Съ поразительной быстротою, ножъ вонзился въ грудь дѣвушки, въ мигъ залившуюся кровью.

Повязка соскользнула разомъ съ потухшихъ глазъ Эвы, и сама Эва повисла тяжелымъ, словно безжизненнымъ тѣломъ на поддерживающей ее веревкѣ.

Съ дикимъ неистовымъ воемъ бросился къ ней Вадимъ, дрожащими руками обвилъ онъ свою несчастную сестренку.

— Ты ранена! Родная! — стономъ души вырывалось прямо изъ сердца атлета, и тысяча поцѣлуевъ покрыли поблѣднѣвшее личико его сестры.

— Милая! Родная! О Господи! Господи! Я убилъ ее! — исполненнымъ отчаянія и муки крикомъ вырывались стоны изъ его души.

И онъ зажималъ своими сильными руками рану на груди дѣвушки, и всячески старался унять струившуюся изъ нея кровь.

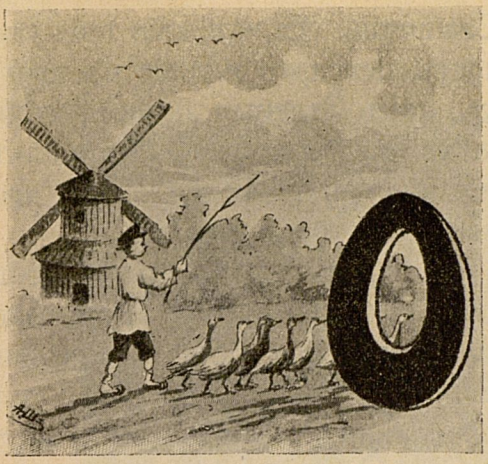
Эта рана оказалась глубокой, но не смертельной...

И не смотря на эту рану, не смотря на потерю крови, блѣдное личико Эвы и ея лиловатые глаза, полные самаго безграничнаго, самаго свѣтлаго счастья... обратились къ брату.

Слабыя рученки обвили сильную шею атлета, а блѣдныя губы, прильнувъ къ его уху, зашептали слабо, чуть внятно:

— О я знаю теперь... и счастлива, какъ никогда... Знаю, ты братъ мой и ты любишь меня крѣпко... Вадя мой! Вадя!

И она тихо заплакала сладкими, торжествующими слезами на его могучей груди...



Богатый наслѣдникъ.

ТЕЦЪ положилъ свою красивую бѣлую руку на черненькую головку Адочки и тихо сказалъ:

— Что дѣлать, моя дѣвочка, бываютъ еще большія разочарованія въ жизни, надо терпѣть.

Но Адочка терпѣть не умѣла. Она не понимала, что значитъ терпѣніе, не хотѣла понимать. Въ ея большихъ глазахъ стояли слезы. Ротъ судорожно кривился въ капризную, недобрую гримасу.

— Не хочу терпѣть. Я такъ зла на него! Такъ сердита! Я его буду ненавидѣть всей душой. Ненавидѣть... да, да!

— Это грѣшно, Адочка! Это неблагородно...

— Неблагородно! — горячо восклицаетъ дѣвочка и вся вспыхиваетъ румянцемъ негодованія и гнѣва.—А развѣ благородно отнимать у насъ то, что должно намъ принадлежать по праву, развѣ благородно вторгаться въ чужія владѣнія и... и...

Тутъ крупныя слезы брызнули изъ черныхъ глазъ Адочки и покатились по ея нѣжнымъ щекамъ.

— Ты плачешь, Ада? Крошка моя ненаглядная! Перестань, голубка! Я сдѣлаю все, чтобы ты была

счастлива, дѣвочка... Слышишь, Адочка, даю тебѣ слово, если Ника пожелаетъ передать имѣніе въ другія руки, я куплю такое-же, какъ Зеленыя Липки, чтобы ты не терпѣла недостатка ни въ чемъ, слышишь-ли ты меня, Адочка, сокровище мое?—Голосъ отца дрожалъ. Онъ казался очень разстроеннымъ.

Но Адочка точно не слышала того, что ей говорилъ онъ. Она выскочила съ громкимъ всхлипываніемъ и плачемъ изъ за стола, бросилась съ крыльца въ садъ и стрѣлой понеслась по прямой липовой аллеѣ.

Добѣжавъ до полуразвалившейся бесѣдки, она стремглавъ влетѣла въ нее по шаткимъ ступенькамъ и, забившись въ уголъ, дала полную волю слезамъ.

Когда первый приступъ горя прошелъ и рыданія стихли въ груди дѣвочки, Адочка подняла заплаканные глаза къ потолку бесѣдки, черезъ отверстіе котораго ясно голубѣлъ клочекъ лѣтняго неба. По небу ползли причудливо сотканныя, точно кружевныя облака, догоняя и перегоняя другъ друга... Зеленыя липы шептали въ аллеѣ свою длинную, длинную сказку, которую такъ любила слушать, сидя въ своей зеленой засадѣ, хорошенькая, черноглазая Адочка... На ближайшей изъ нихъ, прикрывающей своими кудрявыми вѣтвями часть крыши, сидѣла какая-то невѣдомая пичужка и во всѣ глаза смотрѣла на большую дѣвочку, такъ демонстративно нарушавшую плачемъ голубую тишину іюльскаго утра.

Изъ цвѣтника доносился чуть уловимый, душистый ароматъ геліотропа и левкоя и любимой Адочкиной резеды, въ изобиліи росшей на куртинахъ.

Знакомая обстановка—шепчущая липовая аллея по-

Стр. 24.

луразвалившаяся бесѣдка, которую всѣ въ Зеленыхъ Липкахъ называли «Адочкинымъ дворцомъ», видъ прелестнаго цвѣтника и тянувшихся за нимъ оранжерей, гдѣ росли такія чудесныя розы, и гдѣ зрѣли и наливались сочные плоды персиковъ и дынь,—вся эта милая, близкая сердцу картина, не утѣшала и смягчала, а еще болѣе волновала и безъ того встревоженную и раздраженную дѣвочку.

— Все это не наше... не наше теперь...—съ ненавистью повторяли ея губы,—и никогда не было нашимъ, никогда!

Мы были просто наемниками у этого негоднаго мальчишки, управляющими и только. И теперь онъ ѣдетъ сюда, какъ владѣтельный герцогъ, принимать свое помѣстье. Теперь милыя Зеленыя Липки уже не будутъ считаться принадлежащими намъ.

Этотъ большой, грубый, вихрастый мальчикъ пріѣдетъ сюда, какъ настоящій владѣтель — помѣщикъ, и всѣ поймутъ, и крестьяне, и прислуга, что она, княжна Ада Столыпина, и ея гордый, важный и къ ней одной только ласковый отецъ, такіе же слуги Николая Вязьмина, какъ и всѣ служащіе на хуторѣ. Ужасъ, ужасъ!

А она, Адочка, такъ любила сознавать себя хозяйкой, такъ любила показываться разряженной въ пухъ и прахъ среди крестьянъ въ церкви и на деревенской улицѣ, всегда въ высокомъ кабріолетѣ англійской упряжи, такая недосягаемая и гордая,—настоящая принцесса среди своихъ подданныхъ. Любила видѣть низкіе поклоны, относящіеся къ ея сіятельной особѣ, на которые она отвѣчала чуть замѣтнымъ кивкомъ

своей красивой головки. Или въ черной, ловко сидѣвшей на ея полудѣтской фигуркѣ, амазонкѣ, въ высокой шляпѣ съ далеко развѣвающимся за ней бѣлымъ вуалемъ, она появлялась въ полѣ во время жатвы и любовалась, какъ работали тамъ крестьяне, обливаясь потомъ, надъ своими снопами. Ей было мало дѣла до того, что ея гнѣдой Красавчикъ топталъ ногами спѣлые, налитые зерномъ, колосья, врѣзываясь въ самую чащу ихъ, и поѣдалъ вкусные для него лакомства; вѣдь эти грязныя сѣрыя мужички (какъ называла Адочка жницъ), чуть не до земли кланявшіяся ей при встрѣчахъ, не смѣли даже остановить сіятельную княжну, отцу которой онѣ всѣ были поголовно должны и зерномъ и деньгами.

— Глянька-сь, наша барышня—княжна! Настоящая княжна—владѣлица!—слышала она за собою восторженный шопотъ, когда съ гордо поднятой головкой шла позади отца черезъ всю церковь къ своему мѣсту между двумя рядами разступившихся по обѣ стороны крестьянъ. И опять-таки въ эти минуты она чувствовала себя владѣтельницей, богатой помѣщицей Зеленыхъ Липокъ, хотя отлично знала, что Липки принадлежатъ не ей и ея отцу, а двоюродному брату Никѣ, родному племяннику ея покойной матери. Знала и то, что только ради ея Адочкина слабаго здоровья, ея бабка по матери Вязьмина предложила ея только что овдовѣвшему отцу четырнадцать лѣтъ тому назадъ поселиться въ Зеленыхъ Липкахъ, чтобы полѣчить ее—новорожденную, дышавшую на ладонъ Адочку—деревенскимъ воздухомъ и привольемъ полей.

Князь Столыпинъ, обезумѣвъ въ первые дни вдов-

ства отъ горя, охотно принялъ предложеніе тещи, ища всей душой полнаго уединенія въ своемъ горѣ, вышелъ въ отставку и поселился здѣсь съ малюткой дочерью.

Князь Владиміръ Сергѣевичъ ни на минуту не забывалъ, что управляемое имъ имѣніе, съ котораго онъ ежегодно получалъ хорошій процентъ, принадлежитъ не ему, а его племяннику—сиротѣ, внуку Екатерины Алексѣевны Вязьминой, но заботился объ благосостояніи имѣнія племянника, какъ-бы о своемъ собственномъ, и Зеленыя Липки процвѣтали благодаря его усиліямъ и труду. Подростающая-же Адочка, которой князь не разъ повторялъ, что они только гости въ Липкахъ, не хотѣла и слушать объ этомъ.

Властолюбивая, тщеславная и капризная дѣвочка, избалованная души не чаявшимъ въ ней отцомъ, такъ свыклась съ владѣньями ея маленькаго кузена, что самымъ искреннимъ образомъ считала ихъ своей собственностью.

Она сжилась съ Зелеными Липками и привыкла къ нимъ. Да и потомъ этотъ Ника, портретъ котораго висѣлъ у нихъ на стѣнѣ въ гостинной, былъ такъ мало похожъ на богатаго наслѣдника большого имѣнія. На немъ изображенъ былъ большеголовый, добродушный шестилѣтній мальчуганъ съ потѣшнымъ темнымъ хохолкомъ волосъ, торчавшимъ надъ лбомъ; это Ника, простоватый, смѣшной на взглядъ ребенокъ, такъ мало походилъ по мнѣнію Адочки къ роли богатаго владѣтеля Зеленыхъ Липокъ!

И она забыла о немъ, какъ забываютъ проснувшіеся поутру люди о непріятномъ для нихъ ночномъ кошмарѣ. И вдругъ... этотъ кошмаръ, этотъ вихрастый

Ника присылаетъ телеграмму, возвѣщающую наканунѣ о его немедленномъ пріѣздѣ въ Зеленыя Липки.

Зачѣмъ онъ пріѣдетъ—Адочка не знала. Она почти увѣрена, что ради того только, чтобы «выставить» ихъ съ отцомъ изъ Зеленыхъ Липокъ. Адочка далеко не стѣсняется наединѣ съ собою и порой употребляетъ вовсе не соотвѣтствующія ея княжескому происхожденію выраженія.

Если-бы даже онъ—этотъ Ника—и не «выставилъ» ихъ отсюда, то все равно пріѣздъ его въ имѣніе приводитъ ее, Адочку, въ настоящее отчаяніе. Раздѣлить съ кѣмъ-бы то ни было свою власть (хотя-бы и фиктивную) въ Зеленыхъ Липкахъ, раздѣлить это поклоненіе крестьянъ, этотъ простодушный восторгъ сѣрыхъ людей передъ нею, помѣщицей, наконецъ дать понять прислугѣ, что ни они съ отцомъ настоящіе «господа», а этотъ смѣшной вихрастый мальчикъ, изображенный на портретѣ въ гостиной,—о, это ужасно, ужасно!

И Адочка снова падаетъ на мягкій дерновый диванчикъ, поставленный въ углу бесѣдки и заливается злыми, нехорошими слезами.

О, она такъ любитъ эти Зеленыя Липки, такъ любитъ! Любитъ проходить подъ вечеръ по полутемной липовой аллѣе и, слушая длинныя сказки вѣчно ропщущихъ, и вѣчно шепчущихъ что-то кудрявыхъ деревъ, любитъ представлять себя въ это время сказочной царевной, хозяйкой какого-нибудь роскошнаго замка, или средневѣковой принцессой, о которыхъ она столько читала въ чудныхъ, захватывающихъ романахъ Вальтеръ-Скотта. Правда, окрестности и природа Зеленыхъ Липокъ прекрасны, но еще лучше ихъ

тѣ грезы, погружаясь въ которыя Адочка представляетъ себя такой сильной и гордой, могучей и богатой. И вдругъ разстаться съ этими грезами, и съ этими Липками, въ которыхъ такъ хорошо, такъ сладко грезится! Слезы разомъ высыхаютъ на длинныхъ черныхъ рѣсницахъ дѣвочки. Черные-же гордые глаза загораются гнѣвными огоньками. Адочка вскакиваетъ со своей дерновой скамейки. Станъ ея выпрямился. Глаза сверкаютъ.

— Ну, если такъ... хорошо-же,—шепчетъ она задыхаясь. — Пожалуйте, если такъ, пожалуйте, милости просимъ, господинъ богатый наслѣдникъ!

II.

— О-о, какой смѣшной! Какой безобразный мальчишка! Смотри на его глаза, Ксаня. Можно думать, что онъ принадлежитъ къ мушиной породѣ. Не глаза, а мухи...

— Но...

— А эти руки! Онѣ болтаются, какъ плети! Смотри, смотри, какъ онъ размахиваетъ ими... Точно вѣтрянная мельница. Потѣха!

— Ахъ, что вы, Адочка. Вамъ это только кажется... Руки, какъ руки...

— Молчи! Или ты хочешь подлещаться къ нему? Вѣдь онъ богатый наслѣдникъ и, чего добраго, еще перепадетъ тебѣ, что нибудь отъ его щедротъ!

— За что вы меня такъ обижаете, Адочка! Развѣ я... развѣ... — голосъ обрывается на полусловѣ. Слышно легкое тихое всхлипываніе.

Двѣ дѣвочки стоятъ у окна Адочкиной спальни и

смотрятъ, что происходитъ на дворѣ. Одна изъ дѣвочекъ—Адочка, другая дочь деревенскаго священника, Ксаня, робкое, безобидное, маленькое существо, боготворившее гордую Адочку и подчиняющееся ей во всемъ.

Къ крыльцу дома только, что подъѣхала коляска. Вслѣдъ за княземъ, ѣздившимъ встрѣчать на вокзалъ племянника, изъ коляски выскакиваетъ рослый, высокій, но худенькій и нескладный мальчикъ лѣтъ 15 на видъ съ темными вьющимися волосами. Надо лбомъ высокаго мальчика торчитъ смѣшной хохолокъ, выглядывающій изъ-подъ сдвинутой на затылокъ фуражки. Небольшіе каріе близорукіе глаза мальчика поминутно щурятся на солнцѣ. Губы улыбаются добродушно и какъ будто насмѣшливо. Эта смѣсь добродушія и насмѣшливости придаетъ необычайную симпатичность всему его некрасивому, но чрезвычайно умному и подвижному, лицу.

Онъ увидѣлъ стоявшихъ у окна дѣвочекъ, быстро сдернулъ съ головы фуражку и съ низкимъ поклономъ послалъ къ нимъ въ окно:

— Добрый день, кузина!

— Какая дерзость! — вскричала ничего подобнаго не ожидавшая Адочка и съ сердитымъ видомъ отпрянула отъ окна.

Ксаня, слезы которой, вызванныя недобрымъ обхожденіемъ съ нею ея гордой подруги, разомъ высохли, вся была проникнута самымъ живымъ любопытствомъ.

— Какой вѣжливый мальчикъ! — произнесла она, отвѣчая изъ окна на поклонъ Ники ласковымъ кивкомъ головы.

— Вѣжливый мальчикъ! — вскричала Адочка, вся

разомъ закипая новымъ припадкомъ негодованія.—Слушай ты, если ты осмѣлишься говорить и играть съ этимъ вѣжливымъ мальчикомъ и держать его сторону когда-бы то ни было, ты мнѣ не другъ больше, понимаешь-ли, не другъ!

И круто повернувшись спиной къ озадаченной Ксанѣ, она, полная горечи и гнѣва, выбѣжала изъ комнаты.—И эта, и эта тоже за него сердито ворчала дѣвочка, убѣгая на свое любимое мѣсто къ развалинамъ бесѣдки.—Вотъ что значитъ богатство! Всѣ такъ и липнутъ къ нему, какъ мухи къ меду! Прежде Ксаня не смѣла противорѣчить мнѣ ни въ чемъ, а теперь, теперь... Боже мой, какая я несчастная! И все изъ-за него одного! — Адочка съ ненавистью оглянулась на домъ, гдѣ въ настоящее время находилась причина всѣхъ ея несчастій. А Ника Вязьминъ, какъ она представляла себѣ двоюроднаго брата, и не подозрѣвалъ, какой переполохъ произвелъ онъ въ маленькомъ сердечкѣ большой капризной дѣвочки. Когда онъ встрѣтилъ на станціи одного дядю, онъ тотчасъ же освѣдомился о ней.

— Адочка не совсѣмъ здорова сегодня,—отвѣчалъ тотъ на вопросъ племянника.

Князь Столыпинъ былъ, какъ говорится, между двухъ огней: ему жаль было обидѣть молодого Вязьмина, открывъ ему настоящую причину недовольства Адочки, жаль было огорчить и свою взбалмошную дѣвочку, которую онъ не могъ признать правой, не смотря на всю свою горячую любовь къ ней.

За обѣдомъ, во время котораго пустой приборъ Адочки бросился въ глаза мальчику, Ника спросилъ:

— А развѣ кузина не будетъ кушать съ нами?

На что князь отвѣтилъ въ глубокомъ смущеніи:

— Она обѣдаетъ у себя въ комнатѣ, у нея сильная мигрень.

Никѣ показалось очень подозрительнымъ это смущеніе дяди, но онъ не сталъ приставать къ князю съ разспросами и молча принялся за ѣду.

III.

Какъ не избѣгала Адочка встрѣчи съ кузеномъ, встрѣча эта, однако, состоялась на третій день—день его пріѣзда на хуторъ. Было утро. Кузнечики яростно выкрикивали въ травѣ свою однообразную мелодію. Жаворонокъ поднялся къ небу и посылалъ оттуда людямъ одну изъ своихъ звонкихъ пѣсенъ, отъ которыхъ на сердцѣ дѣлается веселѣе и радостнѣе, и подъ звуки которой цвѣты раскрываютъ на встрѣчу солнцу свои пестрыя чашечки.

Адочка и Ксаня шли по любимой аллеѣ цвѣтника, обнесенной мраморными колоннами красивой балюстрады, и тихо разговаривали. Впрочемъ разговаривала одна только Адочка. Адочка говорила, Ксаня молчала. Она всегда молчала, съ благоговѣніемъ слушала тѣ чудесныя вещи, которыя такъ умѣла разсказывать Адочка. Это было нѣчто въ родѣ сказокъ о царицахъ и принцессахъ, о добрыхъ волшебникахъ и злыхъ колдунахъ, героиней которыхъ такъ или иначе была постоянно сама Адочка.

Она (въ своихъ сказкахъ конечно) постоянно приказывала и повелѣвала, а рой послушныхъ подданныхъ исполнялъ ея приказы и повелѣнія. Она была посто-

янно главнымъ лицомъ ея сказокъ и вымысловъ. Ксаня съ наслажденіемъ вслушивается въ слова подруги.

— Какъ она умѣетъ говорить—эта Адочка—удивительно!

И щеки ея горятъ, и глаза горятъ, и она дышитъ радостнымъ воодушевленіемъ! Еще-бы! Она сейчасъ царица въ своей сказкѣ, а развѣ не пріятно быть царицей даже въ грезахъ и повелѣвать?

— О, какая вы умная, Адочка! — лепечетъ восхищенная Ксаня.

Она никогда не обращается иначе, какъ на «вы» къ своей сіятельной подругѣ, несмотря на то, что та говоритъ ей «ты» и что онѣ росли вмѣстѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — пріятно улыбаясь, восклицаетъ польщенная Адочка, и вдругъ сіяющее личико разомъ принимаетъ угрюмое, почти злое выраженіе.

На поворотѣ аллеи онѣ встрѣчаютъ Нику.

— Наконецъ-то, кузина, я встрѣтился съ вами; можно думать, что вы нарочно не хотѣли видѣть меня!—говоритъ онъ, весело улыбаясь и добавляетъ черезъ минуту:

— Я такъ радовался, ѣдучи сюда, такъ мечталъ поиграть съ вами на свѣжемъ воздухѣ. Я и игры привезъ съ собою: серсо, крокетъ, лаунъ-теннисъ.

— Благодарю васъ,—сухо обрываетъ его дѣвочка, какъ-бы не замѣчая протянутой къ ней руки Ники,—благодарю васъ, но я не привыкла играть съ мальчишками. Не правда-ли, Ксаня?—обращается она къ оторопѣвшей и сконфуженной подругѣ.

Та рѣшительно не знаетъ, что ей отвѣтить. Она не смѣетъ ослушаться Адочки и въ то же время ей такъ

жалко огорчить этого добродушнаго и милаго, такого симпатичнаго на видъ мальчика.

— Я... я... не знаю.. — смущенно заикаясь, лепечетъ она.

— Ну, что дѣлать,—улыбаясь имъ обѣимъ, точно и не замѣчая непріязни, говоритъ Ника безпечно,— придется видно играть одному. Дѣвочки дѣйствительно не любятъ играть въ такія игры. Ну, если не играть, такъ на жатву хотя посмотрѣть пойдемте, кузина, — предложилъ онъ, — тутъ сейчасъ крестьяне жнутъ за косогоромъ. Интересно.

— Хорошо! — неожиданно согласилась Адочка,— только мнѣ надо переодѣться прежде.

— Переодѣться, зачѣмъ-же это? — удивился Ника.

— О-о!—насмѣшливо улыбнулась маленькая княжна,—я не привыкла показываться запросто въ народѣ. Сейчасъ мнѣ осѣдлаютъ моего Красавчика и я явлюсь на поле. А вы отправляйтесь впередъ...

Черезъ полчаса она дѣйствительно была на полѣ.

Каково-же было ея изумленіе, когда она увидѣла своего двоюроднаго брата, усердно помогающаго жницамъ жать рожь и вязать снопы. Раскраснѣвшійся, возбужденный и порядочно-таки уставшій въ непривычной работѣ, онъ сбросилъ съ себя куртку и весь погрузился въ свое занятіе.

Она долго стояла неподалеку отъ него, пока онъ не поднялъ головы и не замѣтилъ маленькой всадницы, такъ похожей на карлицу въ своей черной, какъ у большихъ, амазонкѣ, съ длиннымъ бѣлымъ вуалемъ, развѣвающимся за плечами. Адочка не даромъ сразу согласилась на предложеніе ненавистнаго кузена и по

первому-же его приглашенію явилась безъ всякихъ отговорокъ на ниву. Ей хотѣлось похвастать передъ двоюроднымъ братомъ тѣмъ почетомъ и уваженіемъ, который оказываютъ ей крестьяне. И ловко галопируя, она понеслась по нивѣ, прямо къ жницамъ, нисколько не заботясь о томъ, что ея Красавчикъ топчетъ своими копытами золотистые всходы хлѣба.

— Это барышня наша, княжна, глядика-сь, красавица какая! — шептались кругомъ бабы, съ трудомъ распрямляя ноющія отъ усталости спины, и, закрывшись ладонями отъ солнца, старались получше разглядѣть стройную маленькую всадницу, гордо возсѣдающую на своемъ красивомъ конѣ.

Однѣ низко кланялись ей, другія бросили серпы и бѣжали навстрѣчу, чтобы поцѣловать ручку красавицѣ княжнѣ, которой очень нравился этотъ обычай. И вдругъ громкій возгласъ кузена заставилъ вздрогнуть Адочку и ея коня.

— Что вы дѣлаете, Ада?.. Что вы дѣлаете! Ваша лошадь топчетъ крестьянскую рожь! — въ ужасѣ кричалъ мальчикъ.

— Такъ что жъ такое? У моего отца достаточно зерна, чтобы покрыть такой ничтожный убытокъ,— гордо отвѣчала дѣвочка, совершенно забывая, что такимъ образомъ она собирается платить изъ чужого кармана, такъ какъ и зерно, хранившееся въ амбарахъ Зеленыхъ Липокъ, какъ и самыя Липки, принадлежали Никѣ.

— Лучше не производить убытка, нежели платить за него, — продолжалъ мальчикъ, слегка затронутый эгоизмомъ своей двоюродной сестры.

*

— Вздоръ!—вскричала послѣдняя,—я привыкла дѣлать то, что хочу, и никто не смѣетъ мѣшать мнѣ въ этомъ, — продолжала она, и не дожидаясь отвѣта со стороны Ники, ударила лошадь хлыстомъ и понеслась по нивѣ, топча новые и новые ряды колосьевъ.

— Остановитесь! Остановитесь! Такъ нельзя, кузина, вѣдь есть межа, чтобы ѣздить по ней,—кричалъ взволнованный и потрясенный мальчикъ, бросаясь со всѣхъ ногъ за юной всадницей по узкой дорожкѣ протоптанной между двумя золотыми стѣнами нивы.

Но Адочка точно и не слышала его. Она, зло посмѣиваясь надъ своимъ преслѣдователемъ, неслась все быстрѣе и быстрѣе, несмотря на то, что Красавчикъ съ трудомъ вытаскивалъ ноги, поминутно вязнувшія въ цѣпкой ржи.

Вдругъ лошадь споткнулась и упала. Упала и Адочка, запутавшись въ своей длинной амазонкѣ, въ мягкую рожь.

Черезъ минуту къ безсильно барахтавшейся дѣвочкѣ подбѣжалъ Ника.

— Вы ушиблись? Что съ вами? Говорите-же, говорите скорѣе!—лепеталъ онъ взволнованно, испуганный до полусмерти ея неожиданнымъ паденіемъ, и исполненный страха наклонился надъ двоюродной сестрою.

— Убирайся вонъ!—съ гнѣвомъ вскричала дѣвочка, быстро поднимаясь на ноги и обдавая кузена взглядомъ самой краснорѣчивой ненависти.

— Ай, ай—ай!—покачалъ тотъ головою,—и вамъ не стыдно такъ сердится, Адочка? Развѣ можно благовоспитанной барышнѣ такъ поддаваться своему гнѣву?

— Отстань отъ меня!—не помня себя, кричала дѣвочка, сверкая своими разгорѣвшимися злобой глазами,—я ненавижу тебя... слышишь, мужикъ? ненавижу!—совершенно безсмысленно заключила она, отталкивая отъ себя Нику.

Ника опѣшилъ на минуту. Потомъ весело и звонко разсмѣялся.

— Славно!—проговорилъ онъ сквозь смѣхъ,—хотѣла оскорбить меня, а вышло наоборотъ. Спасибо за лестное сравненіе Адочка! Нашъ мужикъ самое трудолюбивое, самое терпѣливое и безотвѣтное существо на свѣтѣ. Мужикъ и пашетъ, и сѣетъ, и жнетъ тотъ хлѣбъ, который такъ неосторожно мнутъ подъ копытами своихъ лошадей сіятельныя особы,—заключилъ мальчикъ, съ нескрываемой насмѣшкой глядя на сердитое лицо раздраженной Адочки.—А теперь, ваше сіятельство, извольте вывести изъ ржи вашу лошадь и выбрать иную дорогу для вашей верховой ѣзды,—произнесъ онъ уже серьезно и, смѣло взявъ подъ уздцы Адочкинаго коня, направилъ его на межу.

Адочка кричала, плакала, сердилась и бранилась.

Но ничего не помогло. Ника рѣшительно возсталъ противъ ея путешествій по ржи и волей-не-волей строптивая дѣвочка должна была покориться.

Вернувшись домой, она тотчасъ-же бросилась къ отцу съ жалобой на Нику. Но каково-же было удивленіе и негодованіе Адочки, когда Владиміръ Сергѣевичъ, противъ всѣхъ ея ожиданій, открыто принялъ сторону племянника и сказалъ, что Ника вполнѣ правъ въ данномъ случаѣ.

Адочка ушла совсѣмъ огорченная и несчастная отъ

отца, виня во всемъ двоюроднаго брата, къ которому чувствовала теперь самую искреннюю, самую горячую ненависть.

IV.

«Милая, дорогая бабушка»! Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я живу въ Зеленыхъ Липкахъ. Зеленыя Липки — настоящій рай, милая бабушка. Дядя Володя позаботился о благостоянiи этого рая. Какой здѣсь красивый домъ—точно замокъ! А садъ—настоящій паркъ съ затѣями, фонтанами, цвѣтникомъ и оранжереями. Такое приволье, что и описать трудно. Крестьяне по-сосѣдству такіе трудолюбивые, честные, славные. Я уже и жалъ съ ними и косилъ на полѣ. Только одно грустно: Зеленыя Липки блестяще процвѣтаютъ, такъ роскошны и красивы, и богаты онѣ, а рядомъ въ сосѣдней деревнѣ такая бѣдность ахъ, какая бѣдность бабушка! Церковь крохотная, покосившаяся; нѣтъ ни больницъ, ни школы; дѣти бѣгаютъ чуть не голыя по деревенской улицѣ. Словомъ, бѣднота такая, что и сказать нельзя. Я хотѣлъ было попросить дядю раздавать крестьянамъ хотя небольшіе участки земли по грошевой цѣнѣ въ аренду, прилегающіе къ нимъ отъ Зеленыхъ Липокъ, но дядя говоритъ, что до моего совершеннолѣтія мнѣ нельзя распоряжаться раздачей даже собственной земли. Ахъ, какъ это грустно, бабушка! Вѣдь пока мнѣ минетъ 21 годъ, пройдетъ 6 лѣтъ и за это время сосѣди — крестьяне могутъ совсѣмъ обнищать. Право! Не можете-ли вы уладить какъ-нибудь это дѣло, бабушка, и распорядиться сами?

Вы такая чуткая и добрая, моя милая, моя родная старушка! Я же не могу настаивать, такъ какъ съ

дядей приходится говорить очень осторожно, чтобы не обидѣть его. На каждое мое замѣчаніе или проэктъ по отношенію Зеленыхъ Липокъ, дядя отвѣчаетъ: «Какъ знаешь, твое дѣло, ты владѣлецъ, а не я».

Меня эта фраза всегда больно колетъ, и я начинаю раскаиваться, что пріѣхалъ провести здѣсь лѣто. Мнѣ даже грустно порою, что Зеленыя Липки принадлежатъ мнѣ, а не дядѣ съ Адочкой. И они, насколько я замѣчаю, думаютъ такъ же. Что же касается Адочки, то... то... вы не огорчайтесь, милая бабушка, но мы не сошлись. Адочка очень красивая гордая дѣвочка, совсѣмъ княжна. А я передъ нею настоящій мужиченокъ. У нея лоскъ и манера, не смотря на то, что она живетъ бѣзвыѣздно въ деревнѣ на попеченіи отца. Изъ ближняго города къ ней ѣздятъ учителя. Въ зимніе мѣсяцы она прилежно учится. Вообще она очень умная и начитанная дѣвочка, но почему-то смотритъ съ предубѣжденіемъ на меня и мой пріѣздъ. Я начинаю, впрочемъ, догадываться о причинѣ ея недовольства. Но я не теряю еще надежды подружиться съ нею до Августа, когда мнѣ снова придется возвращаться въ училище и когда я снова обниму васъ, моя славная, дорогая старушка. А пока цѣлую ваши ручки, а чтобы порадовать васъ, милая бабушка, я велѣлъ садовнику Оскару (онъ изъ латышей, предобрая душа) приготовить вамъ завтра лучшіе экземпляры штокъ-розъ, которыя особенными стараніями выращены имъ въ теплицѣ, и пошлю вамъ ихъ завтра въ городъ съ оказіей. Это будетъ мой подарокъ къ дню вашего рожденія. Вашъ преданный и покорный внукъ

Ника».

Письмо окончено.

Ника запечаталъ его и позвонилъ слугу. Когда тотъ явился, онъ велѣлъ ему напомнить Оскару отдѣлить лучшіе горшки штокъ-розъ съ распустившимися цвѣтами и уложить ихъ въ корзину для сдачи на поѣздъ.

«Скоро рожденіе бабушки,—думалъ Ника, когда, по уходѣ лакея, онъ снова остался одинъ,—какъ обрадуется моя милая старушка, когда получитъ такой подарокъ отъ своего баловня!». И онъ съ удовольствіемъ сталъ думать о бабушкѣ, которую любилъ самой беззавѣтной дѣтской любовью.

Ника Вязьминъ былъ сирота и съ самаго ранняго дѣтства остался на попеченіи старушки. Немудрено поэтому, что внукъ и бабушка сжились другъ съ другомъ и горячо любили одинъ другого. Они никогда не разставались до этого времени и только теперь, когда уставшему отъ переходныхъ училищныхъ экзаменовъ Никѣ потребовался отдыхъ на деревенскомъ воздухѣ, бабушка, скрѣпя сердце, отпустила своего любимца въ Зеленыя Липки. Она не могла сопутствовать мальчику, такъ какъ, имѣя подъ Москвою нѣсколько дачъ, лично управляла ими и боялась оставить ихъ на лѣто безъ призора. Ника ѣхалъ съ самыми радужными надеждами въ Зеленыя Липки. Онъ мечталъ весело и славно провести лѣто на лонѣ деревенской природы. Мечталъ играть, ѣздить верхомъ и удить вмѣстѣ съ кузиной. Кузина Адочка представлялась ему такимъ милымъ, роднымъ и близкимъ существомъ. Онъ надѣялся найти въ ней друга, товарища игръ и вдругъ...

Къ чему эта ненависть, злоба, насмѣшливое и недоброе отношеніе?

Ника ничего подобнаго не думалъ встрѣтить здѣсь.

Онъ былъ добрый, впечатлительный и чуткій мальчикъ, черезчуръ чуткій по натурѣ, благодаря женскому воспитанію, и всякая грубость претила ему.

Онъ нѣсколько разъ пробовалъ заговаривать съ Адочкой, но послѣдняя отвѣчала ему каждый разъ дерзостью или насмѣшкой, и вскорѣ мальчикъ оставилъ всякую надежду хотя сколько-нибудь подружиться съ гордой маленькой княжной.

За то, если въ Адочкѣ молодой Вязьминъ не встрѣтилъ того, чего такъ горячо жаждало его чуткое юношеское сердце, въ окрестныхъ крестьянахъ онъ нашелъ съ избыткомъ. Ника любилъ простой, сѣрый людъ, заботился о немъ, входилъ въ его нужды. Часто высокая нескладная фигура мальчика-подростка мелькала на поворотѣ деревенской улицы между бѣдными закоптѣлыми избами крестьянъ. Онъ одѣлялъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ своими карманными деньгами, ребятишекъ несложными деревенскими гостинцами. Часто можно было видѣть работающаго Нику въ полѣ и на нивѣ среди крестьянъ.

— Даромъ, что баринъ, а работать охочь. Не хуже нашихъ ребятъ, — говорили о немъ крестьяне, и эта похвала была лучшей наградой Никѣ за его труды.

Вспотѣвшій, усталый, съ легкой болью въ поясницѣ, возвращался онъ домой къ ужину и съ гордостью повѣрялъ дядѣ о томъ успѣхѣ, котораго достигъ сегодня въ полевыхъ работахъ.

Дядя-князь только плечами пожималъ.

— Къ чему это?—слегка улыбаясь спрашивалъ онъ.

— Какъ къ чему?—весь такъ и вспыхивалъ мальчикъ.—Я хочу помочь имъ, чѣмъ могу.

— Но ты можешь помочь и деньгами... Ты богатъ.

— Деньгами труда не составить, деньги не я нажилъ и даются мнѣ онѣ легко, это ужь не моя помощь; а я и самъ помимо денегъ помочь хочу, своими силами, какъ могу, какъ умѣю,—говорилъ мальчикъ.

И князь уже не улыбался въ отвѣтъ на эти смѣлыя юношескія рѣчи. Онѣ не могли не нравиться суровому навзглядъ старику. Ласково теплился его взоръ, устремленный на племянника, и гдѣ-то въ самой глубинѣ души являлось невольное сожалѣніе, почему этотъ славный, честный, благородный мальчикъ не его сынъ, не князь Столыпинъ. И онъ переводилъ глаза съ племянника на рядомъ сидѣвшую съ нимъ за столомъ Адочку, такую холодную и равнодушную ко всему тому, что не касалось ея благополучія и счастья.

V.

— Зачѣмъ здѣсь поставлены эти великолѣпныя розы, Оскаръ?

— Николай Вадимовичъ приказали ихъ назначить къ отправкѣ, барышня.

— Къ отправкѣ, куда?

Черные глаза Адочки полны самаго живого, самаго жгучаго любопытства.

Старый садовникъ Оскаръ почтительно обнажилъ голову, стоитъ передъ „ея сіятельствомъ княжной“ подлѣ огромнаго ящика, изъ котораго своими крас-

ными, снѣжно-бѣлыми и палевыми головками выглядываютъ великолѣпные экземпляры штокъ-розы.

Они не пахнутъ, эти роскошные, нарядные цвѣты, но за то, какъ красивы, какъ царственно-прелестны ихъ пышныя, мохнатыя шапки, состоящія изъ нѣжныхъ-нѣжныхъ, почти прозрачныхъ бархатистыхъ лепестковъ.

— Не знаете-ли, куда отправляетъ Николай Вадимовичъ эти розы, Оскаръ?—снова спрашиваетъ заинтересованная Адочка.

— Какъ же, знаю, ваше сіятельство. Нашъ молодой баринъ приказали завтра поутру отвезти ящикъ съ горшками на станцію и сдать кондуктору для доставленія ихней бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Это подарокъ молодого барина бабушкѣ ко дню рожденія. Самые лучшіе цвѣты они выбрали, потому какъ бабушка больше всего любитъ штокъ-розы. Больше ихъ не оказалось въ теплицѣ. Послѣдніе экземпляры. Нашъ баринъ...

— Нашъ, нашъ! — сердито перебила садовника Адочка,—вы это сто разъ повторяете, Оскаръ, точно кто отнимаетъ отъ васъ вашего барина...

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, никто не отниметъ, потому какъ Николай Вадимовичъ нашъ настоящій помѣщикъ, а мы его слуги...

Старый садовникъ, конечно, безъ умысла сказалъ эту фразу, но, услышавъ ее, Адочка вся вспыхнула.

— Такъ вотъ что! Ну хорошо!—чуть-ли не задохнувшись отъ злобы, мысленно проговорила дѣвочка и, не удостоивъ даже взглядомъ садовника, выбѣжала изъ оранжереи.

Въ головѣ ея вихремъ проносились самыя злыя, самыя нехорошія мысли.

„Отомстить! Во что-бы то ни стало отомстить негодному мальчишкѣ, такъ непозволительно вторгнувшемуся въ ея жизнь, отомстить ему и за его поступокъ съ ней на нивѣ (Адочка совершенно выпустила изъ вида, кто былъ виноватъ въ этомъ поступкѣ), и за эту угодливость слугъ передъ нимъ, а болѣе всего за его непрошенную роль владѣтеля Зеленыхъ Липокъ. Отомстить? Но какъ?“.

Вотъ мысль, которая теперь безъустали сверлила и жгла мозгъ и сердце озлобленной, ожесточенной дѣвочки.

И вдругъ она просіяла. Губы ея радостно улыбнулись недоброй торжествующей улыбкой. Она даже въ ладоши захлопала отъ радости, что планъ мести найденъ. Оставалось только запастись терпѣніемъ, чтобы привести его въ исполненіе.

И на этотъ разъ Адочка оказалась терпѣливой.

VI.

Теплая, почти душная іюльская ночь, подобралась незамѣтно и окутала Зеленыя Липки своимъ темнымъ покровомъ.

Отъ куртинъ съ цвѣтами потянулись душистыя струйки аромата нестерпимо пахнувшихъ цвѣтовъ. Ночная птица шарахнулась въ сторону, пугая безмолвіе ночи своимъ рѣзкимъ крикомъ. И снова все тихо... тихо... ни звука... ни шелеста. Старыя липы точно застыли. Вѣтерокъ не трогаетъ ихъ вершинъ... Онѣ не разсказываютъ больше свою длинную, безконечную сказку... Онѣ устали... притомились. И онѣ жаждутъ покоя...

Вотъ она крадется...

Чу! скрипнула дверь на террасѣ... скрипнула и растворилась; чья-то легкая бѣлая тѣнь промелькнула въ старой липовой аллеѣ. Вотъ она крадется осторожно, чуть слышно, по направленію оранжереи. Поминутно оглядывается бѣлая фигурка назадъ къ дому Лишь бы не увидѣли оттуда, лишь бы не замѣтили. Но нѣтъ никто не замѣтитъ. Все спитъ въ домѣ, все спокойно.

Вотъ уже и оранжерея близко. Луна выглянула въ эту минуту изъ-за облачка. Теперь уже можно узнать крадущуюся по саду фигурку. Это Адочка. Лицо ея блѣдно. Глаза горятъ. Въ рукѣ она крѣпко сжимаетъ большія садовыя ножницы, которыя ей удалось унести незамѣтно съ вечера изъ теплицы.

Еслибъ не желаніе отомстить ненавистному Никѣ, она, Адочка, ни за что не рѣшилась-бы пойти ночью въ садъ. Она боится всего: и ночной темноты, и тишины, и одиночества. Она слишкомъ много начиталась всякихъ рыцарскихъ средневѣковыхъ романовъ, въ которыхъ «страхи» и «неожиданности» играютъ главную роль. Но желаніе досадить «богатому наслѣднику» слишкомъ сильно овладѣло ею, чтобы она могла остановиться на своемъ замыслѣ.

Вся дрожа отъ страха и волненія, Адочка прибавляетъ шагу. Вотъ и завѣтная теплица. Слава Богу, она у цѣли. Вотъ и ящикъ откуда такъ кокетливо выглядываютъ чудныя пышныя головки штокъ-розъ.

Разъ! И верхнія шапки роскошныхъ цвѣтовъ падаютъ при первомъ же взмахѣ Адочкиныхъ ножницъ. Новый взмахъ—новыя жертвы.

Вскорѣ отъ чудесныхъ алыхъ, палевыхъ и бѣлыхъ

чашечекъ не остается и слѣда. Одни высокіе стебли стоятъ, дерзко обнаженные отъ своего блестящаго наряда.

Адочка наскоро подбираетъ цвѣты, наполняетъ ими свои карманы и уже бѣгомъ несется вдоль по аллеѣ сада; трепещущая и взволнованная не менѣе прежняго.

Со всѣхъ ногъ бросается она къ крыльцу, минуетъ рядъ комнатъ и, дойдя до своей постели, падаетъ на нее съ чувствомъ полнаго облегченія.

Она довольна. Она отомщена.

VII.

Ника никогда еще не плакалъ за все время своей недолгой пятнадцатилѣтней жизни. Но, войдя по-утру въ теплицу, чтобы лично уложить драгоцѣнную посылку, онъ не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ обезображенныхъ горшковъ съ цвѣтами.

— Оскаръ, что же это такое?—съ трудомъ удерживаясь отъ рыданій, спросилъ мальчикъ.

Но и Оскаръ, не менѣе его испуганный и смятенный, не могъ дать никакого объясненія.

Взволнованные, потрясенные стояли они въ оранжереѣ, когда неожиданно къ нимъ присоединилась Адочка.

И вдругъ, бросивъ взглядъ на торжествующее недоброе личико княжны, Оскаръ понялъ разомъ, кто былъ виновникомъ безсовѣстной расправы съ цвѣтами.

— Да это барышня! Никто, какъ барышня-княжна!—вырвалось изъ груди стараго садовника.

— Что «барышня»? Чѣмъ опять провинилась княжна?—спрашивала безпечно Адочка, а у самой глаза такъ и горятъ недобрыми огоньками.

— Это вы сдѣлали, кузина?—спросилъ ее Ника, указывая дѣвочкѣ на поставленные въ рядъ горшки съ обезображенными цвѣтами, которые Оскаръ уже успѣлъ вынуть изъ ящика и водворить на прежнее мѣсто.

Между многочисленными недостатками Адочки не было одного: она не была лгуньей. И потому, обвиненная Никой, дѣвочка и не подумала даже вывернуться или солгать.

— Да, я сдѣлала это!—надменно произнесла она, гордо сверкнувъ глазами.

— И вамъ не стыдно, Ада! — могъ только произнести съ тихой укоризной Ника.

— Ничуть не стыдно,—отвѣтила она и, повернувшись на каблукахъ, хотѣла было уйти изъ теплицы, какъ ее остановилъ голосъ стараго садовника.

— И впрямь, должно быть стыдно, барышня,—заговорилъ онъ строгимъ голосомъ,—и братца обидѣли, да и на себя какой грѣхъ взяли! Нехорошо! Недоброе у васъ сердечко, княжна. За что вы цвѣты погубили и бабушку Николая Вадимовича обездолили? Ай-ай, какой стыдъ, ваше сіятельство!

— Пожалуйста безъ выговоровъ и нотацій,—рѣзко оборвала садовника дѣвочка—можете жаловаться на меня князю, но выговоровъ отъ прислуги я выносить не намѣрена. — И вся красная отъ стыда, она кинулась вонъ изъ теплицы.

Весь день Адочка ждала, что отецъ позоветъ ее и будетъ бранить за ея поступокъ, но ничего подобнаго не случилось. Ника и не думалъ жаловаться на кузину дядѣ.

Адочка чувствовала себя очень нехорошо и непріятно. Что-то скребло у нея на душѣ, что-то сосало сердце. Голосъ совѣсти впервые заговорилъ внутри дѣвочки.

Когда же за обѣдомъ князь обратился къ племяннику съ вопросомъ:

— Что, Ника, отправилъ ты свой подарокъ бабушкѣ?

Мальчикъ на минуту смѣшавшись, отвѣчалъ:

— Отправилъ, да.

Тутъ Адочка чуть не сгорѣла со стыда, и впервые въ эту минуту въ озлобленное сердечко дѣвочки толкнулось что-то въ родѣ чувства признательности къ ея кузену.

Приближалось двѣнадцатое августа, день рожденія Ники. Еще за два дня до этого, мальчикъ ходилъ сіяющій и радостный, какъ никогда.

Онъ получилъ какой-то пакетъ изъ Москвы, прочелъ его и разомъ оживился. Потомъ ушелъ въ кабинетъ съ княземъ, гдѣ они долго о чемъ-то совѣщались.

Адочкѣ очень хотѣлось знать, о чемъ говорилъ ея отецъ съ кузеномъ и что могла быть у нихъ за тайна. Но дѣвочка чувствовала себя обиженной все это время, обиженной и Никою и отцомъ, и даже кроткою милою Ксанею.

VIII.

И отецъ, и Ксаня, и всѣ живущіе въ Зеленыхъ Липкахъ точно сговорились досаждать ей — Адочкѣ! Такъ она по крайней мѣрѣ, думала.

Всѣхъ ихъ, какъ ей казалось, точно околдовалъ

этотъ нескладный, большеголовый, вихрастый мальчикъ, котораго она, Адочка, еще больше возненавидѣла послѣ своего непріятнаго періода раскаянія изъ за поступка съ цвѣтами. Всѣ, начиная съ ея отца—князя и кончая послѣдней грязной дѣвченкой на деревнѣ, души не чаяли въ этомъ отвратительномъ Никѣ, такъ быстро снискавшемъ къ себѣ общее расположеніе.

Да, даже ея папа, милый, дорогой папа, такъ лелѣявшій ее, Адочку, такъ часто прощавшій ей ея ничтожные проступки (всѣ Адочкины проступки по личному ея мнѣнію были ничтожными), даже онъ—папа, не разъ ставилъ теперь ей въ примѣръ ея двоюроднаго брата и совѣтуетъ ей, Адочкѣ, подражать ему. А о Ксанѣ и говорить нечего. Она вмѣстѣ съ ненавистнымъ Никой цѣлыми днями бѣгаетъ по деревнѣ, одѣваетъ и кормитъ ребятишекъ, расчесываетъ ихъ трепаныя головенки и, какъ умѣетъ, обшиваетъ ихъ. Даже грамотѣ кой-кого старается выучить. И все это по совѣту того-же Ники, котораго Адочка теперь явно признаетъ своимъ врагомъ. Они встрѣчаются только за обѣдомъ, завтракомъ и ужиномъ, и въ эти короткіе часы Адочка волкомъ смотритъ на своего двоюроднаго брата. А тотъ какъ-будто и не замѣчаетъ ея ненависти. Иной разъ даже заговариваетъ съ нею и, не получивъ отвѣта, старается обратить все въ шутку.

О происшествіи съ розами ни слова, ни упрека.

— Безчувственный какой-то! — негодуетъ Адочка и еще больше злится съ каждой минутой на своего двоюроднаго брата: и Ксаню отбилъ отъ меня, противный, ненавижу его, ненавижу!

Ксаня, дѣйствительно, не отходитъ отъ Ники... Она

уже не слушаетъ тѣхъ сказокъ, которыя такъ мастерски умѣетъ разсказывать Адочка. Что ей сказки о прекрасныхъ принцессахъ, колдунахъ и волшебникахъ, когда сама жизнь зоветъ и манитъ къ себѣ Ксаню. Правда, отецъ ея не терпитъ нужды, благодаря князю Столыпину, какъ прочіе деревенскіе священники бѣдныхъ приходовъ, но за то на деревнѣ у нихъ какая нужда и бѣдность!

Ника научилъ ее, какъ помогать этимъ бѣднякамъ, и Ксаня во всемъ старается слѣдовать совѣту своего новаго друга. Она даже почти и не забѣгаетъ къ Адочкѣ. И Адочка дуется на нее и въ то же время мучительно скучаетъ въ своемъ одиночествѣ.

Но Адочка слишкомъ горда, чтобы дать кому-нибудь замѣтить свою скуку, и въ присутствіи другихъ держитъ себя такъ, какъ-будто ей очень весело и пріятно быть одной. Наступило 12-е августа.

Адочка нѣсколько развлеклась въ это утро. Изъ губернскаго города къ ней пріѣхала портниха и привезла новое бѣлое платье, чудо роскоши и искусства. Оно было все изъ волановъ и кружевъ, все изъ тюля и лентъ, это бѣлое платье стоило очень большихъ денегъ.

Напрасно князь отговаривалъ дочь заказывать такой неподходящій для сельскаго празднества нарядъ, совѣтуя сдѣлать что-нибудь болѣе простенькое и удобное, но Адочка хотѣла поразить роскошью какъ обитателей Зеленыхъ Липокъ, такъ и крестьянъ, приглашенныхъ Никой къ нему на «рожденіе». А князь, непривыкшій ни въ чемъ отказывать своей дѣвочкѣ, согласился съ нею и на этотъ разъ.

Платье вышло прелестно. Адочка была бы настоящей красавицей въ немъ, если-бы злое, надутое и капризное выраженіе не портило дѣвочку.

Но это выраженіе не сходило съ Адочки, и она много проигрывала вслѣдствіе этого, несмотря на всю прелесть своего роскошнаго наряда.

Утромъ было совершено молебствіе въ столовой Зеленыхъ Липокъ. Потомъ, деревенскій причтъ съ священникомъ во главѣ остался обѣдать у хлѣбосольныхъ хозяевъ.

Новорожденный такъ и сіялъ счастливой улыбкой. Несмотря на то, что Адочка очень холодно поздравила своего двоюроднаго брата, Ника успѣлъ шепнуть дѣвочкѣ:

— А вечеромъ какой сюрпризъ ждетъ всѣхъ насъ, Адочка!

Та только плечами пожала, ничуть не заинтересованная сюрпризомъ. Вечеромъ всѣ крестьяне, сосѣди Зеленыхъ Липокъ, были собраны для угощенія на небольшой полянѣ, къ которой съ одной стороны примыкалъ хуторъ, съ другой большой и частый сосновый боръ. Угощеніемъ крестьянъ распоряжалась прислуга Столыпиныхъ. Когда большая часть пироговъ и ведеръ съ пивомъ была уничтожена, князь Столыпинъ съ дочерью, племянникомъ и семействомъ священника вышелъ къ пирующимъ мужикамъ и ихъ семьямъ.

— Вотъ молодой помѣщикъ принесъ вамъ большую радость,—началъ князь, когда толпа сѣрыхъ гостей съ низкими поклонами привѣтствовала господъ хозяевъ.

Ника выступилъ впередъ и дрожащимъ отъ радостнаго волненія голосомъ произнесъ:

— Я просилъ бабушку Екатерину Алексѣевну похлопотать и устроить такъ, чтобы мнѣ можно было до моего совершеннолѣтія помочь вамъ землею и раздать въ аренду небольшіе участки ея! Бабушка устроила все это, и теперь у васъ будетъ больше земли и вы не будете терпѣть такой нужды, потому что арендная плата назначена самая маленькая.

Крестьяне не сразу поняли, что говорилъ имъ молодой помѣщикъ, позвали деревенскаго старосту и при помощи его растолковали сѣрой толпѣ про подарокъ Ники.

Тогда между гостями—мужиками началось настоящее ликованіе. Они благодарили молодого помѣщика и благословляли его и сулили всякаго благополучія, доброму юношѣ.

Женщины съ дѣтьми, еще раньше пользовавшіяся помощью мальчика, съ восторженными слезами смотрѣли на Нику.

— Подай тебѣ Господи за твою доброту!—слышалось то здѣсь, то тамъ между ними.

Ника былъ счастливъ безконечно. Впечатлѣніе «сюрприза» превзошло всѣ его ожиданія. Добрый мальчикъ, усердно хлопотавшій на пользу другихъ, теперь вполнѣ достигъ своей цѣли.

Ему хотѣлоеь подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей радостью. Онъ отыскалъ глазами Адочку и подошелъ къ ней.

— Гдѣ-же вашъ пріятный „сюрпризъ“, о которомъ вы говорили?—спросила, насмѣшливо прищуривъ на него свои черные глаза кузина. А развѣ не пріятный сюрпризъ видѣть неподдѣльную радость отъ этихъ бѣдняковъ!—горячо воскликнулъ мальчикъ.

— А развѣ не счастье—принести покой и довольство столькимъ добрымъ людямъ?

Но Адочка не раздѣляла, казалось, мнѣнія своего двоюроднаго брата, хотя въ тайнѣ завидовала ему.

Она, несмотря на свой роскошный костюмъ, несмотря на свою красоту и умѣнье держать себя по «княжески», не возбуждала прежняго восторга въ толпѣ крестьянъ. Все вниманіе ихъ поглотилъ на этотъ разъ нескладный, вихрастый мальчикъ, сумѣвшій принести имъ столько пользы и добра.

Адочка видѣла, какъ цѣлая толпа крестьянъ, преимущественно молодежи, окружила Нику, десятки рукъ протянулись къ нему, какъ его подхватили на воздухъ и стали его качать по старому русскому обычаю въ знакъ особенной признательности и расположенія. Глаза всѣхъ направлялись къ нему, его имя повторялось поминутно прямодушными крестьянскими губами.

Онъ – Ника—былъ герой праздника. Она, Адочка, была забыта.

И смутное сознаніе своей неправоты засосало честолюбивое сердечко дѣвочки. Она впервые поняла, что ни нарядное платье, ни гордая осанка и ни красивое личико служитъ залогомъ общаго расположенія. Поняла, что прежній восторгъ и почтительность къ ней крестьянъ было не что иное, какъ уваженіе къ ней, княжеской дочери, барышнѣ и только. А любить ее такъ, какъ любятъ эти люди Нику, они не будутъ никогда. Такую любовь надо заслужить, какъ заслужилъ ее ея двоюродный братъ.

— Ну, и пусть не любятъ и не надо мнѣ ихъ любви!—мысленно твердила гордая дѣвочка,—никого

и ничего мнѣ не надо! Пусть буду одна, совсѣмъ одна, позабытая всѣми. Проживу и безъ ихъ глупаго участія и любви, — и она, сердито нахмурившись, смотрѣла исподлобья на начавшіяся игры молодежи, въ которыхъ охотно приняли участіе Ника и Ксаня.

Августовскія сумерки спустились на землю. Вечернія звѣзды загорѣлись кое-гдѣ на потемнѣвшемъ небѣ. Князь съ почетными гостями вернулся въ домъ, чтобы не мѣшать веселиться молодежи.

На полянѣ завели хороводы... Послышалась пѣсня... Зазвучалъ веселый смѣхъ Ники. Вотъ опять запѣли звонкіе голоса деревенскихъ дѣвушекъ среди нихъ ясно выдѣляется голосокъ Ксани, мастерицы распѣвать сельскія пѣсни.

— Поповна! — сердито шепчетъ удаляясь въ сторону отъ играющихъ, Адочка, — поповна! И ее ненавижу, и ее и всѣхъ! Но какъ они веселятся! — продолжаетъ она растравлять себя непріятными мыслями, — какъ имъ хорошо! И забыли совсѣмъ про нее, Адочку! Какъ будто и не существуетъ ее совсѣмъ на свѣтѣ! Ну и пусть! Ну, и пусть! — злобно добавляетъ дѣвочка.—Богъ съ ними!—Не умру безъ нихъ. А хорошо-бы помѣшать ихъ веселью, напомнить имъ о ней, забытой и одинокой... испугать ихъ хорошенько, заставить бояться за нее, испортить праздникъ этому несносному, противному Никѣ. Но какъ, какъ? — на минуту дѣвочка задумывается, соображая, потомъ разомъ быстрая, какъ молнія, мысль прорѣзываетъ ея мозгъ.

— Да, да, отлично!—мысленно восклицаетъ Адочка,—прекрасно, лучшаго ожидать нельзя!—И она не-

замѣтно удаляется къ опушкѣ лѣса, который смутно чернѣетъ невдалекѣ группами своихъ громадныхъ деревьевъ.

О, она отлично придумала!

Она добѣжитъ до опушки и спрячется гдѣ-нибудь за деревомъ. А они хватятся, испугаются, будутъ искать ее, будутъ кликать. Но она не отзовется ни за что, прежде чѣмъ не помучаетъ ихъ хорошенько. Пусть это испортитъ имъ праздникъ, пусть заставитъ ихъ подумать о ней, которую они такъ безсовѣстно пренебрегли и которую позабыли.

Вотъ и опушка близко. Вотъ и старыя, столѣтнія сосны. О чемъ шепчутъ онѣ, покачивая своими мохнатыми вершинами? Жутко и темно подъ сводами стараго лѣса. А Адочкѣ, начитавшейся всевозможныхъ страховъ старинныхъ средневѣковыхъ временъ, и вдвое страшнѣе.

Но она не отойдетъ далеко. Только спрячется за стволъ вотъ этой раскидистой ели, закрывающей вполнѣ ея миніатюрную фигурку.

Но что это блеснуло въ травѣ неподалеку отъ корней ели? Не кладъ-ли?

Адочка читала о кладахъ, и впечатлительное воображеніе дѣвочки нарисовало уже завидную картину: она найдетъ кладъ, убѣдитъ отца купить Зеленыя Липки и будетъ въ нихъ полновластной хозяйкой.

— О, какъ хорошо будетъ тогда! А если не кладъ? Можетъ быть, это простой свѣтлякъ зажегся въ травѣ?—мелькаетъ тутъ-же въ пылкой головкѣ дѣвочки. Но ей такъ не хочется возвращаться къ пустой дѣй-

ствительности изъ ея заоблачныхъ мечтаній. Кладъ, то-ли дѣло!

Вдругъ огонекъ потухаетъ, но черезъ минуту зажигается снова уже въ другомъ мѣстѣ. Дѣвочка перебѣгаетъ къ нему, наклоняется, стараясь въ травѣ найти блестящій предметъ. Но снова темно. Огонекъ исчезаетъ, чтобы засвѣтиться дальше, уже въ глубинѣ лѣса. Адочку забавляетъ и развлекаетъ подобное преслѣдованіе. Она со свойственной ей живостью воображаетъ себя кочующей одинокой принцессой, ищущей заколдованныхъ сокровищъ. Она такъ легко умѣетъ давать волю своему воображенію.

Пѣсни долетаютъ глуше. Онѣ почти чуть слышны въ лѣсу. Адочка съ удивленіемъ оглядывается. Кругомъ темно, какъ въ могилѣ. Только поминутно зажигающіяся въ травѣ огненныя точки освѣщаютъ небольшіе клочки лѣсистой почвы.

— Надо вернуться на опушку. Меня должно быть уже хватились. Забавно полюбоваться на ихъ суматоху. То-то забѣгаютъ!—злорадно разсуждаетъ дѣвочка и поворачиваетъ назадъ.

Ночная прохлада охватываетъ ее и пронизываетъ насквозь. Бѣлое, тюлевое, все въ кружевахъ платье—плохая защита отъ холода студеной ночи.

Адочка начинаетъ чувствовать ознобъ во всемъ тѣлѣ.

— Не вернуться-ли назадъ?—мелькаетъ на мгновеніе разсудительная мысль въ ея головкѣ. Но ей такъ хочется позабавиться своей выдумкой, такъ хочется насладиться общимъ смятеніемъ, что она, не глядя на холодъ и сырость, рѣшается довести свою недобрую затѣю до конца.

Она прибавляетъ ходу, чтобы хоть немножко отогрѣться. Сейчасъ будетъ и опушка, а на ней и та широкоствольная ель, которую выбрала Адочка для своей засады.

Но что это? Ни ели, ни опушки не видно. Пѣсни, долетавшія съ поляны, замолкли, не слышно ихъ совсѣмъ. Мракъ въ лѣсу сгустился. Вспыхивающіе огоньки потухли. Вихрь, предвѣстникъ бури, пронесся по вершинамъ сосенъ и елей. Нѣсколько тяжелыхъ капель упало на землю, и черезъ минуту крупный, быстрый осенній дождь хлынулъ какъ изъ ведра.

XI.

Первымъ побужденіемъ Адочки—было бѣжать, бѣжать домой безъ оглядки, и повинуясь своему стремленію, она со всѣхъ ногъ кинулась по направленію, въ которомъ, какъ ей казалось, была опушка.

Но вскорѣ она убѣдилась, что направленіе, принятое ею, невѣрно, и она свернула съ дороги. Потомъ опять свернула и опять... и наконецъ идти было некуда. Кругомъ ни зги не видно. Только деревья, обступившія ее тѣснымъ кругомъ, глухо ропщутъ подъ напоромъ вѣтра, да дождь шумитъ и хлещетъ нещадно кругомъ.

Черезъ минуту она вся промокла до нитки. Тюлевое платье, превратившееся въ тряпку отъ сырости и дождя, повисло на ней лохмотьями. Башмачекъ, потерянный во время бѣга, обнажилъ ногу, и острые коряги и пни нещадно рѣжутъ и колютъ ее, какъ иглами.

Но все это—ничто сравнительно передъ тѣмъ отчаяніемъ, которое охватило Адочку. Сомнѣній не было:

она сбилась съ дороги и заблудилась въ темномъ лѣсу.

Въ этотъ лѣсъ рѣдко кто отваживался ходить и въ дневное время. Деревенскія дѣвушки, ходившія туда большими партіями по ягоды, говорили, что въ сосновомъ бору водятся волки. Теперь это обстоятельство разомъ пришло въ голову Адочки, и она вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

Прежнее, чуть жуткое, но не лишенное пріятности, ощущеніе быть наединѣ съ лѣсомъ и воображать себя принцессой, ищущей клада, мигомъ исчезло изъ ея души. На смѣну ему явился самый отчаянный, самый животный страхъ—страхъ быть растерзанной волкомъ. Къ тому же ознобъ усилился, и она вся дрожала теперь, не имѣя на себѣ ни одной сухой нитки.

Теперь уже и самое желаніе «попугать» другихъ исчезло безслѣдно изъ ея души.

— Только-бы домой. Только-бы домой скорѣе!— мысленно говорила Адочка, и крупныя слезы отчаянія текли по ея щекамъ.

И вдругъ какой-то громкій вой пронесся по лѣсу и замеръ въ тишинѣ ночи.

— Боже мой! Волки!—съ ужасомъ пронеслось въ головѣ дѣвочки. И она почувствовала, какъ волосы отдѣляются у нея на темени. Ужасъ ея еще болѣе усилился, когда вблизи мелькнули двѣ огненныя точки... Вотъ онѣ ближе... ближе... Вотъ уже совсѣмъ приближаются онѣ, яркія, сіяющія, какъ глаза разъяреннаго хищника. Адочкѣ кажется, что она уже слышитъ щелканье зубовъ голоднаго звѣря, чудится уже горячее дыханіе, вылетающее изъ открытой пасти чудовища.

Она дико вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ на мокрую траву.

X.

— Адочка! Милая! Наконецъ—то!.. Боже мой, она кажется умерла... Адочка!

И Ника, весь трепещущій, поставивъ на траву ручной фонарь съ рефлекторомъ, который Адочка приняла за свѣтящіеся глаза волка, опускается на землю подлѣ безчувственной дѣвочки.

Слава Богу сердце ея бьется, хотя она холодна, какъ ледъ и насквозь вымочена дождемъ.

Ника старается привести въ чувство кузину. Это долго не удается ему, пока, наконецъ, послѣ тщетныхъ усилій Адочка приходитъ въ себя и открываетъ глаза.

— Гдѣ я?—спрашиваетъ она пугливо.

— Въ лѣсу, Адочка. Но вы не бойтесь, вы со мною,—спѣшитъ успокоить ее мальчикъ.

— Ника! Неужели вы? Какъ вы попали сюда?—съ трудомъ срывается съ дрожащихъ губъ Адочки.

— Да! да!—лепечетъ обрадованный Ника. — Всѣ ужасно испугались за васъ, когда пошелъ дождь, и кинулись къ лѣсу, такъ какъ видѣли, какъ вы исчезли за опушкой. Крестьяне пошли большой толпой. Они говорятъ, что здѣсь опасно ходить въ одиночку, я пошелъ съ ними. Но мнѣ все казалось, что они идутъ слишкомъ медленно, и я побѣжалъ впередъ.

— Развѣ вы сами не боялись волковъ, Ника?—спросила его Адочка.

— Но вѣдь вы должны были бояться ихъ еще

больше, Адочка,—вотъ почему я и торопился отыскать васъ поскорѣе!—отвѣчалъ отважный мальчикъ.

Дѣвочка была уничтожена этими словами.

— А я бы не поступила такъ самоотверженно,—пронеслось въ ея головкѣ.

— Ну, а теперь домой, Адочка, а то дядя страшно безпокоится за васъ!—произнесъ Ника.

Дѣвочка попробовала ступить шагъ, другой и принуждена была остановиться. Истерзанныя ноги ныли нестерпимо и всю ее сковывала такая слабость, что она вовсе не могла ходить. Она съ тоскою призналась въ этомъ Никѣ.

— Ну, этому горю пособить не трудно. Вы только возьмите фонарь и держите его высоко надъ головой, Адочка,—сказалъ Ника и, прежде чѣмъ дѣвочка могла опомниться, поднялъ ее на руки и понесъ.

Не легко было пятнадцатилѣтнему мальчику, почти ребенку, нести большую четырнадцатилѣтнюю дѣвочку; ноги его поминутно скользили въ мокрой травѣ; встрѣчныя вѣтви больно хлестали по лицу, царапая его; Ника дышалъ тяжело и прерывисто. Но онъ и не думалъ ни одну минуту о томъ, чтобы спустить съ рукъ свою живую ношу.

Адочка притихла на рукахъ брата. Но сердце ея билось усиленнымъ темпомъ: точно глаза ея открылись въ эту минуту, и она сейчасъ только поняла и оцѣнила золотую душу Ники.

Пройдя еще немного, мальчикъ выбился изъ силъ и готовъ былъ рухнуть на траву вмѣстѣ со своей ношей. Но какъ разъ въ эту минуту за деревьями замелькали огни, и толпа крестьянъ окружила дѣтей.

— Слава Богу, нашлась барышня!—слышались радостные голоса однихъ.

— А ужъ мы то испугались, Господи!—вторили имъ другіе.

— Еще-бы! Въ лѣсу и въ такую пору. И днемъ—то жутко! Чего добраго и волки и нечисть,—добавляли третьи.

— Какъ они любятъ меня! Боялись, говорятъ, испугались... Конечно любятъ! А за что? За что?—сильно выстукивало сердечко Адочки, и вдругъ теплая, ей самой не понятная волна прилила къ нему, и дѣвочка заплакала горько, неудержимо.

XI.

Ночь въ лѣсу, пережитыя волненія и страхи, а еще болѣе сильная простуда не могли не повліять на здоровье Адочки.

Цѣлую недѣлю она бредила и металась, звала и отталкивала кого-то въ одно и тоже время.

Отецъ серьезно опасался за ея жизнь. Изъ губернскаго города былъ выписанъ докторъ.

Но вскорѣ сильная натура и молодость взяли свое.

На девятый день Адочка открыла глаза, почувствовавъ замѣтный переломъ къ лучшему.

У ея постели сидѣла Ксаня.

Больная очень обрадовалась, увидя ее.

— Вамъ лучше, Адочка?—такъ и кинулась къ ней Ксаня,—а мы такъ боялись за васъ.

— Боялись? Почему?—удивилась та.

— Вы были опасно больны... А мы такъ васъ любимъ, Адочка, такъ боимся потерять васъ. Мы съ

княземъ и Никой поочередно дежурили у вашей постели.

— Любятъ? За что? И это любитъ, Ксаня, милая, а сколько ей пришлось выносить обидъ и горечи отъ нея—Адочки. А она радуется... и любитъ ее. Вонъ у нея и слезы на глазахъ и осунулась она порядочно, вѣроятно, изъ страха за Адочкину жизнь.

Милая Ксаня! И Адочка не замѣчаетъ, какъ у нея самой текутъ по щекамъ слезы.

О, какъ ей хочется приласкать всѣхъ, чтобы было за что любить имъ всѣмъ ее—Адочку.

Но больше всего ей хочется обнять ея двоюроднаго брата, которому пришлось такъ много вытерпѣть отъ нея, заставить его позабыть ея прежнюю непріязнь къ нему, выпросить у него прощеніе за все, за все.

Вѣдь она поняла въ лѣсу всю свою неправоту, все дурное, чѣмъ она провинилась передъ Никой. А онъ, Ника - ея спаситель, золотая душа, чистое сердце. О, какъ она любитъ его теперь, милаго, дорогого своего обиженнаго братишку.

— Скорѣе, скорѣе позови мнѣ его, Ксаня,—проситъ Адочка, устремляя на своего друга молящій взглядъ.

— Кого Адочка?—недоумѣваетъ та.

— Нику! Скорѣе, пожалуйста!

Прежняя нетерпѣливая, гордая княжна на минуту просыпается въ ней.

Кого же и надо ей, какъ не Нику? О, какая безтолковая эта Ксаня.

— Дитя мое, Ники нѣту!—Слышится голосъ отца съ порога.—Ника уѣхалъ въ Москву въ училище. Онъ

Стр. 62.

просилъ передать тебѣ свой привѣтъ и... проситъ прощенія, если провинился въ чемъ передъ тобою.

— Прощенія? Онъ?

Адочка обвиваетъ руками шею приблизившагося къ ея постели князя и горько, горько плачетъ.

Чего-бы только не отдала она теперь, лишь-бы снова сейчасъ увидѣть Нику, приласкать его, вымолить у него прощеніе. Но судьбѣ, какъ видно, не угодно было принять раскаяніе дѣвочки.

— Вѣрно я не заслужила этого!—мысленно лепечетъ она, — но я заслужу, заслужу непремѣнно. Во что бы то ни стало заслужу!

Слезы высыхаютъ сразу. Глаза загораются яркимъ огонькомъ.

Въ сердцѣ Адочки выростаетъ новое рѣшеніе, доброе, хорошее, свѣтлое, почти неожиданное для нея самой.

— Ника скоро пріѣдетъ! Черезъ годъ, черезъ два, можетъ быть,—утѣшаетъ ее отецъ,—вы подружитесь съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Вѣдь онъ не злопамятный, нашъ Ника.

Князю Владиміру Сергѣевичу хочется чѣмъ-нибудь утѣшить свою больную дочурку.

— Не злопамятный? Онъ! Конечно, не злопамятный!—шепчетъ дѣвочка,—и проститъ мнѣ все, когда увидитъ...

Она не договариваетъ и значительно улыбается ей одной понятной улыбкой.

XII.

Прошло пять лѣтъ.

Зеленыя Липки попрежнему процвѣтаютъ и благо-

денствуютъ. Попрежнему старыя садовыя липы шепчутъ свою длинную сказку. Но никто уже не слушаетъ ихъ безконечнаго шелеста. Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ не мелькаютъ чернокудрая головка и нарядное платьице красивой, гордой дѣвочки.

Чернокудрой головкѣ некогда заслушиваться сказокъ стараго сада. Часто, часто можно видѣть чернокудрую головку, склонившуюся у стола, у окна большого длиннаго зданія, стоящаго на краю деревни.

Вокругъ чернокудрой головки слоняются другія головы: бѣлокурыя, льняныя, круглыя какъ шарики головенки деревенскихъ ребятишекъ. Ада ихъ добровольная учительница. Она учитъ дѣтей грамотѣ. Но этимъ не ограничивается дѣятельность на селѣ молоденькой княжны. Она устроила больницу и богадѣльню въ деревнѣ, гдѣ собственноручно лечитъ крестьянъ, перевязываетъ раны и ушибы, словомъ, помогаетъ чѣмъ можетъ.

И въ болѣе серьезные недуги врачуетъ Ада. Недаромъ изъ города ей цѣлыми ящиками присылаютъ медицинскія книги, которыя она поглощаетъ съ жаднымъ вниманіемъ и усердіемъ.

За то на деревнѣ нѣтъ избы, гдѣ бы не превозносилось до небесъ имя доброй и великодушной княжны Столыпиной. Ни одна крестьянская молитва не произносится безъ упоминанія въ ней имени «благодѣтельницы барышни», какъ прозвали крестьяне Аду.

Молодая дѣвушка несказанно счастлива своей новой дѣятельностью.

Оно, это живое дѣло, засосало ее совсѣмъ. А любовь и беззавѣтная признательность къ ней крестьянъ дополняютъ ея счастье.

Рѣшеніе, явившееся у нея въ первый день ея выздоровленія, пять лѣтъ тому назадъ, единственно изъ желанія хотя чѣмъ-нибудь отплатить Никѣ за все сдѣланное имъ ей добро, теперь нѣсколько измѣнилось и наполнило сердце Ады однимъ желаніемъ—служить бѣднымъ людямъ и приносить имъ пользу. Она и отца увлекала своей идеей, и онъ всѣми фибрами своего существа отвѣчаетъ ея цѣлямъ. А о Ксанѣ и говорить нечего. Молоденькая поповна во всемъ помогаетъ своей «ненаглядной Адочкѣ». Между дѣвушками теперь самая тѣсная, неразрывная дружба, еще болѣе неразрывная и тѣсная, нежели въ дѣтствѣ. Теперь, когда въ Адочкѣ скрылась гордая «сіятельная княжна» и она стала простой, доброй Адочкой, любовь Ксани къ ней еще болѣе усилилась и окрѣпла. И молодая Столыпина отвѣчаетъ ей едва-ли не менѣе сильнымъ чувствомъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Стоялъ вечеръ, душный и ароматный... Усталыя жницы вернулись съ поля. За деревенской околицей заблеяли овцы, замычали коровы. Это пастухъ пригналъ стадо къ ночи домой.

Изъ большой избы, на дверяхъ которой четко написано: «Пріемный покой деревни Липовки», вышла высокая, черноглазая, красивая дѣвушка, и пошла по улицѣ. Цѣлый рой босоногихъ ребятишекъ при видѣ ея кинулся ей навстрѣчу.

— Барышня наша! Барышня!—кричали они, окружая Адочку, такъ какъ черноглазая дѣвушка была она.

Адочка остановилась на минуту, съ улыбкой при-

ласкала ближайшихъ ребятишекъ и тихо сказала имъ:

— Не шумите, дѣти. Тетка Аксинья умираетъ. Ей покой нуженъ.

И тихо пошла домой.

Предстоящая смерть крестьянки мучила Адочку... Тетка Аксинья была больна уже около двухъ мѣсяцевъ и не разъ къ ней выписывала Адочка земскаго врача. Но помочь Аксиньѣ было нельзя и вся цѣль дѣвушки была въ томъ, чтобы усладить послѣднія минуты умирающей. Она долгіе часы просиживала у Аксиньи, читала ей Евангеліе и какъ могла подготовляла ее къ предстоящему таинству смерти.

И теперь, просидѣвъ цѣлый день у больной въ душной комнатѣ, она съ чувствомъ душевнаго удовлетворенія и сознанія, что ею сдѣлано все зависящее отъ нея, возвращалась домой.

На крыльцѣ ее встрѣтилъ отецъ, весь сіяющій и радостный.

— Что такое, папа?—удивилась Адочка при видѣ довольнаго лица князя.—Ты точно именинникъ!

— И ты будешь точно именинница, когда узнаешь въ чемъ дѣло! — произнесъ, не переставая улыбаться, князь,—пойди-ка въ садъ, тамъ отъ Ксани все узнаешь...

Заинтересованная Адочка, быстро сбѣжала по ступенямъ крыльца и пошла по своей любимой липовой аллеѣ въ надеждѣ увидѣть тамъ Ксаню.

Но вмѣсто Ксани изъ-за деревьевъ вышла мужская фигура и двинулась ей на встрѣчу.

— Кто-бы это могъ быть? И что за таинственность напустилъ на себя папа? — недоумѣвала Адочка, инстинктивно замедляя свои шаги навстрѣчу незнакомцу.

И вдругъ вся вспыхнула и невольно поддалась назадъ.

— Ника!

Да, это онъ, нѣтъ сомнѣнія, Ника Вязьминъ, ея двоюродный братъ и «богатый наслѣдникъ» Зеленыхъ Липокъ. Нѣтъ нужды, что онъ такъ измѣнился за эти пять лѣтъ и изъ нескладнаго мальчика превратился въ молодого человѣка съ темными усиками и энергичнымъ лицомъ.

— Ника, ты-ли это? — еще разъ проговорила дѣвушка и протянула руку.

— Адочка, милая Адочка, какъ я радъ тебя видѣть!

Они невольно заговорили на «ты», какъ самые близкіе родные. Прежняя непріязнь забыта и кажется далекимъ, позабытымъ сномъ.

— Я все, все знаю про тебя, Адочка, — говоритъ Ника. — Мнѣ дядя писалъ про твою дѣятельность... Ахъ, ты святая, Адочка! Сестренка моя!

Онъ восторгается ея поступкомъ, совершенно позабывъ о томъ, что и самъ онъ, несмотря на богатство и довольство, готовъ служить общей пользѣ, выбравъ карьеру земскаго врача.

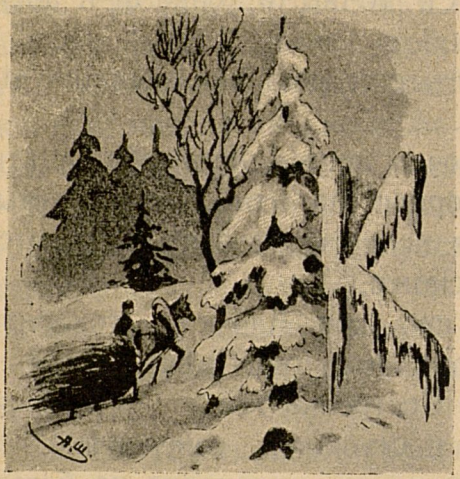
— Подожди, Адочка, я доучусь и пріѣду сюда помогать въ твоемъ дѣлѣ. Мы и больницу выстроимъ какъ слѣдуетъ, и я буду лѣчить твоихъ больныхъ!

— Ахъ, хорошо-бы! — блестя глазами, говоритъ Адочка, — ахъ, славно! — И она повѣряетъ тутъ-же свои опасенія и радости, невзгоды и успѣхи на новомъ, избранномъ ею пути милосердія и добра.

А богатый наслѣдникъ, съ любовью глядя ва воодушевленное личико молодой дѣвушки, удивляется,

что стало съ его прежней гордой, эгоистичной двоюродной сестрицей, и какой добрый волшебникъ превратилъ ее въ эту милую, самоотверженную Адочку.

И менѣе всего склоненъ думать богатый наслѣдникъ, что этотъ добрый волшебникъ есть ни кто иной, какъ онъ самъ.



Веселый праздникъ.

(Картинка съ натуры).

I.

РОШЕЧНАЯ квартирка вахмистра *) Люлюева—„эскадроннаго п а п а ши“, какъ его называютъ офицеры кавалерійскаго **) N—аго полка,—прибрана по-праздничному. Блестятъ полы, блестятъ дверныя ручки и оконныя задвижки, блеститъ лицо Суворова, висящее испоконъ вѣковъ на стѣнѣ противъ двери, въ рамкѣ орѣховаго дерева. Очевидно, мокрая тряпка, гулявшая по мебели, не миновала и характернаго, выразительнаго лица героя. Словомъ, все въ квартиркѣ вахмистра прибрано, какъ въ свѣтлый праздникъ. Даже двѣ канарейки и безхвостый чи-

*) Чинъ выше унтеръ-офицерскаго, который дается старымъ выслуженнымъ солдатамъ.

**) Кавалерійскіе полки дѣлятся на эскадроны, какъ пѣхотные на роты.

жикъ, прыгающіе въ клѣткѣ, повѣшанной между рамой и тюлевой занавѣской, чирикаютъ какъ-то особенно—на праздничный ладъ.

Но торжественнѣе всѣхъ—и половъ, и чехловъ, и канареекъ, и мебели — выглядитъ молоденькая дочь вахмистра, пятнадцати-лѣтняя Нюрочка.

Съ утра одѣтая въ красный шелковый лифъ съ бѣлыми горошинками, съ высоко взбитой бѣлокурой чолкой надъ лбомъ, Нюрочка очень мила. Она такая бѣленькая и свѣженькая, какъ только - что испеченная булочка. Глаза у нея синіе-синіе, какъ Анютины глазки, а верхняя ея губка очень высоко поднята, что придаетъ всему личику Нюрочки веселое наивное выраженіе.

Нюрочка счастлива сегодня. У нихъ въ эскадронѣ праздникъ, а это очень очень важное событіе. Эскадронное торжество началось съ утра.

Въ десять часовъ пошли въ полковую церковь, за службой послѣдовалъ парадъ на плацу, потомъ, для нижнихъ чиновъ былъ устроенъ завтракъ въ столовой, офицеры-же завтракали у себя въ собраніи и наконецъ вечеринка въ квартирѣ вахмистра Люлюева—Нюрочкинаго папаши... Къ этой-то вечеринкѣ въ квартиркѣ Люлюева и готовились исподволь, чуть-ли не цѣлую недѣлю: мыли, стирали, чистили и скоблили съ утра до ночи.

Сама вахмистерша Люлюева, «эскадронная мамаша», полная, добродушная женщина, ходитъ озабоченная и растерянная, обдумывая, чѣмъ-бы угостить почетныхъ гостей, состоящихъ изъ господъ офицеровъ своего и чужихъ эскадроновъ, обѣщавшихъ почтить своимъ присутствіемъ ихъ скромную квартирку. Въ

ея головѣ поминутно проносятся картины въ видѣ жаренныхъ индѣекъ съ каштанами, фаршированныхъ килекъ, маринованныхъ грибовъ и пр., и пр. Она поминутно накидывается на Нюрочку, которая кажется ей ужасно равнодушной къ ея тревогѣ.

Но Нюрочка далеко не равнодушна къ такому важному событію и волнуется не менѣе своей мамаши.

Дѣвочка вся сіяетъ отъ удовольствія при одной мысли, что сегодня она будетъ танцовать съ настоящими кавалерами, съ «господами»! А она, Нюрочка, еще такъ любитъ танцы!

Ради торжества и танцевъ, Нюрочка и сшила себѣ къ сегодняшнему дню красную кофточку съ бѣлыми горошками, надъ строченіемъ мелкихъ складочекъ просидѣла болѣе двухъ сутокъ. Кофточка оказалась немножко узка въ таліи, и Нюрочка надѣла ее съ утра, чтобы «привыкнуть» къ ней. Съ утра же надушилась Нюрочка дешевенькими духами: ей все чудился запахъ жареной индѣйки, специфической струей врывавшійся изъ кухни въ комнату.

Подготовленная такимъ образомъ во всеоружіи своей миловидности, она теперь терпѣливо ждала вечера...

II.

Къ семи часамъ начали сходиться гости. Менѣе почетные и «свои» явились раньше. Пришелъ Федя, женихъ Нюрочкиной старшей сестры Сони, расторопный малый въ нитяныхъ перчаткахъ, завитый барашкомъ.

Федя развязно подлетѣлъ къ нарядной брюнеткѣ

Сонѣ, одѣтой во все яркожелтое, потомъ къ Нюрочкѣ, продѣлалъ передъ ними обѣими какой-то неопредѣленный пируэтъ, нѣчто среднее между лезгинкой и пляской дикихъ, и поднесъ фунтъ тянушекъ въ коробочкѣ отъ Абрикосова своей невѣстѣ.

Соня вспыхнула, потомъ присѣла и, снова вспыхнувъ, произнесла:

— Мерси-съ!

Федя опять изобразилъ ногами нѣчто среднее между лезгинкой и пляской дикихъ и мучительно краснѣя отошелъ въ сторонку, распространяя вокругъ себя крѣпкій и назойливый запахъ дешевыхъ духовъ.

Пришла самая старшая дочь Люлюевыхъ съ мужемъ—лавочникомъ, черноглазая Серафима, совсѣмъ не похожая на младшихъ сестеръ.

Пришли рыженькія дочери причетника полковой церкви.

Нюрочка съ тревогой оглянула ихъ съ головы до ногъ и разомъ успокоилась: причетницы были одѣты не по-модѣ, тогда какъ ея модная юбка цвѣта давленой земляники, по восьми гривенъ аршинъ, и яркокрасная кофточка съ бѣлыми горошенками были сшиты по послѣдней картинкѣ, взятой изъ приложеній къ журналу „Нива“.

Вслѣдъ за молоденькими причетницами явились два писаря изъ сосѣдняго полка „пѣхотинцевъ“. Одинъ—при часахъ, но безъ цѣпочки, другой—при цѣпочкѣ, но безъ часовъ; одинъ—скромный, кашляющій въ кулакъ, другой—отличный дирижеръ и танцоръ на-славу. Послѣдній былъ обладатель не совсѣмъ благозвучной фамиліи Шлепкина и имѣлъ розу въ петличкѣ.

При видѣ Нюрочки, Шлепкинъ съ истинно писарской любезностью сдѣлалъ „глиссе“ по натертому воскомъ полу и, подлетѣвъ къ молодой хозяйкѣ, презентовалъ ей розу, предупредительно сорванную съ груди, продекламировавъ при этомъ:

Вы прекрасны, точно роза,
Только разница одна:
Роза вянетъ отъ мороза,
Вы же mademoiselle... никогда.

Нюрочка присѣла декламатору, какъ присѣла пять минутъ до того Федѣ ея сестра Соня и сказала также, какъ и Соня Федѣ:

— Мерси-съ.

А гостей все прибавлялось и прибавлялось.

Вскорѣ въ крошечной квартиркѣ стало душно, какъ въ банѣ. Потребовалось открыть форточки. Дѣвицы сбились въ кучку и, разглядывая другъ друга, грызли карамельки.

Федя и дирижеръ Шлепкинъ изо-всѣхъ силъ старались занять ихъ. Федя закрывалъ лицо обѣими руками и мычалъ басомъ, какъ мычитъ корова, отбившаяся отъ стада въ дурную погоду. Это изображало громъ. Потомъ внезапно открывалъ лицо, придерживая, обѣ руки у ушей, на манеръ раздвижного занавѣса и страшно вращалъ зрачками. Это означало блескъ молніи.

Барышни смѣялись, имъ было весело. И Нюрочкѣ было весело потому что Федя, будущій мужъ ея любимой Сони, оказывался такимъ находчивымъ и остроумнымъ!

Одинъ Шлепкинъ, обиженный предпочтеніемъ Федѣ,

не раздѣлялъ общаго удовольствія. Онъ въ свою очередь отозвалъ въ сторону сестрицъ — причетницъ и глоталъ передъ ними ножъ, опуская его незамѣтно за воротничекъ крахмальной сорочки. И приговаривалъ при этомъ:

— Мы пѣхотинцы-съ... Мы скромны-съ... А вотъ по паркетной части - съ, намъ нѣтъ равныхъ-съ... Не взыщите-съ.

И кидалъ въ сторону мычащаго Феди уничтожающій взглядъ.

Между тѣмъ, мамаша Люлюева обносила всѣхъ наливкой и угощая приговаривала:

— Выкушайте. Не обезсудьте. Сама настаивала. Ягоды первый сортъ. По восемнадцати копѣекъ брала у разнощика этимъ лѣтомъ. Кушайте на здоровье.

Офицеровъ ждали каждую минуту, и это ожиданіе наэлектризовало и гостей и хозяевъ. Дамы смотрѣли на дверь и напряженно улыбаясь, обмахивались платочками.

III.

Они явились ровно въ 9.

Впереди всѣхъ вошелъ бравый ротмистръ Черновъ съ полуаршинными усами и добродушнымъ лицомъ. За нимъ слѣдовало около десятка молодежи своего и чужихъ эскадроновъ.

Тутъ были: штабъ - ротмистръ Турчинъ черноволосый, черноглазый офицеръ, извѣстный своимъ умѣньемъ пѣть цыганскіе романсы. Второй, адъютантъ Игнатовичъ, съ длиннымъ носомъ и искрящимися юморомъ глазами. И наконецъ, молоденькій безусый мальчикъ

корнетъ Строевичъ, только что недавно вышедшій изъ корпуса.

— Здорово, Кузьма Демьянычъ! Здорово, братцы!— привѣтствовалъ «эскадронный» начальникъ своего любимаго вахмистра и нижнихъ чиновъ.

— Здравія желаемъ, ваше высокородіе!—вырвалось стройнымъ гуломъ изъ двухъ десятковъ солдатскихъ грудей собравшихся здѣсь.

И тотчасъ-же, словно по волшебству передъ господами офицерами очутилась добродушная вахмистерша съ подносомъ, на которомъ были разставлены бокалы съ пѣнящимся въ нихъ шампанскимъ.

— Не обезсудьте на угощеньѣ,— растягивала она, словно пѣла, своимъ сочнымъ голосомъ,—не побрезгуйте выкушать за счастье жениха и невѣсты.

Произошло легкое смятеніе.

— Кто женихъ? кто невѣста?—послышались удивленные возгласы среди офицеровъ.

Тогда вахмистръ Люлюевъ взялъ одной рукой руку Сони, другой—руку Феди, вспотѣвшую, мокрую сквозь нитяную перчатку, и подвелъ ихъ, красныхъ и смущенныхъ, къ группѣ офицеровъ.

— А—а!—не то радостно, не то изумленно протянулъ Черновъ,—ну-съ, совѣтъ да любовь! Выпьемъ за ваше счастье, Сонечка! Я ее маленькой дѣвочкой еще зналъ.

И взявъ два бокала съ подноса, онъ передалъ ихъ жениху и невѣстѣ, самъ взялъ третій и, чокнувшись съ молодой четой, духомъ осушилъ свой бокалъ, послѣ чего поцѣловалъ красныя щеки Феди, наклонился къ Сонечки и чмокнулъ и ее въ черненькую головку.

Потомъ и другіе офицеры выпили за счастье Феди и его невѣсты.

— Не побрезгуйте, ваши благородія, хлѣба-соли откушать... Чѣмъ Богъ послалъ,—затянула снова своимъ пѣвучимъ голосомъ мамаша — Люлюева, и всѣ двинулись къ столамъ.

Офицеры съ изысканной любезностью помогали угощать хозяевамъ—дамъ, и барышень, наполняя ихъ рюмки и тарелки и упрашивая откушать.

Начались тосты: пили за государя, за государыню, за царскую семью, за «полкового» командира, за «эскадроннаго», за хозяина съ хозяюшкой, за гостей и снова за будущихъ молодыхъ.

Нюрочка бѣгала и суетилась не меньше своей мамаши. Ея красная кофточка съ горошинками мелькала то здѣсь, то тамъ. Она разносила наливки, придвигала то тому, то этому закуску и кулебяку и была сама не своя въ ожиданіи танцевъ.

— Ахъ! ужъ скорѣе-бы! вихремъ проносилось въ ея головкѣ,—ну что интереснаго сидѣть за столомъ! Право!

И сама судьба, казалось, подслушала ея желаніе.

Въ ту-же минуту послышались звуки аристона. Солдатъ своего эскадрона Пѣтушковъ, исполняющій денщицкія обязанности при Кузьмѣ Демьянычѣ, энергично завертѣлъ ручку аристона, выигрававшаго всѣмъ знакомый мотивъ «Стрѣлочка».

Молодежь встрепенулась и повскакала со своихъ мѣстъ. Въ одно мгновеніе тяжелые столы были сдвинуты къ стѣнки, стулья также, и такимъ образомъ получилось мѣсто для танцевъ.

«Три дѣвицы шли гулять, шли гулять, шли гулять»— произительно высвистывалъ аристонъ при участіи Пѣтушкова. Офицеры, а вслѣдъ за ними фельдшера и писаря (по желанію начальства), приглашали дѣвицъ.

Дѣвицы отнѣкивались, но все-же шли, становились въ пары на кадриль, предупреждая кавалеровъ «дирижировать по-русски».

Первую фигуру взялся вести Строевичъ, танцовавшій съ Нюрочкой, но на второй фигурѣ спутался, перейдя на французскій языкъ, и передалъ дирижерство писарю-щеголю, обладателю не совсѣмъ гармоничной фамиліи—Шлепкинъ.

И Шлепкинъ оказался на высотѣ своего призванія: онъ топалъ ногами, выворачивалъ руки барышнямъ, дѣлая balancé и такъ энергично кружилъ свою даму, что той грозила серьезная опасность очутиться на полу. При этомъ онъ визгливо выкрикивалъ теноркомъ:

— Кавалеры, наступай! Кавалеры, въ бокъ! Кавалеры, фертомъ! Ассаже силь-ву-плюй. Барышни, кружить... Барышни, цѣпочку... Барышни, въ пристяжку!

И опять ассаже, фертомъ, силь-ву-плюй, въ пристяжку...

— Молодчина Шлепкинъ! Жарь во-всю!— подбадриваетъ «эскадронный», танцовавшій визави съ самой Люлюевой.

И окончательно озвѣрѣвшій въ своемъ усердіи Шлепкинъ заоралъ еще изступленнѣе:

— Барышни, впередъ! Барышни, въ приступку! Барышни, винигретъ. Плесе вѣеромъ. Въ закрутку силь-ву-плюй!

Шлепкинъ танцовалъ съ Соней, Федя съ одной

изъ рыженькихъ причетницъ и бросалъ сіяющіе взгляды на всѣхъ. Онъ гордился вниманіемъ офицеровъ къ его будущей семьѣ и старался въ то-же время всѣми силами обратить на себя общее вниманіе. Для того онъ, когда Шлепкинъ дирижировалъ: «кавалеры, впередъ», подлеталъ къ своей дамѣ фертомъ и отлеталъ отъ нея въ присядку, неистово оттаптывая каблуки.

«Стрѣлочекъ» смѣнился «березой» при благосклонномъ участіи того-же Пѣтушкова.

Шлепкинъ, изрядно таки охрипшій послѣ четвертой фигуры, изрекалъ теперь какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ:

— Цѣпочку... Цѣпочку растянуть... Дамъ въ боченокъ. Кавалеры, кругъ. Кавалеры, разомкнись. Дамы вѣночекъ... Дамы, корзинку... Ка-чай! Нѣсколько минутъ слышалось только усиленное топанье ногъ и бряцаніе шпоръ. Потомъ раздался хохотъ. Дамъ заперли въ кружокъ, вокругъ завертѣлся другой кругъ кавалеровъ: кто-то отдавилъ кому-то ногу — кто-то пронзительно вскрикнулъ отъ боли.

Послѣ кадрили слѣдовала венгерка. Аристонъ венгерки не игралъ; ея мотивъ замѣнили полькой Фолишонъ, имѣвшейся въ репертуарѣ аристона. Нюрочка не умѣла танцовать венгерки и могла только любоваться на плясавшихъ. Пока ея подруги притоптывали каблуками выдѣлывая замысловатыя па, она усѣлась въ уголку между комодомъ и сундукомъ, обмахивалась платочкомъ и мечтала о томъ, какъ хорошо было-бы танцовать и радоваться такъ-то цѣлую жизнь.

IV.

Промозглое осеннее утро заглянуло въ крошечную квартиру вахмистра Люлюева и разбудило Нюрочку.

Нюрочка проснулась, но умышленно не открываетъ глазъ. Она и безъ того знаетъ, что увидитъ сдвинутые къ стѣнѣ столы съ пустыми тарелками и недоѣденными закусками, съ пятнами на скатертяхъ, окурки папиросъ и апельсинныя корки на полу. Увидитъ Серафиму, оставшуюся у нихъ ночевать на диванѣ, которая, расчесывая жидкіе волосы, цѣдитъ лѣниво, по адресу матери, перетирающей чашки:

— Денегъ то денегъ, что вы поистратили съ этимъ баломъ, маменька, страсть!

Нюрочка дѣлаетъ надъ собой усиліе и съ неудовольствіемъ поднимается на локтѣ.

Все, что ей представлялось мысленно, выступаетъ передъ нею теперь во всей своей непривлекательной дѣйствительности: передъ нею и столы, и бутылки, и окурки, и апельсинныя корки, и мать, и Сима съ распущенными жидкими волосами. И въ дополненіе ко всему, на спинкѣ кресла виситъ небрежно брошенная красная кофточка съ бѣлыми горошенками. Вчерашняя кофточка!

Нюрочка смотритъ на кофточку и на душѣ у нея смутно и тоскливо.

Вчерашнее радужное настроеніе исчезло безъ слѣда.

Вчера было такъ весело, а сегодня? — Какіе скучные, сѣрые, однообразные будни!

Въ сосѣдней комнатѣ папаша Люлюевъ, кряхтя и потягиваясь, собирается на ученье.

Стр. 74.

Въ кухнѣ Пѣтушковъ раздуваетъ самоваръ сапогомъ и отчаяннно бранитъ кота Ваську, трущагося объ его руки...

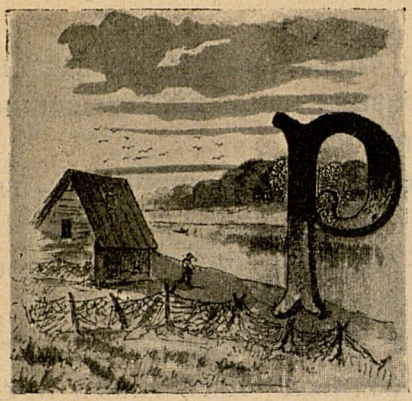
Нюрочка затыкаетъ уши, снова валится лицомъ въ подушку и старается вообразить вчерашній праздникъ гостей и веселые звуки аристона...

— Нюра! вставай! — нечего лежабочничать, отцу кофе заваривать надо!

И Нюрочкина мамаша легонько шлепаетъ своей пухлой рукой дочку по ея худенькому плечу.

Нюрочка вскакиваетъ и быстро начинаетъ одѣваться. Сегодня, послѣ праздника такъ много предстоитъ ей еще уборки и суеты... Надо помогать матери, Сонѣ...

...Праздникъ прошелъ наступили будни. Нельзя же постоянно кружиться и плясать. И Нюрочка, какъ вполнѣ разумная барышня, отлично поняла это...



Послѣдній лучъ.

Эскизъ.

РАИСА Морева праздновала день своего рожденія. Было много гостей. Обѣдали родные, родственники и добрые друзья. Раису Мореву любили, какъ человѣка и какъ талантъ. Она была художница. Ея кисть свободно и легко передавала полотну всѣ истины жизни: и радость и горе. Особенно горе людское, безсильное, удавалось молодой художницѣ на славу. Эту кисть, этотъ талантъ, эти картины и восхваляли почитатели Раисы и поклонялись ей многіе и превозносили ее.

На праздникѣ Раисы говорились рѣчи, произносились тосты. Было много цвѣтовъ.

Въ своемъ скромномъ бѣломъ платьицѣ, съ густою бѣлокурой косою, веселая, радостная и возбужденная, Раиса казалась совсѣмъ молодою дѣвушкой, хотя ей было уже двадцать семъ лѣтъ.

Ей было пріятно видѣть родныхъ, друзей и знакомыхъ въ этотъ день ея праздника, пріятно слышать похвалы ея таланту, ея доброму сердцу, ея душевной простотѣ.

А кругомъ со стѣнъ небольшихъ уютныхъ комнатокъ Раисы, и прилегавшей къ нимъ свѣтлой, красивой, студіи смотрѣли на нее ея творенія: картины и

эстампы, эскизы и наброски и, казалось, говорили безъ словъ художницѣ:

— «И мы съ тобою! И мы любимъ тебя! И мы поздравляемъ!».

Было радостно и свѣтло. Весна цвѣла за окнами. Весна расцвѣтала на душѣ Раисы. Ярко загоралась гдѣ-то невдалекѣ лучезарная счастливая звѣзда.

II.

Встали изъ-за стола довольно поздно.

Вечеръ, таинственный и голубовато—бѣлый, какъ и всѣ майскіе вечера уже обвѣялъ природу своимъ нѣжнымъ крыломъ.

Открыли окна. Запахло расцвѣтающей липой, счастьемъ и весной.

— Танцовать! Танцовать!—закричала молодежь, и молоденькія сестры Раисы закружились, какъ легкіе духи по маленькимъ комнаткамъ и прилегающей къ нимъ мастерской.

Было весело. Рояль звучалъ пѣвуче, пахли розы и левкои въ вазахъ; молодежь танцовала. Раиса легкая и воздушная, какъ бѣлая фея, скользила по комнатамъ и улыбалась близкимъ и гостямъ, молодежи и розамъ въ вазахъ, и картинамъ на стѣнахъ, и веснѣ душистой, врывавшейся съ голубыми сумерками въ широкое окно.

III.

Дрогнулъ звонокъ въ передней.

Молодой стройный братъ Раисы, кавалерійскій офицеръ, звеня шпорами, метнулся туда.

— Новые гости? Новая радость?

— Нѣтъ!

Вернулся смущенный съ потупленнымъ взоромъ.

— Рая! къ тебѣ!

Раиса вышла.

Въ прихожей стояла худенькая, маленькая женщина въ одеждѣ сестры милосердія, въ бѣломъ передникѣ, съ краснымъ крестомъ на груди, въ бѣлой косынкѣ на головѣ.

Что то дрогнуло въ сердцѣ Раисы...

Не то испугъ, не то смятенье отразилось на лицѣ.

— Сестрица, вы ко мнѣ? шепнули ея дрогнувшія губы.

— Вы художница Морева?

Голосъ сестры вздрагивалъ... Вотъ—вотъ казалось онъ оборвется сейчасъ...

— Да я!

— Голубушка!

Маленькая фигурка въ бѣломъ передникѣ и бѣлой косынкѣ метнулась изъ угла, схватила руки Раисы, сжала ихъ...

— Голубушка! Милая... не во-время я... простите... Вижу, праздникъ у васъ... Но... но... онъ у насъ тамъ умираетъ... Одинъ бѣдняжечка... Нѣсколько часовъ жить осталось... Господи! Если бы видѣли... Вѣдь дитя почти еще... а умираетъ... Умолилъ меня къ вамъ поѣхать... Онъ тоже художникъ... или, по крайней мѣрѣ, надѣялся стать художникомъ, учился живописи, дѣлалъ огромные успѣхи... У него признали талантъ... Но болѣзнь его свалила... Увидалъ ваши картины и съ тѣхъ поръ ими такъ и бредитъ... Въ особенности

тою, которая называется «Счастье калѣки»... О ней только и говоритъ... И дни, и ночи... Умолилъ меня поѣхать къ вамъ... попросить вашу карточку, портретъ...

«Сестрица, говоритъ, привезите ея карточку... взгляну на нее и умру... Только взгляну, говоритъ, вѣдь я ея талантъ выше всѣхъ, выше всего чту»... А самъ молоденькій еще... ребенокъ... четырнадцать лѣтъ... и умираетъ... Голубушка, дайте ему карточку, дайте это счастье послѣднее!.. Умретъ сегодня... доктора сказали...—Черезъ нѣсколько часовъ назадъ ее вамъ верну... Весь Петербургъ избѣгала, искала вашу карточку, въ продажѣ нѣтъ ни одной, какъ на зло... Къ вамъ осмѣлилась... простите.

Оборвался голосъ. Слезы капаютъ на бѣлую косынку, на бѣлый передникъ съ краснымъ крестомъ. По блѣдному, взволнованному лицу сестры катятся слезы.

— Кто онъ вамъ?—вздрагивая спрашиваетъ Раиса

— Чужой совсѣмъ... Жалко мнѣ... хожу за нимъ дни и ночи... Несчастный онъ такой, а талантливый... бѣдняжка!..

Смолкла... Молчаніе наступило... Изъ комнатъ доносится смѣхъ, музыка, веселье.

А здѣсь тишина.

И вдругъ прекратилась. Прервалась внезапно.

— Ѣдемъ, сестрица!

— Что?

— Ѣдемъ! Ѣдемъ къ нему!

Голосъ Раисы звенитъ, какъ натянутыя струны.

— Голубушка!

Свѣтлѣетъ грустное, заплаканное личико сестры, свѣтлѣетъ отъ радости, отъ счастья.

Бросается на шею Раисы.

— Ангелъ вы Божій! Если-бы вы знали, сколько радости, послѣдней радости вы ему доставите своимъ рѣшеніемъ!

— Стойте! цвѣтовъ ему надо свезти, чуть слышно лепечетъ Раиса и исчезаетъ за дверью. Черезъ минуту появляется снова. У пояса заткнутъ букетикъ фіалокъ и розъ. На головѣ кружево, на плечахъ бѣлая накидка.

— Ѣдемъ! Ѣдемъ!

И сама такъ и трясется такъ и дрожитъ:

Вышли обѣ и сестра и художница изъ маленькой квартирки.

За ними хлопнула дверь.

IV.

Большая, большая, больничная палата... Ряды кроватей... Изможденныя лица, худыя костлявыя руки больныхъ... Запахъ лѣкарствъ, удушливый тяжелый...

Какъ бѣлый призракъ скользитъ высокая дѣвушка съ букетомъ фіалокъ и розъ... Больные широко раскрываютъ глаза... Не фея-ли это? Не ангелъ—ли Божій? Куда? Къ кому?

Стеклянная дверь. Палата № 10.

— Здѣсь!

Лицо сестры выражаетъ тревогу.

— Постойте тутъ... Я его приготовлю... Голубушка моя...

Птичкой впорхнула въ палату сестра.

— Коля! Коля! Карточку ея привезла...— говоритъ она радостно съ порога.

Коля поднимаетъ голову. Онъ худенькій, какъ скелетъ, и желтый какъ воскъ... Глаза впалые, съ выраженіемъ страданія въ расширенныхъ зрачкахъ, горѣли огнемъ. Губы ссохшіяся, почти черныя. Волосы льняныя прилипли ко лбу. Пальчики тонкіе, прозрачные. Четырнадцать лѣтъ, а, кажется, на видъ ему не больше девяти.

Бѣдный! Услыхавъ слова сестры, онъ точно задохнулся отъ радости.

— Карточку мнѣ!.. Дайте! Дайте!

Протянулись пальчики—паутинки, глаза заблестѣли, загорѣлись, какъ факелы.

— Дайте! Дайте!

— Не у меня она, у одной дамы... — лепечетъ сестра.

— Дамы?

— Отъ „нея“ дама, Коля, отъ нея... Экономка, кажется... Экономка привезла карточку отъ нея...

— Отъ „нея“!.. Она послала!.. Ахъ! Впалая грудка дышетъ съ хрипомъ.

— О, радость! Радость! Пусть войдетъ... Скорѣе! Скорѣе! Ведите сюда, сестричка!

— А самъ дрожитъ, и глаза блестятъ все ярче, ярче...

Личико сестры наклоняется къ больному.

— Я пошутила, Коля! Я пошутила... Не экономку послала она, а сестру...

— Ея сестра!

Голосъ оборвался... Глаза вспыхиваютъ...

— Ея сестра! Ея!

На блѣдномъ лицѣ сестры милосердія отражается новая тревога.

Такъ-ли надо было подготовить его? Не слишкомъ-ли сразу?—волнуется она.

А онъ уже обезумѣлъ отъ счастья.

— Ея сестру... Ея сестру... позовите ее... позовите скорѣе...

V.

Она вошла, бѣлая вся, какъ фея. У пояса букетъ фіалокъ и розъ. Вошла неслышно и стала въ ногахъ постели.

Приподнялся больной... Задрожали маленькіе паутинки—пальцы... Задрожалъ ввалившійся черный ротъ.

Глаза наполнились слезами восторга и благоговѣнія. Поднялся съ усиліемъ на подушкахъ... потянулся впередъ.

Вперилъ глаза въ нее.

— Вы—Раиса Морева! Вы написали, вы создали картину „Счастье калѣки“? Да?.. да, да, это вы!—вырвалось съ хрипомъ изъ груди, и тихо, тихо, какъ дуновеніе вѣтерка пронеслось по палатѣ. Да, да, это вы? Спасибо вамъ, спасибо!..

Раиса бросилась къ больному, изъ-за пояса рванула букетикъ, разсыпала цвѣты на грудь мальчика.

— Дѣточка! Возьми! Художница Морева даетъ... Она сама...

— Милый, милый мой, бѣдный мальчикъ!

И припала къ краю постели головой...

Паутинки-пальчики коснулись ея волосъ, перебирая ихъ свѣтлыя пряди.

Глаза горѣли блаженно, ярко, свѣтло...

— Морева! У меня Морева! Моя дорогая, моя любимая художница! Добрая волшебница... Добрая...—со свистомъ выдавливаетъ бѣдная грудь.

Затихло все... Затихли въ палатѣ другіе больные... И свистящій шопотъ Коли затихъ... Настала тишина, полная, благоговѣйная... Розы и фіалки благоухали на грубомъ больничномъ одѣялѣ, на Колиной груди.

Плакала сестра... Плакала тихо, безъ словъ. Стояла тишина... Время бѣжало...

VI.

Очнулась Раиса.

Какъ отъ молитвы очнулась, отъ сладкаго забытья... Взглянула на Колю и съ тихимъ возгласомъ отпрянула назадъ.

Глаза,-огни погасли... Тускло и мертво глядѣли впередъ. Пальчики-паутинки и костлявыя кисти безсильно свѣсились съ кровати... А на желтомъ лицѣ застыла улыбка свѣтлая, блаженная и яркая, какъ лучъ...

Розы и фіалки дышали на мертвой груди... Плакала сестра, роняя тихія слезы...

VII.

Вернулась изъ больницы Раиса, прошла прямо къ себѣ въ студію, натянула холстъ, приготовила краски, быстро схватила палитру и кисть...

Закипѣла работа... Сильными взмахами бросала рука художницы блики и линіи на полотно мольберта.

Въ сосѣднихъ комнатахъ звучалъ рояль .. Смѣялись

и плясали молоденькія сестры Раисы... Кипѣла жизнь...

А Раиса набрасывала все новые и новые блики, линіи и тѣни...

Выплывали постепенно смутные образы на полотнѣ... Выплывали, какъ грезы изъ тумана...

Рождались смѣлые, гордые, вдохновенные изъ-подъ талантливой руки...

Выплывала скромная больничная палата... Узкая койка... Умирающій мальчикъ съ яркими глазами и блаженнымъ счастливымъ лицомъ и передъ нимъ дѣвушка вся въ бѣломъ, съ букетомъ фіалокъ и розъ у пояса. Эскизъ былъ почти готовъ.

„Послѣдній лучъ“.

Такъ должна была называться картина, новая картина Раисы Моревой.

Странный гость.

I.

— Мама, дорогая, о чемъ ты плачешь?

— Я не плачу, Вовикъ! Я не плачу, счастье мое!

— Но отчего же у тебя на рѣсничкахъ слезинки?

— Тебѣ это такъ кажется, сокровище мое...

— Родная моя мамочка! Какой грустный у насъ сочельникъ!

— Теперь онъ у насъ всегда будетъ грустнымъ, моя дѣточка. Съ тѣхъ поръ, какъ взяли отъ насъ нашего дорогого папу, съ тѣхъ поръ... Ты помнишь твою послѣднюю елку, мальчикъ, тогда... при папѣ?.. Съ тѣхъ поръ у тебя не было елки, мой бѣдный мальчикъ. Ни папы... ни елки...

— Елка, — Богъ съ ней, мамочка! Не плачь, родная... А папу... папу жалко... Безъ папы скучно... Я хорошо помню его... У него были такіе чудные веселые глаза. И доброе, доброе лицо! Мнѣ было тогда пять лѣтъ... Теперь мнѣ десять... Пять лѣтъ мы живемъ безъ папочки! Бѣдный папочка! Какъ ему тяжело должно быть одному. Правда, мама? Мнѣ и тебѣ легче; мы двое... Вернется-ли къ намъ когда-нибудь папа снова? Что сдѣлалъ онъ дурного, нашъ папочка, за что его взяли отъ насъ въ тюрьму, а потомъ услали въ Сибирь, такъ ужасно далеко, далеко? Вѣдь онъ не былъ дурнымъ, онъ не могъ быть дурнымъ папа, моя мамочка!

— Онъ не можетъ быть дурнымъ, твой папа, Вовочка. Онъ такой свѣтлый, прекрасный... Его взяли по ошибкѣ... Другіе люди были виноваты, а онъ нѣтъ, Но его взяли заодно съ ними, потому что онъ былъ ихъ другъ и товарищъ и, чтобы раздѣлить съ ними ихъ участь, онъ принялъ часть ихъ вины на себя... И его осудили и сослали вмѣстѣ съ ними въ Сибирь...

— Значитъ тѣ, другіе люди, папины друзья, были дурные, мама?

— Нѣтъ, нѣтъ, счастье мое, они тоже не дурные, они хорошіе, они свѣтлые какъ и папа, но только они заблуждались... Вѣдь и хорошіе люди могутъ заблуж-

даться и дѣлать ошибки. Когда ты выростешь, Вовикъ, то поймешь это, а пока... пока смотри на небо... мой милый. Смотри: тамъ занялась уже чудесная Виѳлеемская звѣзда.

— Наступилъ сочельникъ, мама! Какъ это прекрасно! Я люблю сочельникъ. Онъ напоминаетъ мнѣ елку и папу.

— Дорогой мой!

— Какая дивная эта звѣздочка, мама! Смотри, смотри на нее! Будемъ оба смотрѣть на нее и думать, что нашъ далекій папа смотритъ на нее такъ же.

— Сокровище мое!

— Не плачь, мама! Не плачь, голубка! Смотри, звѣздочка улыбается намъ! Звѣздочка говоритъ о папѣ; шлетъ поклонъ отъ него. Обѣщаетъ письмо, скорое письмо отъ папы.

— Увы! такъ давно, давно не было отъ него писемъ!

— Онѣ будутъ, будутъ! Мама, я чувствую, я знаю! Сегодня! Сейчасъ! Да! Да! Мама! Ты слышишь? Звонокъ въ передней, мама! Почтальонъ навѣрное! И съ папинымъ письмомъ.

II.

— Это не почтальонъ, мама! Тамъ стоитъ какой-то человѣкъ съ длинной бородою, въ сѣромъ башлыкѣ на лицѣ и молчитъ, мама... Онъ должно быть озябъ... Онъ весь дрожитъ... А въ рукахъ у него елочка, мама, маленькая, зеленая. И много, много свертковъ! Я думаю, что добрые люди прислали это для насъ!

— Гдѣ онъ, Вовикъ? Гдѣ?

— Въ передней, мама! Онъ такой худой и несчаст-

ный! И большая, большая борода!.. Онъ весь дрожитъ! Дай ему чаю скорѣе... Согрѣемъ его... Ахъ, бѣдный, бѣдный! И кто его прислалъ къ намъ съ елкой?

— Идемъ! Идемъ къ нему скорѣе, милый.

III.

— Откуда вы! Кто васъ прислалъ?

. . . . . .

— Вамъ холодно? Вы весь продрогли!.. Вы издалека?

. . . . . .

— Вамъ трудно говорить? Вы больны?

. . . . . .

— О скажите хоть слово! Размотайте вашъ башлыкъ. Я хочу помочь вамъ... Васъ прислали издалека и кто? Кто?

— Изъ Сибири!

— Боже!

— Мама, онъ отъ папы!

— Вы отъ Игнатія?

— Да!

— Господи, дай мнѣ силы!

— Онъ знаетъ папу!

— Отъ Игнатія! Боже мой!.. Онъ здоровъ?.. боленъ?.. можетъ быть въ тюрьмѣ?.. умираетъ?

— Успокойтесь. Онъ прощенъ!

— Прощенъ!

— Прощенъ! Пріѣдетъ, а пока... вотъ елка... и подарки... сегодня вѣдь сочельникъ...

. . . . . .

— Снимите вы башлыкъ, сядьте съ нами рядомъ. Вы нашъ гость, дорогой рождественскій гость...

. . . . . .

— Лена моя! Вовикъ! Мой мальчикъ!

— Игнатій!!! Это ты! Здѣсь! съ нами! Вернулся!

— Папа! Папа!

— Милые! Любимые! Дорогіе мои! Да, я здѣсь, съ вами! Не опоздалъ! Пріѣхалъ во время! Родные!

— Радость! Жизнь ты наша!

— Папа! Папа! Ты не уйдешь отъ насъ больше никогда! Ты останешься съ нами, папа? Да?

— На всю жизнь, мой милый! Теперь уже на всю жизнь!.. Дорогіе мои, украсимъ нашу елочку... украсимъ, какъ прежде, и какой радостный и чудный будетъ нашъ сочельникъ!..

Семь дней бомбоньерки.

Рождественскій разсказъ.

АКАЯ я хорошенькая! Боже мой, какая хорошенькая! Другой такой нарядной, хорошенькой бомбоньерки навѣрно нѣтъ, не было и никогда не будетъ на свѣтѣ! Самъ мастеръ, когда окончилъ меня, не могъ удержаться отъ восторга и воскликнулъ: „Этакая прелесть вышла! Этакая роскошь! Самъ не ожидалъ, признаться!“. И тутъ же поцѣловалъ меня. Дѣйствительно я пре-

лесть! Дѣйствительно, я роскошь. Вообразите только: вся розовая, какъ самая нѣжная розовая мечта. Вся плюшевая, мягкая, какъ мягкая молодая весенняя травка. А на крышкѣ, по серединѣ, зеркальце, ну, совсѣмъ такое же прозрачное, какъ лѣсное хрустальное озерко. Мастеръ бережно завернулъ меня въ тонкую бумагу и понесъ въ магазинъ не вмѣстѣ съ другими бомбоньерками, а отдѣльно, положивъ меня за пазуху на то самое мѣсто, гдѣ у него билось сердце и было такъ уютно и тепло!

24 декабря.

Лежу въ витринѣ магазина за зеркальнымъ стекломъ, вся освѣщенная ослѣпительными лучами электричества, при которомъ моя необычайная красота выдѣляется еще больше. Вокругъ меня цѣлая масса другихъ бомбоньерокъ. Но, Боже мой, какъ онѣ просто, мужиковато и жалко выглядятъ въ сравненіи со мной! Ихъ покупаютъ ежеминутно. Кладутъ въ мѣшки и уносятъ. Нѣтъ ничего проще взять ихъ и купить. Онѣ дешевыя и не нарядныя. Меня же могутъ купить только очень богатые люди. Я вижу, какъ они проѣзжаютъ мимо моего окна въ роскошныхъ экипажахъ, развалясь на мягкихъ подушкахъ. Какъ-бы и мнѣ хотѣлось хоть разокъ прокатиться такъ! Но что это такое? Зачѣмъ меня трогаютъ? Куда несутъ? Ага, понимаю! А! Меня купили! Прекрасно!

— Какая хорошенькая бомбоньерка, миссъ Альсонъ! Возьмемъ ее!—говоритъ нарядная какъ кукла, свѣтлоглазая дѣвочка въ бѣлой ангорской шубкѣ, мѣхомъ вверхъ. Только наполните ее шоколадными кон-

фектами съ ликеромъ! Я ихъ очень люблю!—прибавляетъ она, обращаясь къ продавцу.

Это должно быть очень аристократично—шоколадныя конфекты съ ликеромъ, и очень подойдутъ ко мнѣ!

25 декабря.

Какая просторная зала! Какая роскошная елка. Боже мой, сколько свѣта, блеска, огня. Золотыя звѣзды и цѣпи, тысячи свѣчей разноцвѣтныхъ! Орѣхи, облѣпленные брилліантовой бумагой и бомбоньерки безъ конца! И я лучше ихъ всѣхъ! Я—красавица, я—царица! Это говорятъ кругомъ и свѣчи, и елка, и нарядныя дѣти, собравшіяся на вечеръ съ свѣтлоглазой хозяйкой Бетти во главѣ, и ея чопорная гувернантка миссъ Альсонъ и, наконецъ, японскій фонарикъ!

Какой смѣшной этотъ фонарикъ! Виситъ около меня и все время трещитъ мнѣ на ушко:

— Милая, очаровательная, прелестная красавица—бомбоньерка, вы такъ прекрасны! Согласитесь быть моей женй!

— Никогда! Быть женой простого, скромнаго, бумажнаго фонарика! Никогда въ мірѣ! Это слишкомъ жалкая доля для меня!

Я такъ ему и отвѣчала, а онъ обозлился, зашипѣлъ и такъ загорѣлся отъ злости, что я испугалась. А кругомъ плясали дѣти и говорили глядя на меня:

— Очаровательная бомбоньерка! Здѣсь она лучше всѣхъ, всѣхъ прекраснѣй!

И я чувствовала себя гордо, какъ царица!

26 декабря.

Опять зажигали елку. Опять собирались дѣти... и свѣтлоглазая Бетти была прелестна въ роли молодой

Р. ШЮБЛЕР.

хозяйки. Опять танцовали вокругъ елки въ большомъ залѣ. И опять фонарикъ трещалъ мнѣ, но уже чуть слышно:

— Очаровательная бомбоньерка! Я прошу у васъ одной только милости теперь. Подарите меня однимъ только ласковымъ взглядомъ! Однимъ добрымъ словомъ! Я такъ горячо полюбилъ васъ—такъ горячо...

На что я отвѣчала ему гордо и надменно:

— Отстань отъ меня, ничтожный глупецъ! Развѣ ты не видишь, что мнѣ, такой роскошной и богатой, стыдно разговаривать съ такимъ скромнымъ бумажнымъ бѣднякомъ.

Я хотѣла оскорбить дерзкаго еще какимъ-нибудь обиднымъ словомъ, но не успѣла. Прямо ко мнѣ подбѣжали двѣ прелестныя дѣвочки, одна Бетти, другая пріѣзжая гостья, нарядная маленькая Лили.

— Вотъ, Лили, бери ее себѣ... Это самая хорошенькая и потому ты ее получишь отъ меня, потому что я люблю тебя больше всѣхъ дѣвочекъ въ мірѣ! Указывая на меня восхитительнымъ пальчикомъ, прозвенѣла своимъ милымъ голоскомъ Бетти и поцѣловала подругу.

— Когда свѣчи потухнутъ—я сниму ее и передамъ тебѣ—прибавила она черезъ минуту, переводя взглядъ съ меня на зардѣвшееся отъ удовольствія личико своей маленькой подруги.

— Ага! Вы слышали, глупый фонарикъ! Меня беретъ къ себѣ хорошенькая княжна и я буду отнынѣ пользоваться роскошью и почетомъ въ великолѣпномъ княжескомъ дворцѣ,—начала я свою пышную рѣчь и... не договорила. Что то больно обожгло мнѣ бокъ...

Потомъ еще и еще... О Боже! Злое, негодное существо! Злой, ненавистный фонарикъ! Онъ такъ разгорѣлся отъ злости, что его пламя зажгло мою нѣжно-розовую обивку и... вскорѣ я вся запылала въ огнѣ.

„Конецъ! Умираю!“ Неясно пронеслось въ моихъ мысляхъ и я приготовилась умереть.

27 декабря.

— Но я не умерла, о, зачѣмъ я не умерла вчера... Это было-бы лучше! Во сто разъ лучше, нежели испытывать то, что я испытываю теперь. Злодѣй японскій фонарикъ жестоко отомстилъ мнѣ за мою надменность. Правда, онъ погибъ за это самъ, сгорѣлъ дотла, но и мнѣ испортилъ всю жизнь. Мой бокъ прогорѣлъ до огромной дыры, а шоколадъ съ ликеромъ, растаялъ отъ огня, испачкалъ мнѣ всю мою внутренность, обитую розовымъ атласомъ. Мое зеркальце на крышкѣ треснуло и превратилось въ осколокъ. О, какъ я стала дурна и безобразна! Такъ дурна и безобразна, что когда княжна Лили, моя будущая хозяйка, увидѣла меня, она только всплеснула маленькими ручками и въ отчаяніи прошептала:

— О, какой ужасъ! Какъ она обезображена, эта несчастная бомбоньерка! Я не возьму ее, Бетти! Выбери для меня другую.

И свѣтлоглазая Бетти сняла съ елки маленькую китайскую коробку и передала ее княжнѣ, а меня... меня выкинули вмѣстѣ съ ощипанной елкой на помойную яму.

28 декабря.

Лежу на помойной ямѣ, придавленная вѣтвями медленно умирающей елки. Ужасный морозъ. Страш-

ная стужа. Вѣтеръ воетъ и кружитъ надо мною. Я умираю вмѣстѣ съ елкой... Какой мракъ въ моей душѣ! Какъ прекрасно было мое недавнее прошлое! И какъ грустно, что я не съумѣла продлить мое счастье! О, зачѣмъ я была такъ надменна и горда! Зачѣмъ такъ жестоко обходилась съ другими! Судьба меня покарала за дѣло! Я умираю! Я умираю! Вѣтеръ воетъ... Морозъ крѣпчаетъ! Я умираю! Прощайте всѣ!

29 декабря.

Что это? Тепло и свѣтъ... Какъ хорошо и уютно! Судьба сжалилась надо мною, значитъ, я не умерла! Въ то время, какъ я приготовилась къ смерти, за сухими вѣтками пришла маленькая портниха Тина, жившая въ томъ же домѣ. Ей надо было старыхъ сучьевъ, чтобы растопить печь, и она увидѣла меня.

— Ахъ, какая славная коробочка!—вскричала она, весело беря меня въ руки.—Жаль только, что испорчена немножко. Ну, да это ничего, милая! Мы тебя починимъ.

И она починила меня. Она подклеила мой прогорѣвшій бокъ кускомъ розоваго плюша, она тщательно очистила мою внутренность отъ ростаявшаго шоколада и обтянула новымъ атласомъ, склеила осколки моего зеркальца и я стала снова, если не прежней красавицей, то во всякомъ случаѣ очень миловидной бомбоньеркой. Добрая Тина стала класть въ меня всѣ свои принадлежности для шитья: наперстокъ, иглы, ножницы, катушки, и я старалась относиться къ нимъ какъ можно дружественнѣе и мягче, помня страшный урокъ, данный мнѣ судьбою. Я люблю ихъ какъ братьевъ и сестеръ, но еще сильнѣе, еще крѣпче люб-

лю я маленькую, скромную, работящую Тину и такъ радуюсь, когда ей удается хорошо ко времени сдать работу и получить новый выгодный заказъ. Только теперь я понимаю, какъ это радостно и хорошо любить своихъ близкихъ и заботиться о нихъ. Какое это свѣтлое, счастливое чувство!

Нуль.

СЕРЕЖА Воротынцевъ,—кудрявый, тоненькій мальчикъ, ученикъ третьяго класса N-ской гимназіи самъ не свой вернулся изъ класса. Его глаза лихорадочно блестѣли, губы дрожали, и по худенькимъ щекамъ то и дѣло пробѣгали нервныя судорожныя гриммасы.

На звонокъ Сережи въ переднюю выскочила черноглазая Зайка, потѣшная миловидная дѣвочка съ жиденькой косичкой за плечами, младшая сестра Воротынцева и стала вертѣть и тормошить брата.

— Медвѣдь хмурый! Медвѣдь неповоротливый! Чего надулся? Дергала она его за курточку и теребила за волосы, красиво кудрявившіеся на головѣ Сережи.

Отстань Зайка нодоѣла!—буркнулъ тотъ и, довольно нелюбезно оттолкнувъ отъ себя сестру, прошелъ въ свою комнату.

Зайка обидѣлась, надула губы и ворча что-то себѣ подъ носъ о много воображающихъ гимназистахъ поплелась въ гостинную, гдѣ въ большой клѣткѣ сидѣлъ говорящій попугай Фигаро. Отъ нечего дѣлать и чтобы разсѣять свою тоску—гнѣвъ на брата, Зайка влѣзла съ ногами въ большое вольтеровское кресло, чуть протертое по краямъ и стала дразнить Фигаро.

Попка глупый! Ой какой глупый, глупѣе Сережи. Да, да, да, да! Близко придвигая свое хорошенькое личико къ клѣткѣ, говорила Зайка и совала палецъ между золочеными прутиками домика пернатаго говоруна. Фигаро сидѣлъ нахохлившійся и молчаливый. Ему было холодно и не по себѣ. А за окномъ падалъ мокрый талый снѣгъ и тутъ же, едва недостигая земли, превращался въ мутную грязную воду. Лужи стояли на улицахъ и панеляхъ. Съ крышъ текла вода. Извозчики, не смотря на середину Января, ѣздили на пролеткахъ.

И на душѣ у Зайки, неунывающей россіянки, какъ ее называлъ папа и «сверчка — немолчка» какъ въ веселыя минуту окрестилъ сестру Сережа, стало вдругъ безпричинно грустно.

И Фигарошка злой и Сережа злой и на улицѣ слякоть!—вслухъ произнесла дѣвочка унылымъ голосомъ и тихонько слѣзла съ кресла.

Въ сосѣдней столовой звенѣли ножи и вилки. Это горничная Катя накрывала на столъ. Зайка вспомнила что сегодня къ обѣду заказаны любимыя ея и Сережины трубочки съ шоколадной начинкой и это разомъ вернуло ей ея утерянное свѣтлое настроеніе.

— Трубочки съ шоколадомъ! Трубочки съ шоколадомъ! Запѣла она на голосъ Торреодора изъ оперы Карменъ, которую слышала на Рождествѣ въ Маріинскомъ театрѣ и помчалась подѣлиться этой пріятной новостью къ Сережѣ, выдѣлывая по дорогѣ такое замысловатое па, которое врядъ-ли могъ придумать какой-либо балетмейстеръ въ мірѣ...

II.

— Сережа, можно?

Молчаніе.

— Сергѣй отвори!

Опять ни звука.

— Ну, я вхожу!

И Зайка смѣло распахнувъ дверь, пулей влетаетъ въ комнату.

Странное зрѣлище приковываетъ ее къ мѣсту. Сережа ея тринадцатилѣтній серіезный и вполнѣ уровновѣшенный, какимъ его считаютъ окружающіе мальчикъ, ея „большой“ Сережа лежитъ поперекъ кровати, уткнувшись лицомъ въ бѣлое пикейное одѣяло и горько плачетъ. Сережа плачетъ! Это такъ же необычайно какъ если-бы ихъ бабушка Дарія Васильевна, уже болѣе года разбитая параличемъ, встала со своей постели и прошлась по комнатѣ...

Сначала Зайка не повѣрила даже своимъ глазамъ. Остановилась, какъ вкопанная посреди комнаты и смотритъ, смотритъ на Сережу, на его безнадежную позу поперекъ постели, на его вздрагивающія плечи.

Но вотъ до слуха Зайки долетаютъ странные звуки... Не то ручеекъ улькаетъ гдѣ-то, не то кто-то коротко и отрывисто вздыхаетъ... Никакихъ сомнѣній не остается болѣе въ душѣ дѣвочки. Она убѣдилась. Это не ручей и не вздохи. Это плачетъ Сережа.

Тогда точно что-то подталкиваетъ въ спину Зайку... и одновременно она ощущаетъ въ горлѣ какое-то непріятное щекотанье. Такъ ужъ это всегда. У Зайки всегда щекотитъ горло и въ глазахъ дѣлается «сыро», когда кто-либо плачетъ въ ея присутствіи. Она тихонько на цыпочкахъ возвращается къ двери, осторожно прикрываетъ ее и тогда только мелкими быстрыми шагами подбѣгаетъ къ Сережѣ, опускается такъ же ничкомъ подлѣ него на его постель и, обнявъ брата за плечи, шепчетъ ему близко придвинувъ къ его разгорѣвшемуся уху свою изумленно испуганную рожицу:

— Сереженекъ! Милка! О чемъ?

И замираетъ затаивъ дыханіе въ ожиданіи, отвѣта.

Сначала не слышно ничего новаго, только улканье и вздохи... Только плечи Сережи дѣлаютъ судорожное движеніе, какъ-бы силясь сбросить съ себя оцѣпившія ихъ руки Зайки.

Но руки не поддаются и плечи мгновенно успокоиваются... Зайка придвигается ближе и шепчетъ настойчивѣе.

— Скажи... Ей Богу! Честное слово скажи. Тебѣ легче будетъ...

Вздохи громче, длительнѣе... Улканье, же точно затихаетъ. Кудрявая, нѣсколько всклокоченная отъ лежанья ничкомъ, голова Сережи поднимается, и красные заплаканные съ вспухшими отъ слезъ вѣками

глаза обиженно скорбнымъ взглядомъ вскидываются на Зайку.

— Ты понимаешь... нуль... понимаешь?.. Велѣлъ перечислить всѣ дѣянія Карла Великаго, а я... я... спуталъ... и нуль... въ результатѣ нуль... срывается съ дрожащихъ губъ взволнованный лепетъ.

— Ты развѣ не зналъ? абсолютно ничего не отвѣтилъ? Сережа? А, Сережа?

Глаза Зайки дѣлаются круглыми, какъ у птицы... Щеки, лобъ, шея и даже кончикъ носа краснѣютъ...

— Немного зналъ и отвѣтилъ... То-то и дѣло. Коечто отвѣтилъ... Но перевралъ... Вѣдь пойми ты ради Господа, старый урокъ... Четыре мѣсяца тому назадъ учили... А онъ. . онъ... онъ... Тутъ голосъ Сережи упалъ до шопота, а глаза мгновенно наполнились новыми слезами. — А онъ, онъ... вдругъ... — Другому-бы говоритъ, — поставилъ двойку, а вамъ нуль... Такъ какъ къ первому ученику должны предъявляться и большія требованія, и оцѣнка другая... Людоѣдъ противный. Крыса историческая! Мерзость! ненавижу его ненавижу! неожиданно прорвался истерическими слезами Сережа и забился всѣмъ тѣломъ на пикейномъ одѣялѣ.

Зайка растерялась окончательно и было съ чего...

— Во-первыхъ у Сережи, лучшаго ученика и гордости класса—нуль, не пара и не колъ (и пару и колъ по мнѣнію Зайки переварить еще было можно, но нуль, о! это совсѣмъ иного рода дѣло!). Во-вторыхъ, Сережа, котораго ничто казалось не могло довести до слезъ,— плакалъ... И какъ еще жалобно, какъ горько!

По лицу самой Зайки потекли слезы. Но она ихъ

не замѣчала. Въ ея двѣнадцати-лѣтней головѣ зароились планы. Планы Сережинаго спасенія.

Вдругъ, слезы мгновенно высохли на розовыхъ щекахъ дѣвочки... Глаза заискрились. И сразу превратившись въ обычнаго сверчка - немолчка, Зайку — тараторку и застрекотала:

— Сережекъ,—душка, я придумала! Я придумала Сергѣйчикъ... Слушай: онъ тебѣ въ журналѣ поставилъ его... то есть нуль этотъ или въ свою книжечку. Не знаешь?

— Въ свою кни-и-жечку... Я видѣлъ... видѣлъ и классъ видѣлъ тоже... Зарукинъ заржалъ отъ удовольствія... Еще-бы теперь онъ, а не я первымъ ученикомъ по классу будетъ... Пони-ма-ешь?—протянулъ, всхлипывая Сережа.

— Ахъ, неправда... У Зарукина по русскому диктанту тройка! — всхорохорилась Зайка, отлично освѣдомленная объ успѣхахъ Сережинаго класса.

— А онъ все-таки будетъ... Его и крыса любитъ и инспекторъ и другіе... Онъ долбежка. По-ни-ма-ешь? За обѣдомъ съ книгой не разстается... Все зубритъ! Зубритъ. Противно, даже!

— Конечно противно!—поспѣшила согласиться Зайка. — А только не въ Зарукинѣ дѣло... Ты вотъ что: ты Сергѣй, вѣришь, что я тебя люблю?

И глаза Зайки впились съ выжидательнымъ выраженіемъ въ лицо брата.

— Ну? Въ съузившихся отъ слезъ зрачкахъ Сережи промелькнуло нѣчто, похожее на надежду.

— Ну?

— Сегодня пятница? вмѣсто отвѣта спросила Зайка.

— Ну?

— Завтра значитъ суббота. Въ субботу раздаютъ недѣльныя свѣдѣнія, мама увидитъ нуль и огорчится... Папа разсердится... и въ результатѣ насъ не возьмутъ въ циркъ въ воскресенье. Понимаешь?

— Ну?

— Ну и надо исправить нуль... Понимаешь? Въ субботу есть «исторія?»

— Есть? Ну?

— Прелестно! и сверчокъ-немолчокъ даже въ ладоши захлопалъ и запрыгалъ на мѣстѣ отъ удовольствія.—Прелестно! Ты сегодня же и выучишь всѣ дѣйствія Карла. А потомъ, понимаешь вечеромъ пойдешь къ «крысѣ» и попросишь его у тебя этотъ нуль вытравить? Понимаешь?

— Къ нему? Ни за что!.. Вотъ придумала!.. Мы его то и дѣло «разыгрываемъ» всѣмъ классомъ... Бенефисы ему закатываемъ ненавидимъ, а ты къ нему! Нечего сказать: придумала тоже! Совѣтчица!

Сережа какъ ошпаренный вскочилъ съ кровати. Слезы высохли на его лицѣ и недобрые огоньки загорѣлись въ глазахъ... Зайка, притихла на минуту... Но на одну минуту только... Въ слѣдующую-же она уже висѣла на шеѣ брата, сжимала ее своими тонкими рученками и твердила одну и туже фразу, каждую секунду чмокая своими пухлыми губками разгорѣвшіяся отъ слезъщеки Сережи.

— Сережекъ пойди, миленькій пойди... Выучи и пойди... А то смотри, сколько гадостей сразу выходитъ: позорный нуль, это разъ, первымъ ученикомъ въ эту четверть не будешь, это два, маму съ папой завтра огорчишь, это три, въ циркъ не возьмутъ, это

четыре. А тамъ Заоблачный принцъ, и клоуны, и дрессированныя свиньи, Сережа, а? Сережа!

Лицо у Зайки стало моляще умильнымъ, глазки съузились, губы сложились въ трубочку... и вся она стала похожей на какого-то чрезвычайно-милаго и потѣшнаго звѣрька.

Сережа, однако, избѣгалъ смотрѣть на сестру и угрюмо уставившись въ полъ глазами, молчалъ.

— Сереженька? Такъ какъ же на счетъ цирка, а?—просящимъ тономъ протянула Зайка.

— Одни поѣдете! Велика важность... Меня накажутъ!—буркнулъ сердито Сережа.

Зайка вздрогнула и горделиво вскинула свою хорошенькую мордочку на брата.

— Пожалуйста, не оскорбляйте меня Сергѣй Сергѣевичъ!—произнесла она ледянымъ тономъ.—Вы можете думать что вамъ угодно, но я «изъ принципа» не поѣду смотрѣть на Заоблачнаго принца, если васъ, моего брата накажутъ, — и пожавъ плечиками, не взглянувъ даже на Сережу, она съ достоинствомъ вышла изъ комнаты, сильнѣе, чѣмъ слѣдовало-бы хлопнувъ дверью.

Сережа остался одинъ.

III.

— Изъ „принципа“! Ишь тоже слово выудила — дѣвченка! — ворчливо произнесъ онъ и презрительно свистнулъ. — Дѣвченка, а тоже, подумаешь! Какіе-то еще принципы завелись!—Онъ засунулъ руки въ карманы и прошелся по комнатѣ.

Движеніе нѣсколько успокоило Сережу.

— Собственно говоря, Зайка, придумала не дурно,—уже въ слѣдующую же минуту размышлялъ онъ,—вообще сверчокъ-немолчокъ вовсе ужъ не такая дѣвченка, какъ всѣ остальныя, а что она держится моихъ принциповъ, это и совсѣмъ хорошо! Попробовать, развѣ, послѣдовать ея примѣру? а! Конечно визитъ къ Крысѣ совсѣмъ непріятенъ, но нуль въ недѣльныхъ свѣдѣніяхъ еще хуже, а остаться безъ цирка и вовсе скверно! Просить же о выправкѣ нуля передъ началомъ урока не удастся. Классный наставникъ всегда торчитъ на лицо да и товарищи засмѣютъ, скажутъ: Сергѣй Воротынцевъ запросилъ пардону. Нѣтъ, ужъ лучше рискнуть сходить къ Крысѣ. Вѣдь не откуситъ же мнѣ онъ носа въ самомъ дѣлѣ, а теперь выдолбить все начисто необходимо! Да!

И покончивъ мысленно на этомъ рѣшеніи, Сережа бодро взялся за учебникъ исторіи и погрузился въ изученіе Карла и его великихъ предприниманій. . . .

. . . . . .

— Сергѣй Сергѣевичъ, кушать пожалуйте!

И румяная Катя широко распахнувъ дверь Сережиной комнаты, предстала на ея порогѣ.

Сережа точно проснулся. Карлъ Великій словно околдовалъ его. Цѣлые три часа времени мальчикъ не отрывалъ глазъ отъ мелкаго шрифта учебника исторіи и незамѣтно для себя успѣлъ повторить десятка два страницъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Собственно говоря, теперь Сережѣ стало совсѣмъ непонятнымъ, какъ онъ могъ получить нуль за эти самыя, такъ славно уложившіяся въ мозгу его, страницы.

— А... просто придрался Крыса... Или я перепу-

талъ самъ факты—четыре мѣсяца назадъ учили... Ошибиться и немудрено! — размышляетъ Сережа, наскоро уничтожая у рукомойника послѣдніе слѣды слезъ съ лица.

Въ столовой всѣ уже были въ сборѣ. Мама сидѣла на своемъ обычномъ предсѣдательскомъ мѣстѣ и разливала супъ. Направо отъ нея помѣстился папа, налѣво Вѣра, старшая сестра Сережи и Зайки, въ этомъ году окончившая гимназію, ту же самую гимназію, гдѣ училась теперь Зайка и ужасно, по мнѣнію младшихъ членовъ семейства, задиравшая передъ ними носъ по этому случаю. Зайка сидѣла подлѣ отца, катала хлѣбные шарики и дѣлала видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на вошедшаго Сережу.

Послѣдній, не торопясь обошелъ всѣхъ сидящихъ за столомъ (утромъ Сережа кромѣ Зайки не видѣлъ своихъ, такъ какъ вставалъ раньше всѣхъ и уходилъ въ гимназію). Поцѣловавъ руку матери, прижался къ обросшей густой бородою щекѣ отца, потомъ ткнулся носомъ въ высокую модную прическу Вѣры, что должно было означать братскій поцѣлуй, и помѣстился со смущеннымъ видомъ передъ своимъ приборомъ. Сердце его билось какъ пойманная птица. Глаза избѣгали встрѣчаться съ глазами родителей.

Ему все казалось, что отецъ или мать непремѣнно спросятъ его сейчасъ, не получалъ-ли онъ сегодня какихъ-либо новыхъ отмѣтокъ, и тогда ему, Сережѣ, придется волей-неволей сообщить о злополучномъ нулѣ. Это была пытка, мѣшавшая сосредоточиться на обѣдѣ. лишавшая аппетита, угнетавшая все существо мальчика,

Первый ученикъ, гордость класса и вдругъ—нуль!

Не пара и не колъ даже, а нуль, самый зловѣщій и отвратительный, какой только можетъ найтись въ ученическомъ обиходѣ!

Сережа зналъ, что лишь только обнаружится истина о нулѣ, мама огорчится до слезъ, а отецъ разсердится и накажетъ его безъ цирка, какъ въ прошломъ году наказалъ безъ дѣтскаго вечера Зайку за то, что она принесла пару въ четверти по нѣмецкому языку. Ихъ семья была далеко не богата. Отецъ трудился съ утра до вечера, работая въ Губернской управѣ, и требовалъ такого же добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и со стороны дѣтей. Каждую дурную отмѣтку онъ приписывалъ лѣни и строго каралъ за нее. И сейчасъ Сережа ожидалъ грознаго выговора, въ случаѣ если бы исторія нуля обнаружилась за обѣдомъ...

Мама замѣтила ненормальное состояніе духа своего любимца и бросала то и дѣло на Сережу тревожно-вопрошающіе взгляды.

Вотъ вотъ, казалось Сережѣ, она спроситъ меня сейчасъ... и придется признаться... Пронеси, Господи! И будь что будетъ, сейчасъ же послѣ обѣда пойду къ Крысѣ! Лишь-бы, только скорѣе встали изъ-за стола!

Судьба, наконецъ сжалилась надъ мальчикомъ. Обѣдъ кончился. Всѣ съ шумомъ отодвинули стулья и встали изъ-за стола.

— Сережекъ, что съ тобою? — поймавъ сына въ дверяхъ за рукавъ курточки,—спросила мама.

Мальчикъ вспыхнулъ. Что-то сдавило ему горло и все лицо стало вдругъ краснымъ какъ кумачъ. Онъ собирался уже отвѣтить матери, любовно приглажи-

вавшей его короткіе кудри, какъ передъ ними точно изъ подъ земли выросла Зайка.

— Мамочка, не спрашивай Сережу... Это я виновата что онъ такой. Мы поссорились немного! краснѣя въ свою очередь и потупляя глазки не умѣвшіе лгать, прострекоталъ сверчокъ - немолчокъ, наскоро ткнувъ губенками большую нѣжную руку матери.

Потомъ, черные глазенки проворно метнулись на Сережу, а маленькая лапка сжала его пальцы.

— Мнѣ надо говорить съ тобою,—услышалъ мальчикъ чуть внятный лепетъ сестры,—иди на «наше мѣсто». Нашимъ мѣстомъ на языкѣ дѣтей Воротынцевыхъ назывался темный уголъ коридора между большимъ чернымъ гардеробомъ и старымъ полуразвалившимся книжнымъ шкапомъ, который служилъ теперь за своей древностью, для сбереженія въ немъ всякаго стараго хлама. Это и былъ уголокъ, мѣсто совѣщаній молодого персонала семьи.

Нечего и говорить, что черезъ двѣ минуты Сережа съ Зайкой сидѣли уже на одномъ табуретѣ втиснутомъ между шкапами и перебивая другъ друга тихо совѣщались, позабывъ о недавней ссорѣ.

— Я рѣшилъ идти къ Крысѣ... Не оставаться же при нулѣ... И потомъ завтра какъ потребуетъ свѣдѣнія—скандалъ! говорилъ Сережа, нервно обдирая обои со стѣны, чуть отставшія около шкаповъ.

— Ну, конечно! Ну, конечно! Ступай конечно, ступай!—заволновалась и обрадовалась Зайка.

— Ахъ, какъ это тяжело и непріятно! — смущенно теребя свои короткіе кудри лепеталъ Сережа и вдругъ неожиданно горячо, обнялъ сестру.

— Спасибо, голубушка! Выручила... Я-бы никакъ не могъ соврать... и не подвернись ты... — произнесъ онъ такъ крѣпко сжимая хрупкіе пальчики Зайки, что та чуть не закричала отъ боли...

— Ну, ладно, ладно! Ступай себѣ къ Крысѣ, потомъ расквитаемся!—зачирикала снова Зайка и схвативъ брата за руку помчалась съ нимъ въ прихожую гдѣ находилось Сережино верхнее платье и фуражка.

Быстро сдернувъ съ вѣшалки форменное гимназическое пальто брата, Зайка сама надѣла его на плечи Сережи, помогла брату застегнуться и нахлобучивъ на его голову фуражку, бросилась къ двери и широко распахнула ее передъ нимъ.

— Ну, съ Богомъ! Ради Господа иди и возвращайся скорѣе... А главное не робѣй!—перекрестивъ въ слѣдъ брата, крикнула она высовываясь на лѣстницу. Сережа только головой кивнулъ и помчался внизъ, прыгая черезъ нѣсколько ступеней сразу.

На душѣ его было смутно. Непріятное ощущеніе ожиданія предстоящаго объясненія ложилось осадкомъ на сердце.

IV.

Мокрый снѣгъ, слякоть, лужи на улицѣ, брызги и комки грязи, летѣвшія то и дѣло изъ подъ колесъ пролетокъ—все это далеко не способствовало разсѣянію тяжелыхъ мыслей въ головѣ Сережи.

Попрежнему было тоскливо и смутно на душѣ. Въ воображеніи мальчика то и дѣло поднималась пережитая картина.

Стр. 112.

Сегодняшній урокъ исторіи... Сердитое лицо Людоѣда-Крысы, какъ его окрестили ученики, или вѣрнѣе Аникія Аникіевича Хрущова, преподавателя исторіи, и онъ—Сережа, стоящій у доски посреди класса съ растеряннымъ видомъ, путающій факты славныхъ дѣяній Карла Великаго съ глупой улыбкой на лицѣ.

— И кто его зналъ, что онъ по всему курсу гонять будетъ!—ожесточенной мыслью проносится въ головѣ Сережи.—Вѣдь на это репетиціи полагаются... а онъ выдумалъ старое ворошить! Нѣтъ, просто придрался къ случаю «забить» лучшаго ученика. Гадость какая! И самъ-то онъ гадость! Людоѣдъ! Придира, формалистъ противный! И кто его у насъ любитъ? Никто! Никто! Развѣ Зарукинъ одинъ и тотъ подлизывается, чтобы только какъ-нибудь въ первые ученики пробраться. Не пойду къ нему! Вернусь домой! Вотъи все!

И Сережа, волнуясь, все больше и больше съ каждой минутой, уже готовъ былъ повернуть назадъ къ дому, какъ передъ нимъ выплыла непріятная перспектива завтрашняго выговора отца, грустное лицо матери, наказаніе безъ цирка, который представлялся ему, Сережѣ, никогда еще не видѣвшему никакихъ театральныхъ представленій, чѣмъ-то въ родѣ воплощенной волшебной сказки, чудомъ изобрѣтательности и искусства. И онъ поколебался невольно... Нѣтъ, нѣтъ! Слишкомъ тяжело все это! Лучше пойти на-домъ къ Крысѣ и упросить учителя проэкзаменовать завтра же на урокѣ его—Сережу и зачеркнуть злополучный нуль...

Бррръ! Тоже далеко не радостная перспектива. Въ

воображеніи Сережи выросъ непріятный образъ Аникія Аникіевича.

Небольшого роста, съ острымъ выдающимся лицомъ, въ которомъ дѣйствительно было что-то крысье, съ маленькими, очень пристальными, зоркими глазками, съ гладко выбритыми щеками и въ новенькомъ съ «иголочки» форменномъ вицмундирѣ, историкъ Хрущовъ производилъ подавляющее впечатлѣніе на учениковъ Н—ской гимназіи. Это былъ строгій, взыскательный человѣкъ, чуждый гуманности и далекій поблажекъ. Въ немъ все было такъ казенно, дисциплинарно и строго-педантично. Учениковъ онъ заставлялъ слушать на его урокахъ, поминутно окликивая невнимательныхъ и разсѣянныхъ и ставя плохія отмѣтки тѣмъ, кто не могъ повторить его послѣднихъ словъ. И хорошіе и дурные ученики были у него на одинаково нелестномъ счету, такъ какъ, отъ времени до времени, онъ вызывалъ неожиданно того или другого и немилосердно гонялъ, по выраженію гимназистовъ, по всему курсу.

За это-то послѣднее больше всего и ненавидѣли Хрущова, и то и дѣло «разыгрывали» его, то-есть, всячески изводили въ классѣ. Про историка между гимназистами сложилась легенда, что онъ не снимаетъ своего мундира даже ночью, предпочитая пользоваться сномъ во всеоружіи своего учительскаго величія и что домашніе Хрущова не смѣютъ произнести ни слова, а въ его квартирѣ, изъ боязни хозяина дома ходятъ всѣ на цыпочкахъ и жена и дѣти и прислуга, и при этомъ, чтобы не шумѣть, въ мягкихъ туфляхъ. Обязательно въ мягкихъ туфляхъ...

Вотъ, къ какому человѣку шелъ Сережа Воротынцевъ въ этотъ ненастный, промозглый январьскій вечеръ.

V.

— Аникій Аникіевичъ дома? Доложите ему пожалуйста, что третьеклассникъ Сергѣй Воротынцевъ очень проситъ принять его по дѣлу,—не безъ дрожи въ голосѣ произнесъ Сережа на вопросъ горничной, освѣдомившейся о причинѣ его прихода.

Въ прихожей, куда прислуга ввела мальчика вѣшалки были наполнены съ верху до низу всевозможнымъ дѣтскимъ платьемъ: пальто, башлыками, шапочками и капорами всѣхъ цвѣтовъ и фасоновъ.

— Господи! Да неужели же у нашей Крысы столько ребятъ? — изумился Сережа, дрожащими руками растегивая пуговицы пальто. И какъ бы въ подтвержденіе его словъ изъ сосѣдней съ прихожей комнаты послышался веселый взрывъ шумнаго ребяческаго смѣха. Почти вслѣдъ за этимъ дверь широко распахнулась и на порогѣ ея показалась прелестная, голубоглазая дѣвочка лѣтъ десяти, въ бѣломъ платьѣ, съ розовымъ поясомъ вокругъ таліи, съ коротенькими ажурными чулочками и открытыми бѣлыми же туфлями, изъ которыхъ выглядывали ея полныя крѣпкія розовыя ноженки.

— Пришелъ! Пришелъ! Еще гость пришелъ,—весело взвизгнула дѣвочка и, тряхнувъ бѣлокурыми локонами, спускавшимися ей на лобъ, открытую шейку и плечи, подбѣжала къ совершенно опѣшившему отъ изумленія Сережѣ, схватила его за руку и потащила

въ сосѣднюю комнату, откуда неслись звонкіе дѣтскіе возгласы и веселый беззаботный смѣхъ.

Яркій свѣтъ отъ зажженной подъ потолкомъ небольшой люстры, бѣлыя, розовыя, голубыя и темныя фигуры все это въ первую минуту точно ослѣпило Сережу, заставивъ его отступить невольно назадъ къ дверямъ. Въ углу большой уютно, но скромно обставленной гостиной сидѣло нѣсколько человѣкъ гостей, мужчинъ и дамъ, а посреди комнаты возилось и прыгало десятка полтора дѣтей возрастомъ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ. Нарядно одѣтыя дѣвочки и мальчики съ веселыми возгласами играли въ кошки-мышки въ ту минуту когда спутница Сережи почти насильно втащила его сюда.

— Вотъ рекомендую. Новый гость! А зовутъ... Какъ васъ зовутъ?—обратилась бѣлокурая дѣвочка къ Сережѣ, ласково глядя на него ясными, голубыми какъ незабудки, глазами.

Сережа хотѣлъ отвѣтить, что онъ вовсе не гость и пришелъ по дѣлу къ господину Хрущову, и что ему надо домой, но вмѣсто всего этого, могъ только произнести мучительно краснѣя:

— Меня зовутъ Сережей—и неуклюже щелкнулъ каблуками, мотнувъ головой по тому направленію, гдѣ сидѣли «большіе».

— Ахъ, вотъ отлично! Моего брата тоже зовутъ Сережей. Бутузъ! Бутузъ! Иди скорѣе! Я познакомлю тебя съ твоимъ тезкой! кричала звонкимъ голосомъ бѣлокурая дѣвочка не выпуская руки Сережи изъ своихъ цѣпкихъ тоненькихъ пальчиковъ. И какъ-бы по-щучьему велѣнію передъ ними очутился призабавный

мальчуганъ лѣтъ одиннадцати, толстый, пухлый, какъ сдобная булка съ отдувающимися розовыми щеками.

— Здравствуй! безъ всякихъ обиняковъ, произнесъ толстый мальчуганъ и прежде нежели это могъ предвидѣть Сережа, поднялся на цыпочки и обнявъ его за шею своими пухлыми рученками, звонко чмокнулъ въ самыя губы.

— Ха, ха, ха, ха! — залилась дѣвочка, а за нею и всѣ, присутствующіе въ залѣ,—вотъ такъ Бутузъ!

— Ну, а теперь становитесь въ кругъ, Сережа, скомандовала она голосомъ, не допускающимъ возраженій. Видите, Варя Снитская, вонъ та черненькая дѣвочка въ голубомъ,—мышка, а Алеша Данцевъ—кошка... Не, пропускайте-же кошку въ кругъ... Разъ! Два! Три! Варя бѣги!

Варя побѣжала. Алеша помчался за нею. Въ глазахъ Сережи замелькало, зарябило отъ голубыхъ, розовыхъ и пестрыхъ платьевъ. Игра разгоралась. Алешѣ удалось догнать Варю, догонялъ кого-то изъ дѣтей Сережу, потомъ бѣлокурая хозяйка снова крѣпко схватила его за руку съ одной стороны, съ другой вцѣпился въ его пальцы Бутузъ ея братишка. Сережа узналъ, что маленькую хозяйку звали Лялей. Она была очень мила, и обладала такимъ звонкимъ смѣхомъ, отъ котораго по-неволѣ становилась весело на душѣ. Сережа успѣлъ также узнать, что сегодня Ляля имянинница и что ради такого параднаго случая ей сшили это бѣлое платье, подарили настоящую кукольную кухню и пригласили всѣхъ ея сверстниковъ и подругъ. Не успѣлъ Сережа дослушать всѣ эти знаменательныя вещи, какъ онъ снова очу-

тился въ центрѣ круга, изображая кошку, а передъ нимъ прыгала и била въ ладоши тоже бѣлокурая Ляля звонко смѣясь и крича:

— Ну скорѣе! Ну скорѣе-же! Догоняйте меня!

Сережа совершенно позабылъ въ эту минуту, что онъ «почти взрослый классикъ» и съ увлеченіемъ предался игрѣ. Ловилъ бѣлокурую Лялю, черненькую Варю, Бутуза, потомъ еще какихъ-то тоненькихъ мальчиковъ въ матросскихъ костюмахъ и бѣгалъ, бѣгалъ безъ конца, какъ молодая лошадь, почуявшая себя на свободѣ.

VII.

— Однако вы совсѣмъ замучили молодого человѣка, а ни чаемъ ни диссертомъ не угостили, — послышался знакомый, о черезъ чуръ знакомый голосъ за Сережиными плечами, и мальчика словно варомъ обдало съ головы до ногъ.

Передъ нимъ стоялъ Аникій Аникіевичъ Хрущовъ, Людоѣдъ и Крыса, но не въ обычномъ вицмундирѣ, а въ какой-то черненькой разлетайкѣ и въ бѣломъ жилетѣ. Въ первую минуту Сережѣ показалось даже, что это и не Крыса вовсе, а его младшій братъ, болѣе молодой, и привѣтливый.

Лицо Хрущова ласково улыбалось такой теплой и простодушной улыбкой, какой Сережѣ никогда еще не приходилось видѣть у него въ классѣ. Обычно гладко причесанные волосы теперь чуть-чуть растрепались и придавали лицу, немного красному, нѣсколько забавный видъ. Всегда сухо-оффиціально, подозрительно бѣгающій по партамъ взглядъ, сейчасъ сіялъ мягкимъ радостнымъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ исходя-

щій изъ глазъ разливался по всему лицу, такому не похожему на прежнее лицо строгаго и взыскательнаго педагога.

— Ну-съ, молодой человѣкъ, — началъ историкъ, кладя руку на плечо Сережи, — если моя вѣтрогонка, — тутъ онъ бросилъ лукаво-подмигивающій взглядъ на бѣлокурую Лялю,—не догадалась угостить васъ хорошенько,—сдѣлаю это я! Пойдемте!

И онъ дружески обвивъ рукою плечи Сережи, повелъ его было къ двери, какъ бѣлокурая дѣвочка весело взвизгнула, подпрыгнула и повисла у него на шеѣ.

— Папка! Папка! Не смѣй уходить! Не пущу... Ты долженъ играть съ нами въ кошку-мышку,—звенѣлъ заливчато на всю квартиру ея серебристый голосокъ.

— Долженъ! Долженъ! Дядя Аника долженъ! — присоединились къ голосу Ляли со смѣхомъ и остальные звонкіе дѣтскіе голоса.

И тутъ случилось такое неожиданное изъ ряда вонъ выходящее событіе, что Сережа даже поспѣшилъ протереть себѣ глаза, чтобы убѣдиться не грезитъ-ли онъ въ данную минуту.

Хрущовъ испустилъ тоненькимъ голосомъ умышленно писклявый крикъ и бросился въ кругъ, смѣшно растопыривъ руки. Маленькая дѣвочка, изображавшая только-что до этого мышку метнулась съ веселымъ визгомъ отъ него въ сторону. Дѣти схватились за руки и... пошла потѣха.

Сережа, превратившійся въ настоящую статую удивленія стоялъ и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами, какъ пыхтя и отдуваясь съ призабавно вытянутыми впередъ руками, историкъ то выбѣгалъ изъ

круга, то бросался въ него обратно, поминутно хватая пустое пространство вмѣсто живой, какъ ртуть «мышки». Потомъ случилось нѣчто еще болѣе несообразное. Бѣгалъ мышкой самъ Аникій Аникіевичъ, а преслѣдовалъ его въ качествѣ кошки Сережа.

И Аникій Аникіевичъ такъ потѣшно подпрыгивалъ и присѣдалъ, каждый разъ, что Сережа протягивалъ къ нему руки—желая схватить его...

Все происходившее казалось положительнымъ сномъ Воротынцеву.

— И что было удивительнѣе всего, это то, что мальчикъ чувствовалъ себя прекрасно въ такой необычайно странной обстановкѣ и съ каждой минутой привыкалъ все больше и больше къ новому, словно преобразившемуся историку, точно это и не былъ Людоѣдъ-Крыса, а такой же товарищъ-классикъ, съ которымъ было привесело провести нѣсколько часовъ.

VIII.

— Ну, баста! Уморили старика! Молодой чаловѣкъ пойдемте за мною. Вы что любите больше, груши или мандарины? А?

И отдуваясь и обмахивая лицо платкомъ, Хрущовъ подхватилъ подъ руку Сережу и повелъ его въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ обильно уставленный фруктами, конфектами, всякимъ вареньемъ и печеньемъ, чайный столъ.

— Такъ мандаринъ или грушу? А по моему и то и другое... А?—ласково похлопывая по плечу мальчика, говорилъ учитель усаживая Сережу на концѣ стола и накладывая ему на тарелку фруктовъ и конфектъ изъ

двухъ стоящихъ хрустальныхъ вазъ на тоненькихъ ножкахъ.

— Да, что бишь я? А чаю хотите? засуетился Аникій Аникіевичъ и мелкими шажками засеменилъ къ самовару.

— Благодарю васъ, чаю мнѣ не хочется, — произнесъ Сережа, берясь за мандаринъ и вдругъ вспомнилъ о нулѣ и цѣли своего прихода.

Глаза его безпокойно покосились на раскрытую дверь, сквозь которую смѣло врывались веселыя волны дѣтскаго смѣха, лицо его стало малиновымъ отъ смущенія и заикаясь онъ произнесъ:

— Собственно говоря... я къ вамъ Аникій Аникіевичъ по дѣлу... Простите, пожалуйста, что такъ незвано-непрошено... въ такой день... Ей Богу, мнѣ очень совѣстно, но... но... Я Карла Великаго хорошо повторилъ... Аникій Аникіевичъ, и завтра на урокѣ... пожалуйста меня спросите... Мнѣ нуль выправить необходимо, Аникій Аникіевичъ... Ей Богу... Я... я... и окончательно запутавшись, Сережа смущенный замолчалъ.

Молчалъ и учитель... И опять Сережѣ показалось, что это не Людоѣдъ-Хрущовъ, а его младшій и очень добрый братъ, сидитъ противъ него и ласково поглядываетъ на него ободряющими глазами. А все же чрезвычайно длинной показалась эта минута молчанія мальчику и онъ былъ радъ радехонекъ, когда Хрущовъ снова прервалъ ее:

— Вы, Воротынцевъ, прилежный ученикъ и хорошій мальчикъ,—произнесъ ласково учитель,—и вѣрьте мнѣ было куда больнѣе ставить этотъ злополучный нуль, нежели вамъ получать его. Но для лучшаго уче-

ника и большія требованія, понимаете-ли другъ мой... Если вы лучшій изъ класса можете мнѣ такъ дурно отвѣтить, то что же я могу требовать отъ Иваненко или Пахомова, послѣднихъ учениковъ? А теперь, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, перечислите-ка мнѣ чѣмъ были славны времена правленія Великаго-Карла? А?

И, разомъ теряя, при этой фразѣ весь свой добродушно ласковый видъ, Аникій Аникіевичъ превратился, словно по щучьему велѣнью, въ того самаго строго-взыскательнаго «Людоѣда» и «Крысу» который безжалостно «рѣзалъ» въ классѣ нерадивыхъ учениковъ.

Веселыя кошки-мышки, груши и мандарины, конфекты въ вазѣ и чайный приборъ все это какъ то отодвинулось въ слѣдовавшую за этимъ минуту отъ Сережи, онъ по привычкѣ отвѣчать стоя въ классѣ, быстро вскочилъ со своего мѣста и опустивъ руки по швамъ сталъ четкимъ яснымъ голосомъ передавать пройденныя имъ сегодня страницы. Гладко, ровно лилось его нѣсколько взволнованное повѣствованіе, а глаза не отрывались отъ лица учителя, на которомъ воцарилось теперь окончательно его обычно - строгое и казенно-оффиціальное выраженіе. Но вотъ кончилъ Сережа. Разомъ слетѣло «казенное» выраженіе съ лица Хрущова и прежнимъ ласковымъ тономъ онъ обратился къ мальчику.

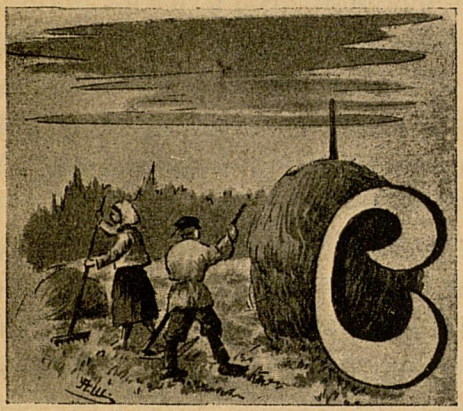
— Молодецъ! Прекрасно! Можете спать спокойно сегодня. Нуля у васъ больше нѣтъ. А теперь полакомтесь хорошенько и айда въ залу... Плясать будемъ — такъ и быть ужъ и я сегодня, тряхну стариной, потѣшу мою Ляльку!.. Небось удивляетъ васъ это

молодой человѣкъ, а? Въ гимназіи сычъ-сычомъ безжалостный истуканъ, не терпящій холатнаго отношенія къ дѣлу, а здѣсь дома и смѣхъ и шутки... Ничего не подѣлаешь, такой ужъ я есть.... Дѣло дѣломъ, шутка шуткой. Каждому свое время... А снисходительнымъ къ ученикамъ не былъ и не буду. Самъ прошелъ суровую школу, знаю какъ много значитъ серьезное отношеніе къ труду и желаю видѣть своихъ учениковъ дѣльнымъ молодымъ народомъ, умѣющимъ трудиться. Я знаю меня не любятъ, больше даже, ненавидятъ... Но за то я исполняю мой долгъ, ни на минуту меня не покидаетъ сознаніе въ томъ, что такъ надо поступать и что вы же всѣ впослѣдствіи будете меня горячо благодарить за это. Вотъ почему не спускаю лѣни и нерадивости, понимаете вы меня? — заключилъ свою рѣчь вопросомъ учитель.

Сережа уже давно понялъ Хрущова и гдѣ-то глубоко въ душѣ у него уже шевелилось чувство раскаянія, въ томъ, что его товарищи не имѣютъ случая точно также понять ненавистнаго имъ человѣка. И тутъ же мальчикъ рѣшилъ разсказать классу про все видѣнное и слышанное имъ сегодня, а пока... пока онъ горячо поблагодарилъ учителя за обѣщаніе выправить его дурную отмѣтку.

Былъ двѣнадцатый часъ ночи, когда Сережа возвращался домой отъ Хрущовыхъ. Улицы ихъ провинціальнаго города были уже пустынны, обыватели давно спали. Легкій морозецъ прихватилъ къ ночи и лужи затянуло ледкомъ, на зимнемъ небѣ играли золотыя звѣздочки, которыми такъ любилъ восхищаться съ дѣтства Сережа. Дома всѣ спали... Одна только

Зайка свернувшись калачикомъ на постелѣ, лежала съ открытыми глазами и ждала Сережу. Прежде нежели лечь спать, мальчикъ зашелъ къ сестрѣ и долго еще въ «дѣтской», какъ звали всѣ домашніе Зайкину спаленку, слышался прерывистый шопотъ Сережи, съ восхищеніемъ разсказывающаго сестрѣ о «новомъ» «домашнемъ» Хрущовѣ, котораго онъ Сережа поклялся глубоко уважать съ этихъ поръ...



Заоблачный принцъ.

I.

Ъ того дня какъ въ провинціальномъ городѣ Н—скѣ появился циркъ Муранова, не находилось ни одной семьи, гдѣ-бы ни говорилось о немъ. Было-ли это вслѣдствіе полнаго отсутствія какихъ бы то ни было зрѣлищъ въ Н—скѣ, или въ памяти его обывателей жило еще воспоминаніе о прежнихъ пріѣздахъ цирка, но каждый отецъ семейства спѣшилъ запастись билетомъ на представленіе въ кассѣ для себя и для своихъ домашнихъ.

Въ домѣ члена губернской управы Сергѣя Николаевича Воротынцева тоже ревностно готовились къ посѣщенію цирка чуть-ли не за цѣлую недѣлю. Ради

такого экстраординарнаго случая, были вынуты изъ сундука парадныя розовыя платья барышень, сшитыя прошлой весной къ причастію, а Сережа Воротынцевъ, находившійся на положеніи почти взрослаго тринадцатилѣтняго классика поторопился отдать реставрировать портному свой гимназическій мундиръ, и еще задолго до знаменательнаго вечера просилъ горничную Катю хорошенько почистить бензиномъ его замшевыя перчатки. Семнадцатилѣтняя Вѣра перемѣнила за недѣлю чуть-ли не съ полдюжины причесокъ, не рѣшаясь на которой изъ нихъ остановиться ради такого выходящаго изъ ряда вонъ, какъ посѣщеніе цирка, случая. Черноглазая бойкая дѣвочка Зайка, болѣе извѣстная подъ прозвищемъ Сверчка-Немолчка въ кругу домашнихъ, вертѣлась и суетилась больше другихъ.

Она даже говорящаго попугая Фигаро доставшагося имъ съ братомъ въ подарокъ отъ крестной, выучила говорить на скорую руку: „А къ намъ въ городъ циркъ пріѣхалъ“ и была въ полномъ отчаяніи когда вмѣсто знаменательныхъ словъ, глупый попугай кричалъ во всю силу своего птичьяго горла:

— Пошли вонъ, вы мнѣ надоѣли!

Всѣ ждали воскресенья и сильно негодовали на то, что время тянется слишкомъ долго. Наконецъ наступило и воскресенье. Пообѣдали въ шесть часовъ, по обыкновенію и стали собираться. Катя окончательно сбилась съ ногъ, помогая барышнямъ одѣваться. Съ серіезной „большой“ Вѣрой на бѣду еще случилось несчастье! Желая завить маленькій клокъ надо лбомъ, она прошла горячими щипцами по виску и сожгла порядочно таки кожу. Кое какъ удалось прикрыть

деффектъ волосами, успокоить Вѣру горько сѣтовавшую на свое „уродство“, нарядить барышень въ ихъ розовыя платья, затянуть Сережу въ мундиръ, изъ котораго онъ, къ слову сказать, порядочно выросъ, и всѣ волнуясь, и торопя другъ друга накинули верхнее платье и отправились въ циркъ, находившійся въ пяти минутахъ ходьбы отъ дома, гдѣ жили Воротынцевы.

II

Первый шагъ—первое разочарованіе. Провіантскіе городскіе сараи, приспособленные испоконъ вѣковъ для всякаго рода развлеченія и зрѣлищъ, были точно сквозные. Въ нихъ дуло отовсюда: и отъ стѣнъ, и отъ дверей, и отъ земляного пола, усыпаннаго желтымъ пескомъ. О томъ чтобы снять верхнее платье, не могло быть и рѣчи.

И нарядныя розовыя изъ муслина платья никакъ нельзя было къ полной досадѣ барышень показать публикѣ. Сидѣли въ шубахъ. На сценѣ барахтались клоуны, награждая другъ друга пощечинами и отпуская плоскія остроты. Публика жидко смѣялась, оркестръ игралъ что-то очень шумное и веселое. Но вотъ, вдоволь накривлявшись, клоуны скрылись съ арены, причемъ одинъ унесъ на плечахъ другого. На смѣну имъ вышелъ раскланиваясь, господинъ въ черномъ фракѣ съ огромнымъ бѣлымъ вырѣзомъ на груди и высокомъ, какъ ведро, цилиндрѣ. Любезно оскаливая передъ публикой свои большіе бѣлые зубы, господинъ запустилъ руку въ карманъ и вытащилъ оттуда крошечную собаченку наряженную какъ кукла

въ голубое платье и такой же капоръ. Потомъ вынулъ изъ за пазухи обезьянку чрезвычайно миніатюрной породы въ ярко красномъ халатикѣ, какіе носятъ обыкновенно маленькіе дѣти. Собаченка схватила обезьянку лапками поперекъ спины, обезьянка положила въ свою очередь лапки на спину собаченки и обѣ закружились по аренѣ подъ звуки стариннаго вальса, исполняемаго оркестромъ. Потомъ, собаченка стрѣляла изъ игрушечнаго пистолета, а обезьянка падала на песокъ. Приходилъ докторъ, огромный черный пудель въ очкахъ, котелкѣ и пестромъ фракѣ. Выслушивалъ раненую и давалъ ей лекарство.

Прибѣгали съ лаемъ смѣшныя кудлатыя болонки и гладкія гончія. Пріѣзжалъ высокій кэбъ-игрушка, запряженный сенъ-бернаромъ, за кучера сидѣлъ огромный догъ—суровый и строгій какъ очень важный баринъ. Кэбъ объѣзжалъ арену, собаченки кружились между его колесами, прыгали черезъ козла, проползали между ногами коня сенъ-бернара. Затѣмъ скакали черезъ обручи, и другія препятствія подъ неумолчные аплодисменты публики и музыку оркестра.

Но вотъ убрали дрессированныхъ животныхъ со сцены. На смѣну имъ вылетѣла на бѣлой лошади хорошенькая наѣзднича съ рыжей прической и стала плясать въ сѣдлѣ какой-то головокружительный по быстротѣ и ловкости танецъ. Зайка не сводила съ исполнительницы головокружительнаго танца, разгорѣвшихся отъ удовольствія и любопытства глазъ, и очень опечалилась, когда миссъ Кэтъ (такъ звали наѣзднicу), такъ же быстро скрылась какъ и появилась

разсылая публикѣ воздушные поцѣлуи, своей быстрой маленькой рукой.

Новое отдѣленіе... Новые клоуны... Новые наѣздники... Дрессированная лошадь и коза... И опять антрактъ, чтобы дать время служителямъ установить лѣстницу, повѣсить трапеціи и растянуть сѣтку. Сейчасъ долженъ былъ начаться самый важный и интересный номеръ представленія „гвоздь вечера“ какъ о немъ гласили афиши... Въ антрактъ Сережа успѣлъ сбѣгать въ конюшню цирка и посмотрѣть лошадей.

Зайка тоже запросилась было съ братомъ. Но Вѣра, корчившая изъ себя взрослую, презрительно пожала плечами, на просьбу сестры, процѣдивъ сквозь зубы:

— Ну, вотъ еще! Что тамъ хорошаго? Удивительно, право. Навозомъ пахнетъ... Голова разболится. Я-бы низачто не пошла, хоть озолотите—противно!

И Зайкѣ ничего не оставалось больше, какъ покориться необходимости и признать справедливыми слова старшей сестры. Зайка вообще старалась, по мѣрѣ силъ и возможности, во всемъ подражать Вѣрѣ. Копировала ее въ разговорѣ, въ походкѣ, въ особой манерѣ оттопыривать мизинчикъ, когда пила воду изъ стакана и во многомъ, многомъ другомъ. Сережа вернулся изъ конюшни въ то время, когда цирковые конюхи и лакеи прикрѣпляли и увѣшивали трапеціи и лѣстницы весело покачивающіяся на нѣсколько сажень надъ сѣткой, протянутой во всю ширину цирковой арены. Теперь наступалъ едва-ли не самый интересный моментъ представленія. Съ минуты на минуту на аренѣ долженъ былъ появиться Заоблачный принцъ.

III.

И онъ появился...

Цѣлая волна мертвенно-свѣтлаго электрическаго свѣта залила арену и публику и высоко-высоко покачивающіяся подъ самымъ потолкомъ цирка трапеціи, когда небольшая тонкая фигурка, затянутая въ розовое трико съ голубыми атласными трусиками на бедрахъ и въ золотой коронѣ на смоляныхъ кудряхъ, граціозно раскланиваясь направо и налѣво, выбѣжалъ на середину цирковой арены.

Заоблачный Принцъ, онъ же и Сынъ Воздуха на иныхъ афишахъ, казался еще очень юнымъ, почти ребенкомъ, притомъ ребенкомъ красивымъ, какъ картина. Сквозь густо набѣленное и нарумяненное лицо можно было различить его тонкія черты, маленькій съ подвижными ноздрями носъ, смѣлые огромные глаза, неестественно горящіе отъ подведенныхъ вѣкъ тушью и гордо улыбающіяся губки. Во всей его стройной фигурѣ было столько рѣшительности, отваги, презрѣнія къ опасности, гордаго достоинства и благородства!

— Какой красавчикъ! И совсѣмъ еще маленькій! Навѣрное лѣтъ десять не больше! — восторженно произнесла Зайка, впиваясь горящими отъ любопытства глазами въ розовую фигурку Принца, посылавшую публикѣ свои молчаливыя привѣтствія и улыбки.

— Ну, не думаю, мальчуганъ кажется только такимъ издали, а въ сущности ему и всѣ пятнадцать лѣтъ насчитать можно! — отозвался Сергѣй Николае-

вичъ Воротынцевъ, глядя въ бинокль на розоваго человѣчка.

Что-же касается Сережи, то послѣдній съ минуты появленія юнаго акробата на аренѣ, не спускалъ съ него глазъ. Этотъ смѣлый, горделивый видъ мальчика, это красивое, исполненное достоинства личико, эти небрежно спутанные подъ мишурной коронкой кудри, дѣлали его какимъ-то удивительнымъ, таинственно-прекраснымъ существомъ, дѣйствительно похожимъ на сказочнаго принца. Но вотъ мальчикъ покончилъ съ привѣтствіями, воздушными поцѣлуями и улыбками и быстро сталъ карабкаться по веревочной лѣстницѣ къ первой трапеціи, ниже другихъ раскачивающейся надъ сѣткой. Граціозный, стройный, хорошенькій, онъ былъ похожъ на какую-то фантастическую розовую птицу. Его увѣренныя движенія были изящны и сильны. Онъ улыбался, не переставая, своей очаровательной улыбкой. Вотъ онъ достигъ, первой трапеціи, съ легкостью обезьянки со ступеньки лѣстницы перепрыгнулъ на нее и, раскачиваясь всѣмъ своимъ гибкимъ тоненькимъ тѣломъ, повисъ внизъ головой надъ сѣткой.

Оркестръ замолкъ. Публика разразилась громомъ апплодисментовъ. Черезъ минуту розовый мальчикъ уже сидѣлъ на трапеціи, раскачивалъ ее сильными движеніями своего гибкаго тѣла, какъ птица порхая подъ самымъ потолкомъ цирка. Еще минута, другая... и онъ уже стоитъ на тонкой жердочкѣ трапеціи, держась одной рукой за веревку и все стремительнѣе и стремительнѣе летаетъ изъ одного конца цирка въ другой на высотѣ пяти саженъ. Разъ!.. Мгновенно поддается назадъ тонкое тѣло... Два!.. и на-лету Заоб-

лачный Принцъ хватается за верхнюю трапецію, сдѣлавъ неожиданный скачокъ въ воздухѣ...

Новые оглушительные крики браво и новые аплодисменты наводняютъ зданіе цирка... Публика приходитъ въ бѣшеный восторгъ отъ успѣшнаго исполненія номера, отъ ловкости и отчаянной смѣлости этого юнаго созданія.

Сережа Воротынцевъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, горя отъ нетерпѣнія и любопытства и не отводилъ глазъ отъ летающаго подъ потолкомъ маленькаго человѣчка.

Этотъ маленькій человѣчекъ своей бурной отвагой окончательно покорилъ его сердце. Въ предпріимчивой головѣ Сережи уже забродила робкая мысль, какъ бы хорошо было бы познакомиться и сдружиться съ этимъ отважнымъ мальчуганомъ, узнать о его житьѣ-бытьѣ, проникнуть въ таинственно-плѣнительную жизнь цирковаго эквилибриста и завоевать симпатію этого необыкновеннаго артиста.

А Заоблачный Принцъ, между тѣмъ приготовлялся къ своему послѣднему и труднѣйшему сальто-мортале.

Розовому мальчику предстояла теперь головокружительная задача: надо было раскачаться, повиснувъ на рукахъ подъ верхней трапеціей, чтобы перекувырнувшись на-лету въ воздухѣ съумѣть уцѣпиться за нижнюю, привѣшенную на противоположномъ концѣ цирка.

Публика ждала этого новаго фокуса съ самымъ жгучимъ нетерпѣніемъ... Оркестръ замолкъ снова... И вотъ, при наступившей абсолютной тишинѣ, Заоблачный Принцъ, успѣвшій раскачать трапецію, неожи-

данно испустилъ легкій гортанный крикъ и выпустилъ разомъ изъ цѣпкихъ рукъ своихъ точку опоры...

Секунда... всего одна секунда только и розовый клубокъ перекувырнувшись на-лету, снова выпрямился въ тонкую стройную фигурку... Юный эквилибристъ уже сидѣлъ на нижней трапеціи и щедро разсыпалъ въ публику улыбки и воздушные поцѣлуи...

IV.

Представленіе кончилось. Огни погасли. Но съ этого вечера Сережа Воротынцевъ уже не зналъ покоя... Розовый мальчикъ съ смѣлымъ отважнымъ лицомъ и горделиво поднятой головкой, мерещился ему на яву и во снѣ.

— Ты понимаешь... Ты понимаешь!—восторженно говорилъ онъ младшей сестренкѣ, внимательно слушавшей его изліянія,—ты понимаешь, Зайка, я такого смѣльчака въ жизни еще не встрѣчалъ ни разу... Ты подумай только, кто рѣшится такъ-то... Сѣтка... ты замѣтила сѣтку?—была дырявая на-половину... А онъ-то, онъ... на пять сажень отъ земли... кувыркается какъ ни въ чемъ ни бывало, точно на паркетѣ. Вотъ бы такого мнѣ товарища смѣльчака!.. Честное слово, мы-бы съ нимъ кажется всю гимназію къ рукамъ прибрали... Сильные слабыхъ при насъ-бы обижать не посмѣли. Верзилу Туновскаго живо-бы въ ришпектъ привели. Вѣдь Заоблачный Принцъ навѣрное сильнѣе Туновскаго, а какъ ты думаешь, Зайка?

— Сильнѣе!—кратко соглашалась дѣвочка, расширяя и безъ того огромные глаза и по привычкѣ трясла своей потѣшной жиденькой косичкой.

И Сережа уже съ новымъ жаромъ подхватывалъ снова:

— Ахъ, еслибы мнѣ познакомиться съ нимъ только! Я не знаю, что-бы я отдалъ за это.

— И Фигаро бы отдалъ?—лукаво сощурила глазенки Зайка и ея бѣдовая рожица принимала самое коварное выраженіе.

— Ну, вотъ еще!—краснѣя бурчалъ себѣ подъ носъ Сережа,—причемъ тутъ Фигаро? То-есть, удивительно, какъ нелогичны вы, женщины. Просто до невозможности! Я ей про человѣка говорю, а она попугая приплетаетъ!—окончательно вышелъ онъ изъ себя.

Лицо Зайки изъ лукаво-коварнаго въ минуту сдѣлалось испуганно-умильнымъ. Она до безумія любила брата и ея случайныя размолвки съ нимъ казались ей чудовищно-непріятными. И сейчасъ, желая смягчить готовое уже вспыхнуть между ними недоразумѣніе, Зайка заюлила вьюномъ вокругъ Сережи и залепетала, стараясь въ то же время подпрыгнуть такъ, чтобы чмокнуть Сережу въ кончикъ носа, маневръ, всегда смѣшившій и его и ее.

— Сережекъ! Милочка! Миленькій - размиленькій, добренькій-раздобренькій, не сердись!—трещала Сверчокъ-Немолчокъ, то и дѣло подскакивая на одномъ мѣстѣ, — не смѣй на меня сердиться, Сергунъ, слышишь? я тебѣ такую штучку придумала, что просто прелесть!—неожиданно объявила она.

— Ну, ужъ и придумала?—недовѣрчиво покосился въ сторону сестры Сережа.

— Придумала! Придумала! — съ новымъ жаромъ подхватила Зайка,—какъ тебѣ познакомиться съ Заоб-

лачнымъ Принцемъ, придумала! — захлопала она въ ладоши.—Ей-Богу! Честное слово великолѣпно будетъ!

— Ну?

— Только маму спросить нужно... Ты въ циркъ ступай, за кулисы. Вызови Заоблачнаго Принца и пригласи его къ намъ!—и заранѣе наслаждаясь поражающимъ эффектомъ, который долженъ былъ получиться отъ ея словъ, Зайка такъ затопала сильными маленькими пятками объ полъ, что Фигаро заволновался въ клѣткѣ и закричалъ пронзительнымъ голосомъ на всю квартиру.

— Бѣдный попочка! Выпустите попочку! Ему вредно!

Но на этотъ разъ дѣти и вниманія не обратили на ихъ любимца. Ихъ мысли были заняты другимъ.

— Пригласить?.. Ты говоришь пригласить...:—смущенно произнесъ Сережа и многозначительно почесалъ свою кудрявую голову.

— Ей-Богу! Честное слово! Пригласить, Сергѣйчикъ! Вотъ какъ разъ въ воскресенье и пригласить,—восторженно подхватила Зайка.—У тебя товарищи будутъ, у меня, подруги. Мы имъ заодно и покажемъ Заоблачнаго Принца. Вотъ-то позавидуютъ они намъ! Такая знаменитость и вдругъ...—Лишь-бы мама позволила только, — неожиданно дала своей восторженной рѣчи совершенно иной оборотъ дѣвочка.

— Мама-то позволитъ,—покачивая кудрявой головой, проговорилъ Сережа,—а вотъ только, вотъ... самъ онъ... Ну, подумай только: такая знаменитость и вдругъ, къ намъ въ гости! Что, если онъ возьметъ да и обидится на приглашеніе, и вонъ выгонитъ! Скандалъ! У

него и видъ-то совсѣмъ какъ у настоящаго владѣтельнаго принца! Ей-Богу!

— Да!—мгновенно согласилась Зайка, а только...— Тутъ дѣвочка усиленно наморщила свой хорошенькій лобикъ, а только ты рискни, Сережекъ, все-таки рискни, а я тебѣ помогу упросить маму...

— Рискну, — проронилъ Сергѣй и, помолчавъ съ минуту, неожиданно и порывисто, съ сіяющимъ лицомъ обнялъ сестру и закружился съ нею по комнатѣ.

— Зайка! Зайка! Онъ у насъ будетъ! Будетъ! Я предчувствую! Зайка! Такая знаменитость, и вдругъ у насъ! — запѣлъ онъ приплясывая и пристукивая каблуками.

— Тра-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля!—вмѣсто всякаго отвѣта восторженно зазвенѣла своимъ серебристымъ голоскомъ Зайка, и братъ съ сестрой съ новымъ приступомъ неудержимаго ребяческаго веселья запрыгали по комнатѣ, приводя въ неистовое безпокойство злосчастнаго Фигаро, дикимъ голосомъ выкрикивавшаго изъ своей клѣтки:

— Не пугайте бѣднаго попочку! Не пугайте. Ему вредно!

V.

— Можно видѣть господина Заоблачнаго Принца?— робкимъ голосомъ освѣдомился Сережа, останавливаясь у дверей, ведущихъ за кулисы цирка.

Лакей въ красномъ кафтанѣ, расшитомъ позументомъ, свысока глянулъ на скромную черную куртку гимназиста и проронилъ небрежно:

— Погодите немного. Сеньоръ Анжелло одѣвается.

Черезъ десять минутъ къ нему можно будетъ постучаться въ уборную.

— Сеньоръ Анжелло! Такъ онъ, значитъ, итальянецъ! О, какое поэтичное, красивое имя!—вихремъ проносилось въ мозгу Сережи и сердце его сладко замирало при одной мысли, что черезъ десять минутъ онъ увидитъ этого необычайнаго сеньора Анжелло—чудо храбрости, ловкости и красоты.

Минуты, однако, показались цѣлой вѣчностью для Сережи. Мимо него то и дѣло шмыгали лакеи и конюхи, всѣ одинаково одѣтые въ красные, обшитые позументомъ кафтаны, проходили пестро наряженные, съ невозможно вымазанными лицами клоуны, проводили изъ конюшни на арену нарядно убранныхъ лошадей, пробѣгали хорошенькія наѣздницы и какіе-то бронзовые люди въ живописныхъ костюмахъ, ни то индусы, ни то персы, показывавшіе публики разные фокусы и игравшіе на тоненькихъ, въ видѣ палочекъ, музыкальныхъ инструментахъ. Все это, въ обычное время могло-бы съ головою увлечь Сережу, теперь это почти что не замѣчалось имъ. Всѣ его мысли были сосредоточены тамъ, въ крохотной уборной цирка, гдѣ одѣвался въ это время, готовясь къ своему выходу, таинственный и милый Заоблачный Принцъ.

Какъ долго и слезно пришлось ему, Сережѣ, уговаривать маму, ни за что не пожелавшую было допустить его, знакомства съ этимъ милымъ розовымъ принцемъ. И все же, она согласилась въ концѣ концовъ, сдавшись на мольбы Сережи и разрѣшила мальчику—пригласить артиста. Все это вихремъ проносилось въ мысляхъ Воротынцева, когда передъ нимъ

предсталъ тотъ же лакей и небрежнымъ голосомъ бросилъ Сережѣ:

— Ступайте за мной. Сеньоръ Анжелло приметъ васъ въ уборной.

Съ сильно бьющимся сердцемъ зашагалъ Сережа по узкому, длинному коридору, гдѣ пахло лошадьми и дешевыми духами. Красный лакей шелъ впереди его, указывая ему дорогу.

— Вотъ здѣсь, лѣвая дверь!—произнесъ онъ кратко и удалился, оставивъ Сережу одного у завѣтнаго порога.

— Только-бы не выгналъ! Только-бы не выгналъ!— молитвенно произнесъ мальчикъ и трепетной рукой взялся за ручку двери.

— Ага! Здравствуйте, голубчикъ! — услышалъ онъ въ тотъ же мигъ немного хриповатый голосъ, выговаривавшій вполнѣ правильно русскія слова и широко раскрылъ глаза отъ изумленія. Вмѣсто ожидаемаго десяти-одиннадцати или даже тринадцатилѣтняго мальчугана, какимъ показался ему издали Заоблачный Принцъ, Воротынцевъ увидѣлъ невысокаго юношу лѣтъ 15—16, въ томъ же розовомъ трико, съ бѣлой маской бѣлилъ на лицѣ, съ двумя яркими кляксами поддѣльнаго румянца на щекахъ и грубо подмалеванными тушью глазами. Въ уголку сильно накрашенныхъ губъ, Заоблачный Принцъ держалъ папиросу, и, щуря попеременно то одинъ глазъ, то другой, съ удовольствіемъ затягивался табачнымъ дымомъ.

— Будемъ знакомы! — произнесъ онъ развязно и оттолкнувъ ногой стоявшій подлѣ его стула табуретъ, глазами указалъ на него сѣсть Сережѣ. Потомъ, про-

тянулъ руку и крѣпко до боли сжалъ худенькіе пальцы Воротынцева.

Послѣдній растерянно смотрѣлъ во всѣ глаза на хозяина уборной и неистово краснѣлъ подъ настойчиво устремленнымъ на него взглядомъ Принца.

Вдругъ, сеньоръ Анжелло вскочилъ со стула, на которомъ сидѣлъ верхомъ, куря и болтая ногамя и, схватившись за голову, закричалъ рѣзкимъ голосомъ такъ громко, что его должны были услышать нетолько за дверью, но и на аренѣ цирка.

— Парикмахеръ! Парикмахеръ! Чортъ же его побери! Сколько разъ говорилъ ему, прикрѣплять какъ можно лучше эту дьявольскую корону къ парику! Ни на что не похоже — потеряешь еще во время номера. Парикмахеръ! Экое животное! Да онъ оглохъ, что-ли!

И одною рукою неистово барабаня по столу, на которомъ стояло зеркало и лежали всѣ принадлежности гримировки артиста, Заоблачный Принцъ стремительно поднесъ другую руку къ головѣ и въ тотъ же мигъ роскошные черные кудри вмѣстѣ съ короной отдѣлились отъ головы юноши, и съ шумомъ упали на полъ. Теперь сеньоръ Анжелло предсталъ передъ Сережей съ совершенно гладко выстриженной головой, казавшейся призабавной безъ парика, обычно украшавшаго его въ часы представленій.

Въ ту же минуту точно ошпаренный въ уборную влетѣлъ испуганный парикмахеръ, и сталъ громко и рѣзко выговаривать Анжелло:

— Ну еще чего! Загорѣлось что-ли? Не умрете! Подождали-бы минуту... Ишь какъ парикъ-то растре-

пали. Характерецъ тоже... Сами то укрѣпить не могли корону! Подумаешь — велика птица тоже! Не лучше насъ грѣшныхъ!

— Ну, вы, не очень-то! — процѣдилъ сквозь зубы Анжелло и Сережѣ показалось, что голосъ его зазвучалъ при этомъ гораздо болѣе нерѣшительно и робко.

Потомъ, словно вспомнивъ о присутствіи въ его уборной чужого, Заоблачный принцъ, безпокойно завертѣлся на стулѣ.

— Вы, пожалуйста, извините меня,—произнесъ онъ совсѣмъ уже новымъ тономъ, вызывая на свои губы любезную улыбку,—вы вѣдь ко мнѣ по дѣлу пришли? Не правда-ли, голубчикъ? — и тотчасъ-же съ новою злобой бросилъ по адресу хлопотавшаго около него парикмахера:

— Да осторожнѣе вы тамъ, что-ли! Этакъ и голову можно когда-нибудь оторвать.

— Ладно, потерпишь! — буркнулъ тотъ себѣ подъносъ, но настолько громко, однако, что фраза успѣла долетѣть до чуткаго слуха Сережи.

Наконецъ, парикмахеръ утвердилъ парикъ и корону на головѣ эквилибриста, и вышелъ, ворча себѣ что-то подъ-носъ, изъ уборной, не позабывъ при этомъ сильно хлопнуть за собой дверью.

— Ужасный человѣкъ!—процѣдилъ сквозь зубы Заоблачный Принцъ, зажигая новую папироску и выпуская колечки дыма изо-рта.—Не хотите-ли?—предложилъ онъ, словно спохватившись и протягивая мельхіоровый портсигаръ Сережѣ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... благодарю васъ... развѣ мнѣ можно!—съ искреннимъ испугомъ вырвалось изъ гру-

ди Воротынцева и онъ почти съ ужасомъ взглянулъ на протянутый ему портсигаръ.

— Что-жъ такъ? Молодо-зелено? Маменька разсердится, въ уголъ поставитъ? — грубо расхохотался Анжелло, смѣривъ Сережу насмѣшливымъ взглядомъ съ головы до ногъ. Потомъ, разомъ измѣняя тонъ, снова заговорилъ, стараясь быть какъ можно любезнѣе и мягче:

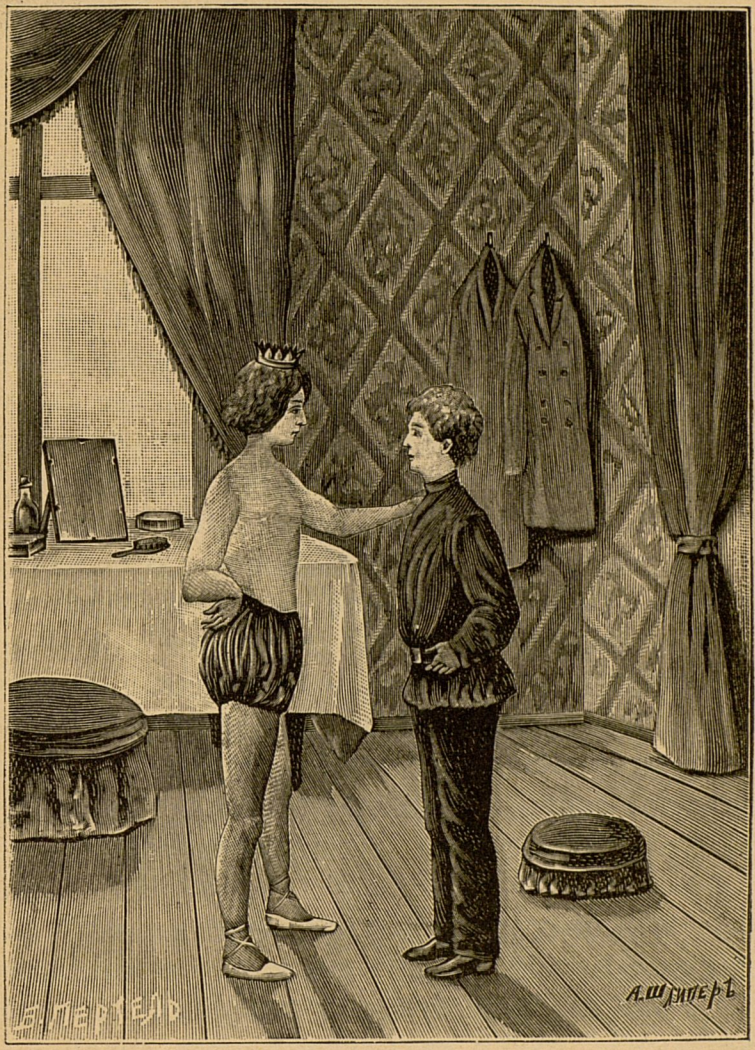
— Вамъ, собственно, что отъ меня угодно, голубчикъ?

Послѣдній смутился. Краска выступила на его щекахъ, заливая одновременно лобъ, вѣки, шею... Мучительно краснѣя, Сережа залепеталъ чуть внятно:

— Я васъ видѣлъ... monsieur... то-есть сеньоръ Анжелло... въ это воскресенье... Вы тамъ... на воздухѣ... на трапеціяхъ такъ хорошо... такъ чудесно... Такой храбрый! Смѣлый! Не обижайтесь ради Бога... но мы всѣ такъ заинтересовались тогда вами... Я особенно... что осмѣлился... рискнулъ... то-есть... я... я, ну словомъ... Я очень прошу васъ не отказать навѣстить меня завтра... У меня родители есть... сестры... Я съ ними живу... а учусь въ гимназіи... Если можете, придите къ намъ завтра къ обѣду!.. Вы вѣдь не обижаетесь, что я такъ прямо, не зная васъ... и... и...

И окончательно растерявшись, Сережа умолкъ, смущенно и отчаянно завертѣлъ конецъ своей суконной гимназической куртки.

— Гм! Гм! Поклонникъ таланта, значитъ. Ну-съ, ничего, ничего, не робѣйте молодой человѣкъ, — дружественно ударяя рукой по плечу Сережи, произнесъ


А. Шлиперъ

Заоблачный Принцъ тономъ вполнѣ молодого человѣка, и милостиво улыбнулся.

Что это была за улыбка! Снисходительно-одобрительная, дружески-ласковая, дѣлавшая все густо накрашенное лицо юнаго артиста такимъ красивымъ, обаятельнымъ и симпатичнымъ.

Первое неблагопріятное впечатлѣніе встрѣчи, грубая сцена съ парикмахеромъ и насмѣшливое замѣчаніе по поводу куренія все было забыто Сережей подъ впечатлѣніемъ этой чудной улыбки. Прежній, розовый, нѣжный и прелестный Заоблачный Принцъ, который такъ восхищалъ его — Сережу въ часъ воскреснаго представленія очутился передъ нимъ снова. На алыхъ густо накрашенныхъ губахъ Анжелло играла плѣнительная улыбка, улыбка окончательно преображавшая его довольно заурядное вблизи лицо и Сережа былъ снова во власти чаръ своего оригинальнаго новаго знакомца. Очевидно и самъ — Анжелло замѣтилъ произведенное имъ на юнаго гимназистика новое впечатлѣніе. По крайней-мѣрѣ, его улыбка съ каждой минутой дѣлалась все обаятельнѣе, все милѣе, а черные глаза потерявъ привычное имъ надменное выраженіе сіяли теперь лукаво-ласковымъ огонькомъ.

— Такъ ты меня къ себѣ приглашаешь? Что-ли? неожиданно переходя на «ты» и беря за руку Сережу произнесъ онъ товарищескимъ тономъ.

— Ладно, ладно, приду такъ и быть... Осчастливлю. Я люблю тѣхъ, кто истинные таланты цѣнить умѣетъ, ты мнѣ понравился, братецъ, и я обязательно буду у тебя въ воскресенье. Заберусь пораньше, потому что

къ девяти часамъ долженъ быть уже въ циркѣ. У васъ когда обѣдаютъ то? А?

— Въ шесть!—едва съумѣлъ отвѣтить весь охваченный радостнымъ волненіемъ Сережа.

— Великолѣпно? Значитъ мы успѣемъ хорошенько познакомиться и подружиться. А теперь мой выходъ сейчасъ! Видишь, бѣжитъ сюда помощникъ директора! Надо выходить... Пока до свиданья. Адресъ твой какъ? Далеко живете? — бросалъ онъ отрывисто, прихорашиваясь передъ зеркаломъ и самодовольно улыбаясь своему отраженію.

— О, это совсѣмъ недалеко поторопился успокоить его Сережа. Слободская улица сѣрый домъ подлѣ церкви. Папина фамилія Воротынцевъ, Сергѣй Николаевичъ Воротынцевъ. Такъ на дверной дощечкѣ написано. А меня зовутъ Сережа.

— Ладно. Сережа... Такъ и запишемъ. А теперь— прощай. До завтра.

— До завтра, сеньоръ Анжелло! Завтра въ 5 часовъ да?

— Обязательно! Да вотъ что! говори-ка ты мнѣ «ты», братецъ ты мой, по товарищески безъ церемоній.—Милостиво разрѣшилъ Заоблачный Принцъ и еще разъ тряхнувъ головою или черными кудрями парика, впервые не торопясь зашагалъ къ выходу на арену.

Осчастливленный даннымъ ему разрѣшеніемъ и обласканный «знаменитостью» не слыша отъ радости ногъ подъ собою, Сережа, чуть не бѣгомъ кинулся домой...

VI.

Наступило воскресенье, а съ нимъ и суета, и новая суматоха въ домѣ Воротынцевыхъ. Впрочемъ на этотъ разъ суетились только двое младшихъ членовъ семьи... Старшіе къ предстоящему случаю были вполнѣ равнодушны. Къ обѣду рѣшили пригласить помимо «артиста» еще и двоихъ товарищей Сережи, передъ которыми мальчику до смерти хотѣлось блеснуть своимъ новымъ знакомствомъ со «знаменитостью». Должны были также прійти и двѣ подруги Зайки: Нина Сухарина и Зиночка Лебеда, обѣ гимназистки Зайкинаго класса. И онѣ и одноклассники юнаго Воротынцева Миша Любавинъ, Костя Рошъ и Викторъ Неровинъ, самые закадычные друзья Сережи, которымъ онъ успѣлъ за недѣлю прожужжать всѣ уши про Заобланаго Принца, котораго имъ удалось покамѣсть видѣть только съ арены цирка, едва-ли не менѣе маленькихъ хозяевъ ждали торжественнаго дня. И вотъ—онъ наступилъ этотъ завѣтный день. Ровно въ 5 стали собираться гости. Первыми пришли Нина Сухарина и веселая бойкая хохотушка Зиночка Лебеда... Потомъ явился Костя Рошъ и Миша Любавинъ. Викторъ Неровинъ почему-то одинъ только запоздалъ.

Дѣти столпились въ смежной со столовой гостинной и весело переговариваясь между собой ожидали не безъ тайнаго трепета прихода прославленной «знаменитости».

Сильный звонокъ, пронзительно залившійся на всю квартиру, заставилъ всѣхъ невольно вздрогнуть отъ

неожиданности. Горничная Катя, мало понявшая какого рода «принцъ» будетъ обѣдать у ея господъ сегодня, пулей понеслась открывать дверь въ прихожую...

— Прости Господи, видать что важный баринъ, ровно на колокольнѣ трезвонитъ,—бросила она на ходу, быстро оправляя передникъ.

— Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ увидите какой онъ! — застрекотала Сверчокъ-Немолчокъ, прыгая на одномъ мѣстѣ и почему-то ударяя въ ладоши.—Сергунъ! Что же ты? Иди-же къ нему на встрѣчу, — тихонько подтолкнула она брата, смущенно топтавшагося на одномъ мѣстѣ и не знавшаго, что дѣлать, что предпринять...

Но на встрѣчу Заоблачному Принцу Сережа выйти не успѣлъ... Дверь широко распахнулась и дѣти невольно отступили назадъ при видѣ появившагося артиста.

VII.

Что это былъ за нарядъ! Великій Боже! Фигурка пятнадцатилѣтняго юноши, еще почти мальчика, ребенка по лѣтамъ, была облачена въ узенькіе клѣтчатые брюки съ «искрой», похожіе формой на кавалерійскіе рейтузы. Не то фракъ, не то узкая куртка съ широко вырѣзанной грудью, обнажалъ бѣлую не первой однако чистоты манишку, на которой такъ и бросались въ глаза огромные металическія запонки съ фальшивыми брилліантами изъ стекла. Ярко красный съ желтыми разводами галстукъ и высокій черезъ чуръ даже высокій и тоже не первой свѣжести воротничекъ, вѣнчали шею юнаго артиста. Его короткіе волосы были тщательно зализаны на косой проборъ, а

на мизинцѣ красовался исполинскихъ размѣровъ поддѣльный перстень. Узкіе-же лакированныя ботинки съ невѣроятно длинными по послѣдней модѣ носками, довершали костюмъ Анжелло, придававшій всей его вертлявой фигурѣ комически-забавный видъ.

Такъ, безъ гримма, всякихъ сценическихъ притираній Сережа навѣрное-бы не съумѣлъ узнать своего новаго друга. Красивое, яркое, бѣло-розовое съ арены лицо Заоблачнаго Принца, теперь вблизи, при свѣтѣ яснаго январьскаго дня, казалось такимъ сѣрымъ, старообразнымъ и некрасивымъ! Только одни глаза его, черные и живые, да улыбка тонкихъ губъ были очень красивы и напоминали глаза и улыбку знаменитаго маленькаго синьора Анжелло.

— Ба! Какое блестящее общество я здѣсь встрѣчаю,—произнесъ юный артистъ, манерно въ носъ протягивая слова и окидывая собравшихся дѣтей любопытно-насмѣшливымъ взглядомъ, чуть кивая на право и налѣво своей гладко прилизанной головой. И внезапно глаза его встрѣтились съ бойкими глазенками Зайки.

— Кто эта хорошенькая? Нимало не смущаясь,— произнесъ онъ вслухъ тономъ взрослаго человѣка безцеремонно разглядывая вспыхнувшее отъ неожиданности Зайкино лицо. За одно съ сестрой смутился и вспыхнулъ Сережа. Недоумѣло переглянулись между собой и, другіе дѣти.

— Сестра Зоя... — сконфуженно сталъ рекомендовать своему новому пріятелю присутствующихъ юный Воротынцевъ,—это Нина Сухарина, это Миша Рошъ, Костя Любавинъ, Зина Лебеда...

*

— Какъ? неожиданно прервалъ Анжелло мальчика.—Ябеда?

— Лебеда!—поправилъ Сережа.

— Чортъ возьми, вотъ такъ фамилія. Ха, ха, ха, ха! неожиданно залился Заоблачный Принцъ веселымъ смѣхомъ,—ха, ха, ха, ха, это въ родѣ нашего клоуна Яшки, котораго фамилія Сметана. Забавно, неправда-ли, друзья мои?—заключилъ онъ обводя кругъ дѣтей заслезившимися отъ хохота глазами. Потомъ не переставая смѣяться сунулъ руку въ карманъ и вынувъ оттуда носовой платокъ, вытеръ имъ лицо небрежно граціознымъ жестомъ, распространяя по комнатѣ чрезвычайно непріятный и слащавый запахъ дешевыхъ духовъ, исходящихъ отъ платка тоже не первой чистоты.

— Нравится! Небрежно уронилъ онъ, замѣтя выраженіе изумленія на лицѣ Сережи, и, махнувъ надушеннымъ платкомъ передъ самымъ носомъ мальчика, добавилъ съ хвастливымъ апломбомъ:

— Три съ полтиной флаконъ, самый малюсенькій! честное слово!

— Боже какой онъ смѣшной! Неужели всѣ знаменитости такія? успѣла шепнуть Зина Лебеда на ушко Зайкѣ. И обѣимъ дѣвочкамъ и Зинѣ и Зайкѣ неудержимо захотѣлось дать волю душившему ихъ смѣху.

Ужъ очень забавнымъ казался имъ юный артистъ въ нечистоплотной манишкѣ и узкихъ, преузкихъ брюкахъ, разсуждающій съ такимъ глупымъ самодовольствомъ о трехрублевыхъ духахъ. Но, взглянувъ на растерянно смущенное лицо Сережи, онѣ невольно удержались отъ смѣха, боясь огорчить мальчика, мучительно сконфуженнаго и безъ того своимъ необык-

новеннымъ другомъ. Вошла горничная Катя и громогласно объявила что кушать подано, тоже въ свою очередь съ явнымъ удивленіемъ косясь на страннаго гостя.

— А Викторъ развѣ не придетъ?—освѣдомилась Зайка у брата, желая хоть чѣмъ-нибудь отвлечь общее вниманіе отъ Анжелло.

— Какой Викторъ? заинтересовался тотъ.

— Товарищъ одинъ... Онъ въ Петербургѣ жилъ постоянно и тамъ же въ гимназіи учился, а теперь отецъ его здѣсь мѣсто получилъ, и онъ переведенъ въ нашу гимназію и учится въ одномъ классѣ со мною — поспѣшилъ удовлетворить его любопытство Сережа.

— А... а... протянулъ не безъ важности Анжелло— я тоже зналъ одного Виктора, но и... мы съ нимъ пріятели были... Страшный богачъ и аристократъ... рысаки у него свои и денегъ столько, что ужасъ... Мы съ нимъ очень дружны были въ Петербургѣ.

— Развѣ вы были въ Петербургѣ? не вытерпѣла, чтобы не спросить Зайка.

— О, я былъ всюду... И въ Италіи, и во Франціи и въ Петербургѣ... и въ Америкѣ... не безъ доли хвастливости перечислялъ юноша и вдругъ замолкъ внезапно, переступивъ порогъ столовой и увидя собравшихся тамъ старшихъ членовъ семьи Воротынцевыхъ.

На минуту онъ остановился у двери и красиво изогнувъ станъ съ граціознымъ поклономъ склонилъ свою тщательно расчесанную голову. Потомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ глиссадой по полу и вторично

раскланялся поочередно передъ госпожей, господиномъ Воротынцевымъ и взрослой Вѣрой.

— Рада, познакомиться!—произнесла хозяйка дома, не безъ изумленія оглядывая странный костюмъ и внѣшность артиста,—мой Сережа очень желалъ видѣть васъ здѣсь.

Въ свою очередь, поздоровавшись съ гостемъ Сергѣй Николаевичъ пробрался къ сыну и, незамѣтно шопотомъ спросилъ Сережу:

— Другъ мой! Откуда ты досталъ эту обезьяну?

Зайка не выдержала и фыркнула, услыша слова отца. По лицамъ юныхъ гостей тоже проползли предательскія улыбки. Чтобы, какъ-нибудь замаскировать общее невыгодное впечатлѣніе Анна Владиміровна Воротынцева, поспѣшила пригласить всѣхъ къ столу. Дѣти быстро размѣстились по указаннымъ имъ мѣстамъ, причемъ юный артистъ предупредилъ всѣхъ, небрежно развалясь на стулѣ, у прибора, поставленнаго по правую руку хозяйки дома, и обыкновенно предназначаемаго для самыхъ почетныхъ гостей. Подлѣ Анжелло, по приказанію отца занялъ мѣсто Сережа.

Еще до начала обѣда, вышло совсѣмъ неожиданное происшествіе. Прежде, нежели приняться за супъ и кулебяку, Заоблачный Принцъ окинулъ растерянными глазами столъ, точно выискивая на немъ что-то.

— Что ты желаешь?—предупредительно обратился къ нему Сережа.

— Гм! гм!—щелкая пальцами и принимая небрежный видъ нимало не смущаясь, отвѣчалъ Анжелло:—гм! мы артисты не садимся никогда за столъ безъ не-

большой рюмочки жизненной эссенціи, которую люди, выражаясь вульгарно называютъ, водкой! Но, къ ужасу моему я ее не вижу на столѣ!—съ дѣланно печальнымъ видомъ заключилъ онъ свою напыщенно-небрежную рѣчь, пожимая плечами.

— Вотъ такъ фруктъ! Мальчишка совсѣмъ, а водку пьетъ!—шепнулъ Костя Рошъ своему сосѣду Мишѣ, въ то время какъ дѣвочки переглянулись, между собой, а Сережа неистово покраснѣлъ за своего новаго друга.

Сергѣй Николаевичъ, въ свою очередь, пристально взглянулъ на необыкновеннаго гостя причемъ въ лицѣ его промелькнуло явное выраженіе неудовольствія.

— Къ сожалѣнію, юноша,—произнесъ онъ очень серіезно, безъ малѣйшей обычной своей мягкости въ голосѣ,—мы не можемъ удовлетворить вашего желанія. Во всемъ домѣ у насъ не имѣется такого напитка. Я самъ въ ротъ не беру водки, и этимъ должно быть обязанъ своей энергіей, трудоспособностью и рѣдкимъ здоровьемъ, а что касается моихъ гостей, то я предлагаю имъ вотъ это легкое винцо, которое изрѣдка пьютъ и мои дѣти!—и съ этими словами господинъ Воротынцевъ придвинулъ къ прибору Анжелло бутылку легкаго краснаго вина.

— Гм! Этотъ квасокъ? Что-жъ отвѣдаемъ и кваску, если нѣтъ ничего лучшаго,—развязно произнесъ юный артистъ, наливая себѣ полный до краевъ большой стаканъ изъ бутылки.

— Недурно! Совсѣмъ недурно... хотя признаться я не особенно люблю русскія вина! цѣдилъ онъ сквозь зубы, то и дѣло отхлебывая изъ стакана—и высоко

поднимая брови и округляя глаза. Изумленные всѣми этими выходками дѣти широко раскрытыми взорами впивались ему въ лицо.

Зайка и Зина Лебеда самыя смѣшливыя изо всѣхъ уже втихомолку фыркали, прикрывшись салфетками, а что касается Сережи, то онъ буквально былъ, какъ на иголкахъ, отъ поведенія своего новаго друга. Анна Владиміровна поспѣшила прійти на помощь къ сыну, давая совершенно новое направленіе разговору, она обратилась съ вопросомъ къ юному артисту.

— А вы, Анжелло, родились въ Италіи и провели тамъ ваше дѣтство?

— О да, мадамъ!—развязно отвѣчалъ Анжелло,— я родился въ Италіи, въ Венеціи... Тамъ, знаете, великолѣпно... Вода... каналы... высокія зданія и гондолы. Лодки, знаете, такія... Въ нихъ стоятъ, гребцы и поютъ. Очень интересный городъ!

— Вы провели тамъ дѣтство?

— Нѣтъ, я собственно путешествовалъ по разнымъ городамъ и странамъ. Былъ въ Парижѣ и въ Америкѣ... А потомъ жилъ въ Петербургѣ.

— Вы путешествовали съ вашими родителями? — поинтересовалась Зайка, обращая къ разсказчику свою острую какъ у лисички мордочку.

— Увы! Нѣтъ мадемуазель, — любезно перегнулъ свою вертлявую фигурку въ ея сторону Анжелло. Мои родители давно умерли. Мой отецъ знатный итальянскій графъ былъ очень богатъ и всѣмъ извѣстенъ въ Венеціи скончался когда мнѣ было всего три года. Моя мать была поразительная красавица и тоже изъ очень знатнаго рода, увы! она умерла еще раньше

отца.—Тутъ черные глаза Анжелло поднялись къ потолку и бурный вздохъ поднялъ грудь облеченную въ грязную манишку. И этотъ взглядъ и этотъ вздохъ показались такими дѣланными, театральными всѣмъ присутствующимъ за столомъ, что ни малѣйшая жалость ни на минуту не шевельнула ни въ одномъ сердцѣ по адресу юного сироты артиста.

— Какъ же вы попали, сынъ богатыхъ и извѣстныхъ родителей въ циркъ Муранова?—не спуская съ разсказчика пристальнаго серьезнаго взора, спросилъ его Сергѣй Николаевичъ.

Въ это время горничная Катя только что обнесла всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ земляничнымъ мороженымъ, большая часть котораго и очутилась въ видѣ объемистой горки на тарелкѣ артиста. Съ замѣтной жадностью, торопясь, смакуя и причмокивая Анжелло сталъ уписывать сладкое, какъ говорится, за обѣ щеки не забывая то и дѣло отпивать изъ стакана, который чуть ни въ третій разъ наполнилъ до краевъ.

Его щеки раскраснѣлись. Глаза увлажились и приняли глупое растерянное выраженіе, какое бываетъ обыкновенно, у захмѣлѣвшихъ отъ вина людей.

Но вотъ, онъ покончилъ съ мороженымъ, допилъ вино и не спросивъ ни у кого предварительно разрѣшенія, досталъ свой металлическій портъ-сигаръ изъ кармана и закурилъ папироску, небрежно развалясь на стулѣ...

Всѣ присутствующіе снова переглянулись... Анна Владиміровна поморщилась, лицо Сергѣя Николаевича приняло суровое, недовольное выраженіе, у Сережи пылали щеки и горѣли уши, а глаза съ умоляющимъ

видомъ останавливались то и дѣло на лицѣ Анжелло, какъ бы безъ словъ уговаривая его принять болѣе приличный видъ и сократить свою развязность, но этотъ послѣдній даже и не замѣчалъ мучительнаго настроенія своего сосѣда.

Принявъ самую комфортабельную позу, почти лежа на стулѣ, вытянувъ ноги и засунувъ обѣ руки въ карманы юный артистъ курилъ, не вынимая папироски изо-рта и то и дѣло выпуская колечки дыма.

— Нда,—тянулъ онъ въ носъ хвастливымъ самодовольнымъ голосомъ,—у моего отца извѣстнаго всѣмъ въ Италіи графа Алази, была своя великолѣпная вилла въ Венеціи... Что это была за прелесть! Стѣны и полъ все это обито коврами... мебель удивительная... Зеркала съ потолка до полу. Кушали только на серебрѣ и за столомъ служило полъ-дюжины лакеевъ... У меня у мальчика, какъ сейчасъ помню, было три гувернантки: одна француженка одна нѣмка, одна итальянка, а когда мнѣ минуло десять лѣтъ отецъ пригласилъ ко мнѣ лучшихъ итальянскихъ профессоровъ давать уроки... А двѣнадцати лѣтъ отъ роду у меня былъ свой очаровательный экипажъ и двѣ пони... Отецъ подарилъ мнѣ его въ день рожденія... когда я по...

— Странный подарокъ! — прервавъ на полусловѣ артиста произнесъ серіезно Сергѣй Николаевичъ — я не зналъ что умершіе обладаютъ счастливой способностью дѣлать подарки съ того свѣта своимъ дѣтямъ.

— То есть какъ это умершіе... съ того свѣта? Высоко вскинувъ брови, проронилъ Анжелло, дѣлая глупое лицо.

— Ну, да, вѣдь отецъ вашъ уже не былъ въ жи-

выхъ въ то время. Вы сами говорили, что онъ умеръ, когда вамъ было три года только. — Не отрывая отъ лица Анжелло своего пристальнаго взора, произнесъ Сергѣй Николаевичъ самымъ спокойнымъ голосомъ.

— Неловкое, долгое и мучительное молчаніе воцарилось въ столовой... По лицамъ дѣтей пробѣжало выраженіе смущенія. Зайка, вся красная за чужое вранье свирѣпо стиснула подъ столомъ руку Зины и округливъ глаза, что означало у нея высшую точку растерянности, зашептала тихо подругѣ:

— Ахъ, ты Господи! Для Сережи! Для Сережи-то разочарованіе какое! Его куміръ — и вдругъ лгунъ и хвастунишка!

На Сережу было положительно жаль смотрѣть. Изъ краснаго лицо его стало малиновымъ, въ глазахъ стояли слезы, а губы то и дѣло подергивались нервной дрожью.

— Зачѣмъ! Зачѣмъ! было поддаваться первому впечатлѣнію? Зачѣмъ было звать его къ себѣ, не зная что онъ за птица? Не даромъ же мама такъ долго не хотѣла исполнить моей просьбы и согласиться разрѣшить пригласить Анжелло сюда! О, какъ я былъ глупъ! Тысячу разъ глупъ, настаивая на этомъ! — мысленно терзался онъ, не смѣя взглянуть на присутствующихъ, весь сгорая отъ стыда за поведеніе приведеннаго имъ гостя...

Между тѣмъ, какъ, гость менѣе всѣхъ казался смущеннымъ... На минуту, правда, послѣ замѣчанія Сергѣя Николаевича лицо Анжелло приняло испуганно-сконфуженное выраженіе, глаза забѣгали какъ пойманныя мыши въ клѣткѣ. Онъ растерянно замигалъ ими, но это длилось не долго...

Черезъ минуту онъ уже оправился отъ смущенія, принялъ свой прежній обычно небрежно - развязный видъ и заговорилъ бойко...

— Ахъ Боже мой!.. Я спуталъ немного... дѣйствительно, вы правы и... и... мой отецъ умеръ когда я былъ еще ребенкомъ. Отецъ умеръ, паллацо наше продали потому что у моихъ родителей, какъ и у всѣхъ порядочныхъ знатныхъ людей, было много долговъ и я остался нищимъ. Но не на долго впрочемъ. Товарищъ моего отца одинъ русскій баринъ пріѣхалъ въ это время въ Венецію отыскалъ меня и увезъ съ собою. Съ нимъ мы изъѣздили весь міръ, и наконецъ пріѣхали въ Россію въ Петербургъ. И опять я сталъ утопать въ роскоши, ѣздить въ собственныхъ экипажахъ вмѣстѣ съ сыномъ моего пріемнаго папаши, который былъ на годъ моложе меня... И вдругъ пріѣхалъ въ городъ странствующій циркъ Муранова. Мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать... Насъ взяли на представленіе... Меня и Витю и мнѣ такъ понравилось это представленіе, артисты и самая цирковая жизнь, что я объявилъ рѣшительно о моемъ желаніи поступить въ труппу. Мой пріемный отецъ плакалъ и маленькій Витя его сынъ тоже. Они такъ успѣли привязаться ко мнѣ, полюбить меня... Но я имъ отвѣтилъ: «Не горюйте, друзья мои. Я чувствую въ себѣ призваніе артиста и хочу славы!» И въ тотъ же день уѣхалъ отъ нихъ и поступилъ въ циркъ. И вотъ я знаменитый Заоблачный Принцъ, Сынъ Воздуха,—я недавній графчикъ-богачъ Анжелло графъ Алази! съ пафосомъ заключилъ свою рѣчь юноша и обвелъ всѣхъ присутствующихъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

VIII.

Любопытными и въ то же время недоумѣвающими глазами всѣ сидѣвшіе за столомъ смотрѣли въ самодовольно-улыбающееся лицо Анжелло. Теперь уже никто не сомнѣвался, не исключая самой младшей изъ присутствующихъ—Зайки, въ томъ, что весь разсказъ Заоблачнаго принца, представляетъ изъ себя одну явную сплошную ложь. И у всѣхъ отъ этой лжи оставался въ душѣ какой-то непріятный, смутный осадокъ.

Воцарилась долгая пауза... Всѣ молчали. Сергѣй Николаевичъ нервно барабанилъ пальцами по столу... Анна Владиміровна и дѣти сидѣли съ потупленными глазами... И всѣ вздрогнули невольно, когда неожиданно и особенно рѣзко, вслѣдствіе наступившей полной тишины, прозвенѣлъ звонокъ въ прихожей.

— Кто это?—безмолвно съ удивленіемъ переглянулись дѣти.

— Это, должно быть, Викторъ!—произнесъ Сережа, обрадовавшійся возможности прервать тяжелое молчаніе,—онъ сказалъ, что придетъ позднѣе... Къ обѣду онъ не могъ. Викторъ, ты?—дѣланно весело повысивъ голосъ крикнулъ онъ, обратившись къ двери.

— Я!—послышался отвѣтный возгласъ и на порогѣ столовой появился красивый бѣлокурый мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ симпатичнымъ, открытымъ и веселымъ лицомъ.

Быстрыми шагами онъ подошелъ къ хозяйкѣ дома, расшаркался передъ нею, потомъ привѣтствовалъ Сергѣя Николаевича, большую Вѣру и началъ-было обходить по очереди всѣхъ сидящихъ за столомъ дѣтей,

какъ неожиданно взоръ его упалъ на небрежно развалившуюся фигуру Анжелло...

На красивомъ оживленномъ личикѣ Виктора вдругъ отразилось выраженіе самаго неожиданнаго изумленія. Его сѣрые глаза широко раскрылись, брови поднялись... и съ минуту онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, недоумѣвающе хлопая глазами...

Неожиданно веселый, живой, раскатистый смѣхъ огласилъ столовую.

— Ванька! Ха, ха, ха, ха! Ванька, какъ ты попалъ сюда и еще въ какомъ шутовскомъ костюмѣ!—зазвенѣлъ прерываемый смѣхомъ его звонкій голосокъ.

Что-то странное, непредвидѣнное произошло въ ту же минуту съ Анжелло. Весь красный, какъ вареный ракъ, онъ вскочилъ со стула и затопталася на мѣстѣ, избѣгая смотрѣть на присутствующихъ. И опять его черные глазки забѣгали, какъ мышенята, а жалкая улыбка, такъ мало похожая на горделивую усмѣшку знаменитаго Заоблачнаго Принца, искривила губы...

— Но... но...—залепеталъ онъ безсвязно,— вы... вы... ошиблись... Какой-же я Ванька! Я Анжелло—артистъ Анжелло! Да-съ!

— Графъ Алази! — произнесъ громкимъ голосомъ Сергѣй Николаевичъ съ самымъ торжественнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ха, ха, ха, ха! — еще веселѣе, еще раскатистѣе разсмѣялся Викторъ. — Графъ Анжелло Алази — онъ? Нашъ Ванька? Сынъ нашей ключницы Васильевны. Ха, ха, ха, ха! Графъ Алази – онъ!— и самымъ безобиднымъ образомъ Викторъ дружески похлопалъ по плечу окончательно растерявшагося Анжелло. И не давъ ему

опомниться и не произнести ни слова, тотчасъ-же подхватилъ, весело поясняя присутствующимъ:

— Я этого Ваньку знаю давно. Мы съ нимъ все дѣтство провели въ Петербургѣ. Его мать у насъ служила сначала кухаркой, потомъ ключницей. Она была вдова. Мужъ ея умеръ и оставилъ ей сына на руки. Куда-бы Васильевна не отдавала Ваньку, ему все не везло. Къ ученью и къ мастерству онъ былъ неспособенъ, читать и писать выучиться не могъ и даже служить не умѣлъ въ комнатахъ, и его мать рѣшила отдать въ циркъ въ ученье, хотя папа и отговаривалъ ее всячески отъ такого шага. И вотъ Ванька сталъ артистомъ. Ты почему же матери-то ничего не пишешь, а? Вѣдь она по тебѣ всѣ слезы выплакала? Думала не боленъ-ли ты?—неожиданно накинулся Викторъ на совсѣмъ ошалѣвшаго отъ его непредвидѣннаго разоблаченія юношу.—Твоя мать въ Петербургѣ при квартирѣ осталась... А мы здѣсь живемъ. Папу перевели сюда. Такъ, смотри же, сегодня напиши матери, что ты живъ и здоровъ, или давай я за тебя напишу. Хочешь? — предложилъ Викторъ, съ самымъ дружескимъ видомъ продолжая похлопывать по плечу юнаго артиста.

— Мнѣ въ циркъ надо! Если опоздаю—штрафъ!—буркнулъ себѣ подъ носъ Анжелло, и съ багрово-малиновымъ лицомъ и опущенной головой, никому не поклонившись, не поблагодаривъ даже хозяевъ за обѣдъ, стремительно метнулся къ двери и въ одинъ мигъ скрылся за нею. Это вышло такъ неожиданно и быстро, что никто не успѣлъ остановить его.

И только когда входная дверь хлопнула за ушед-

шимъ гостемъ, Викторъ спохватился, что не слѣдовало было отпускать Ваньку, не «отчитавъ» его хорошенько за его небрежное отношеніе къ матери, которой онъ не писалъ болѣе трехъ лѣтъ.

IX.

Анжелло-Ванька давно скрылся, а впечатлѣніе отъ только что разыгравшейся сцены еще, казалось, витало надъ головами дѣтей. По крайней мѣрѣ, всѣ они молчали... Молчалъ и Сережа... Непріятное, смутное ощущеніе все еще тѣснило его сердце... Назойливыя мысли жгли мозгъ. Свою ошибку Сережа считалъ теперь такой непростительной и грубой!.. Если-бы онъ не былъ взрослымъ маленькимъ мужчиной и классикомъ, онъ позорно бы разревѣлся отъ обиды на весь домъ. Эта обида, нанесенная его сердцу — была, по мнѣнію самого мальчика, всячески достойна слезъ... Его кумиръ, предметъ его восторга и восхищеній, передъ смѣлостью и величіемъ котораго онъ такъ искренно, такъ горячо преклонялся, оказался мелкимъ, пошлымъ лгунишкой-фатомъ, уличеннымъ на самомъ мѣстѣ преступленія... Жгучій стыдъ за свою неопытность, непростительную поспѣшность и полное неумѣніе узнавать людей, наполняло глухимъ волненіемъ впечатлительную душу Сережи...

Онъ готовъ былъ уже вскочить изъ-за стола, убѣжать въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, дать полную волю слезамъ и злобѣ, какъ неожиданно нѣжное, легкое прикосновеніе къ его плечу отрезвило мальчика. Онъ поднялъ голову. Анна Владиміровна стояла подлѣ сына и съ ласковой улыбкой говорила ему:

А. ШЛЯПЕРС
Б. ПЕРТЕЛЬ

— Ну, ну, ободрись Сергунъ... Съ кѣмъ не случается... Виновата твоя неопытность да увлекающаяся натура. Не смущайся, дружокъ! И болѣе взрослые люди ошибались иной разъ въ жизни и дѣлали промахи. И я и твой отецъ не имѣли-бы ничего противъ твоей дружбы не только съ сыномъ ключницы изъ кухарокъ, но и съ простымъ уличнымъ мальчикомъ, если-бы онъ оказался нравственнымъ, честнымъ и серьезнымъ... А Заоблачный Принцъ...

— О, не говори мнѣ о немъ больше, мама, — съ искреннимъ отчаяніемъ вырвалось изъ груди Сережи,—я ничего не хочу слушать о немъ!

И онъ спряталъ свое смущенное лицо на плечѣ матери и крѣпко-крѣпко прижался къ ней.

Анна Владиміровна дала знакъ всѣмъ присутствующимъ выйти изъ столовой и оставить ее вдвоемъ съ сыномъ.

Лишь только они остались одни, она нѣжно обняла его голову, тѣснѣе прижала къ себѣ и стала ласково гладить мягкіе кудри Сережи, думая о томъ, какія горькія и тяжелыя разочарованія могутъ ожидать еще не разъ въ жизни эту, такъ довѣрчиво прильнувшую къ ней юную порывистую головку мальчика...

Мая — королева.

Сказка.

ИЛА королева Мая на свѣтѣ, прелестная и юная, какими бываютъ однѣ только королевы въ сказкахъ весь міръ королевы сосредоточился въ ея большомъ зеленомъ лѣсу, гдѣ пѣли цѣлыми днями пестрыя пташки, а по ночамъ выводилъ трели крылатый артистъ—соловей. Эти трели проникли въ маленькое сердце Маи,—сердце, похожее на душистый алый цвѣтокъ, и плѣнили юную королеву. Красавица Мая стала тосковать. Захотѣлось ей видѣть крылатаго пѣвца, захотѣлось выбрать его въ мужья себѣ—королевѣ. Что онъ скромный маленькій пѣвецъ долженъ будетъ полюбить ее, въ этомъ Мая не сомнѣвалась ни на одну минуту. Еще-бы. Она была такъ прекрасна! И такъ богата притомъ! Она владѣла зеленымъ лѣсомъ и пестрыми лужайками, покрытыми цвѣтами и прозрачными, съ живыми брызгами алмазовъ лѣсными ручьями и глубокими вдумчивыми озерами, что лежали въ глуши... Какъ могъ устоять скромный пѣвецъ противъ такой прекрасной и могучей королевы!

О, онъ долженъ былъ положить свои пѣсни и свое сердце у ея ногъ.

Такъ рѣшила Мая—королева и послала своихъ рыцарей за крылатымъ пѣвцомъ.

II.

Была ночь... Плылъ опаловый мѣсяцъ по темно-синему небу, затопивши серебристо-молочнымъ свѣтомъ дворецъ Маи, весь свитый изъ розоваго шиповника и дикой ромашки... На тронѣ изъ голубыхъ незабудокъ сидѣла Мая—королева, окруженная блестящей толпой рыцарей и дамъ... А суровая стража стояла у входа и караулила нарядный дворецъ Маи.

Всѣ ждали, глядя на дверь. Ждали юношу Соловья, избраннаго королевой. И вотъ онъ явился... Явился въ бѣдной сѣрой одеждѣ, съ крыльями за спиною, съ пѣснями на устахъ, съ виду такой невзрачный, но окруженный лучами артистической славы своего дивнаго пѣнія.

Какъ увидѣла его Мая, такъ и забилось ея сердце. Вотъ такого-то именно сѣренькаго, скромнаго пѣвца и полюбила она заочно. Полюбила и говоритъ ему теперь объ этомъ.

— Твои пѣсни проникли мнѣ въ сердце. Выбираю тебя въ короли изо-всѣхъ рыцарей моихъ!

А пѣвецъ упалъ на колѣни передъ Маей королевой и нѣжно-нѣжно, словно мелодія неба, словно звонъ лѣсного ручья, словно струны золотой арфы зазвенѣлъ его голосъ:

— Не могу принять твоей милости, Мая... Не могу стать королемъ! Не въ роскоши, не въ довольствѣ родились мои пѣсни и нѣтъ имъ мѣста въ твоемъ королевскомъ дворцѣ. Свободу люблю я, и пѣть могу только на свободѣ. Отпусти меня въ лѣсъ королева, я зачахну въ твоемъ роскошномъ дворцѣ...

*

Больно ранили эти рѣчи гордую Маю... Поблѣднѣло какъ саванъ ея прекрасное лицо. Но дѣлать нечего... На-силу милъ не будешь и, махнувъ безнадежно рукою, отпустила она обратно въ рощу крылатаго пѣвца... А сама долго-долго плакала въ тиши своего дворца на своей цвѣточной постелѣ...

III.

Вся свита ея крѣпко спала и рыцари и дамы. Даже сторожа уснули у дверей, а она, Мая, все горевала, разливаясь слезами и тоскою. И вдругъ дрогнула гдѣ-то вдали сладкая трель... Потомъ вторая... третья... еще и еще... И полилась вѣщая пѣснь по всему лѣсу. Это пѣлъ соловей, пѣлъ о своей безграничной любви къ прекрасной гордой королевѣ, которую онъ полюбилъ съ перваго взгляда и отъ которой не смотря на эту любовь отказался на-вѣки съ болью въ сердцѣ, не желая лишаться своей свободы.

И слушая его, затихала Мая... Замирала тоска въ ея печальной груди... Сладко расцвѣтала надежда въ сердцѣ и еще сильнѣе и крѣпче любила она въ эту минуту крылатаго пѣвца.

* * *

Съ этихъ поръ не груститъ больше Мая... Знаетъ прекрасная гордая королева въ честь кого слагаетъ теперь свои пѣсни свободный пѣвецъ и отъ зари до зари счастливая, слушаетъ эти пѣсни...

Воръ.

I.

ОСПОДИНЪ Лядовъ, я долженъ предупредить васъ, что вы не служите у насъ больше.

— Но, господинъ Мадаровъ...

— Не служите. Да-съ. Я не могу больше допускать такого халатнаго отношенія къ дѣлу.

— Но, господинъ Мадаровъ...

— Вы манкируете, не посѣщаете конторы, по три недѣли въ мѣсяцъ. То болѣете сами, то у васъ жена больна, то дѣти. Извините меня, но подобнаго отношенія къ дѣлу я допустить не могу. Здѣсь не странноприимный домъ, не больница и не богадѣльня... Я— коммерческій человѣкъ и не выношу упущеній, вредящихъ дѣлу.

— Но... я...

— Безъ оправданій прошу покорно. Вы можете итти.

И, сказавъ это ледянымъ тономъ, высокій полный человѣкъ съ упитаннымъ лицомъ, одѣтый по послѣдней модѣ, съ массивной часовой цѣпью, протянутой

черезъ петли бархатнаго жилета, всталъ съ своего кресла и шагнулъ къ двери... Негромкій стонъ и беззвучное судорожное рыданіе послышавшееся въ углу задержало его на минуту... Недовольная гримаса сморщила румяныя губы...

— Слезы? Стыдитесь, господинъ Лядовъ. Не думаете-ли вы разжалобить меня этимъ? Предупреждаю, я врагъ сантиментовъ, и никакія истерики не растрогаютъ меня.

И, не глядя на худого, блѣднаго, одѣтаго въ порыжѣвшій костюмъ и рваные сапоги человѣка, продолжавшаго судорожно рыдать въ углу кабинета, господинъ Мадаровъ, управляющій ситцевой фабрики «Ракушина и Сыновей», взялся было за ручку двери...

Неожиданно кто-то предупредилъ его, съ противоположной стороны. Дверь широко распахнулась, и худенькій, блѣдный, хрупкій, какъ тепличное растеніе, мальчикъ, появился на порогѣ. У мальчика были огромные голубые глаза, свѣтлые, мягкіе какъ день, волосы, вьющіеся по плечамъ и болѣзненно прозрачная кожа, просвѣчивавшая голубыми жилками на лбу и вискахъ... Мальчикъ вскинулъ на отца удивленными глазами, потомъ перевелъ ихъ на рыдающаго человѣка и съ волненіемъ въ голосѣ прошепталъ:

— Папа, папа, о чемъ онъ плачетъ? Кто его обидѣлъ, бѣдняжку? Папа, милый, успокой его! О чемъ вы плачете, мой дорогой? нѣжно, нѣжно зазвенѣлъ слабый голосокъ мальчика по адресу рыдающаго человѣка и, быстро подбѣжавъ къ нему, онъ привсталъ на цыпочки, стараясь дотянуться до худыхъ, обвѣтренныхъ рукъ, закрывавшихъ облитое слезами лицо.

Плачущій человѣкъ затихъ на минуту, словно прислушиваясь къ дѣтскому голосу. Потомъ глухой стонъ, вырвался изъ его груди, и онъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты.

II.

— Папа, папа, милый! Какъ онъ плакалъ! Какъ онъ ужасно плакалъ, папа! О чемъ? — и голубые невинные глаза ребенка впились пытливымъ взглядомъ въ лицо отца... Это лицо, самодовольное и жесткое за минуту до этого, когда владѣлецъ его разговаривалъ съ бывшимъ только что, отказаннымъ имъ младшимъ конторщикомъ, теперь совсѣмъ преобразилось: безконечная отцовская любовь и нѣжная ласка къ сыну смягчили до неузнаваемости суровыя черты управляющаго. Онъ вернулся къ своему креслу, усѣлся въ него, посадилъ къ себѣ на колѣни сына и, баюкая его, какъ маленькаго ребенка, заговорилъ нѣжнымъ груднымъ голосомъ, какой врядъ ли можно было предположить у такого грубаго, и суроваго на видъ человѣка...

— Полно, полно, маленькій Ральфъ. Не волнуйся. Мало-ли какое есть горе у этого человѣка! Не думай о немъ. Ты у меня такой нѣженькій и хрупкій, тебѣ вредно волноваться, мой мальчикъ... Поговоримъ лучше о другомъ! Послушай-ка, милый: какъ только спадутъ немного морозы, утихнутъ мятели,—ты съ мамой уѣдешь въ Ниццу, къ теплому солнышку, къ синему морю, какъ въ прошломъ году, помнишь? Тамъ много

цвѣтовъ... Тамъ тепло-тепло и чудесно... Тамъ не будетъ болѣть грудка у моего Ральфа... Слышишь, маленькій Ральфъ?

И господинъ Мадаровъ осторожно склонился къ сыну и съ невыразимой любовью коснулся губами блѣднаго лобика съ голубыми жилками у висковъ.

Что-то мучительно стѣснило ему сердце... Этотъ сухой дѣлецъ, «каменный человѣкъ», какимъ его считали всѣ на фабрикѣ, трепеталъ каждую минуту за жизнь своего единственнаго, хрупкаго и болѣзненнаго сына...

— Да, да, скорѣй его на югъ отправить. Въ Ниццу, въ тепло. Солнце и воздухъ сдѣлаютъ его здоровымъ, проносились въ головѣ Мадарова тревожныя мысли. Но вотъ, затихшій было и свернувшійся на колѣняхъ у отца, какъ котенокъ Ральфъ, прошепталъ чуть слышно:

— Должно быть у него большое горе, папа, если онъ такъ плакалъ!

— Ахъ, ты опять о немъ... объ этомъ лѣнтяѣ. Забудь его! Забудь его, мой мальчикъ. Каждый тунеядецъ, не желающій работать, не долженъ волновать тебя, птичка моя! — успокаивалъ сына управляющій, нѣжно цѣлуя его.

— Но онъ такой бѣдный! Такой несчастный, папа!— зазвенѣлъ снова слабенькій голосокъ Ральфа, и прекрасные голубые глаза его наполнились слезами.

— Не думай о немъ, голубчикъ! Не думай о немъ! Мало-ли горя на свѣтѣ! Всѣхъ горюющихъ утѣшить нельзя.

— Онъ, должно быть, очень бѣденъ, папа... — не

слушаясь отца, печальнымъ голосомъ залепеталъ ребенокъ, — видѣлъ ты его костюмъ?.. Онъ былъ весь въ заплатахъ. Послушай, папа... У меня есть много денегъ въ копилкѣ... Позволь мнѣ отдать ихъ ему, онъ вѣдь придетъ еще разъ сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ никогда не придетъ сюда, мальчикъ... нѣсколько раздраженно вырвалось изъ груди управляющаго. — И забудь о немъ навсегда! Онъ лѣнивый, не желающій трудиться человѣкъ и... и не стоитъ о немъ заботиться больше! Сказавъ это, Мадаровъ всталъ съ кресла съ сыномъ на рукахъ и вышелъ изъ своего роскошнаго, нѣсколько сумрачнаго, кабинета.

III.

Лядовъ торопливо шагалъ по улицѣ... Было морозно и вѣтрено. Мятель кружила, какъ фурія, по городу въ своей дикой пляскѣ. Острый, рѣзкій, пронзительный вѣтеръ заползалъ подъ ветхую одеженку Лядова и заставлялъ буквально коченѣть отъ холода его худое измученное нуждою тѣло.

— О, эта нужда! Вотъ уже два года онъ не можетъ съ семьей вырваться изъ ея цѣпкихъ объятій. Лѣтъ пять тому назадъ они были еще такъ счастливы своей судьбой, онъ, его жена и ребенокъ. Его кроткая, добрая жена и ихъ милая маленькая дѣвочка. У нихъ было крошечное состояніе, помѣщенное въ надежныя руки. Они жили въ довольствѣ процентами съ него. Но понадобились временно деньги его другу-товарищу, и Лядовъ, гуманный и довѣрчивый отъ природы, вручилъ ему все, что имѣлъ... Дѣло товарища

оказалось проиграннымъ, онъ потерялъ деньги свои и Лядова, и въ результатѣ — послѣдній съ женою и маленькой дочерью остался нищимъ.

Начались скитанія... Ужасная, томительная погоня за мѣстомъ. Мѣсто находилось трудно, такъ какъ Лядовъ былъ очень мало образованъ: онъ имѣлъ свидѣтельство объ окончаніи только четырехъ классовъ гимназіи. Наконецъ, послѣ долгихъ мучительныхъ скитаній, судьба толкнула его въ контору ситцевой фабрики «Ракошина и Сыновей», и онъ былъ принятъ на крошечное жалованье.

Его близкіе передохнули немного, но не надолго. Начались болѣзни. Сначала стала прихварывать жена, потомъ самъ Лядовъ и, наконецъ, маленькая Женя...

Пошли манкировки на службѣ... вычеты изъ жалованья... выговоры, предупрежденія объ отставкѣ и, наконецъ... удаленіе.

О, Боже, какъ вздрогнулъ Лядовъ, вспомнивъ о томъ, зачѣмъ онъ шелъ сегодня къ Мадарову и что получилъ взамѣнъ всего... Только два дня тому назадъ ему выдали жалованье за мѣсяцъ, эти жалкіе 25 рублей, которые разошлись тутъ же въ уплату за комнату, въ лавку, на лекарство Женѣ, которая двѣ недѣли тому назадъ свалилась, подкошенная тяжелымъ непонятнымъ недугомъ, и уже не вставала съ постели...

И вотъ, ради этой то милой, маленькой Жени, онъ рѣшился пойти сегодня къ черствому безчеловѣчному, по общему мнѣнію, Мадарову и попросить у него впередъ хоть нѣсколько рублей на доктора для больной дочки... А взамѣнъ того...

Мучительный стонъ вырвался изъ груди Лядова... Онъ схватился за голову...

Красные круги завертѣлись у него въ глазахъ...

IV.

— Далъ?

Молодая, измученная, болѣзненнаго вида женщина встрѣтила мужа на порогѣ полутемной комнаты, гдѣ было нестерпимо холодно, и дуло, какъ въ сараѣ. — Далъ?— тревожно проронили ея блѣдныя губы, и она протянула исхудалую руку впередъ...

Глухой стонъ вырвавшійся изъ груди ея мужа, былъ ей отвѣтомъ.

— Прогналъ?!—беззвучно проронили губы Лядовой, и лицо ея блѣдное за минуту, теперь приняло неживой, мертвенный оттѣнокъ.

— Прогналъ... Совсѣмъ прогналъ...—вырвалось изъ груди Лядова,—совсѣмъ со службы прогналъ... О, Боже! Боже! за что наказуешь Ты насъ!..

— Бѣдная Женя! Бѣдная Женя!

Молодая женщина едва нашла въ себѣ силы подойти къ убогой покрившейся кровати, гдѣ на простомъ сѣнномъ матрацѣ, подъ рваным одѣяломъ лежала больная, исхудалая, какъ щепка, дѣвочка съ жалкимъ измученнымъ личикомъ и плотно сомкнутыми глазами. Мучительный недугъ отражался во всѣхъ ея заострившихся чертахъ... Изъ запекшагося широко раскрытаго ротика вылетало со свистомъ тяжелое дыханіе, впалая грудка подымалась неровно... Чуть слышный стонъ то и дѣло слеталъ съ потемнѣвшихъ отъ жара ссохшихся губъ...

Мать склонилась надъ несчастнымъ ребенкомъ и скорбными, полными невыразимой муки, глазами, всматривалась въ это дорогое лицо... Отецъ наскоро подавилъ въ себѣ острый приступъ почти непосильнаго горя, тоже приблизился къ убогому ложу дочери.

— Она умретъ, если мы оставимъ ее здѣсь, въ этой ужасной обстановкѣ... Въ городской больницѣ свирѣпствуетъ тифъ, и я ни за что не рѣшусь помѣстить туда нашу Женю... А денегъ на доктора и на лекарства у насъ больше нѣтъ!—безсвязно, глухимъ, чужимъ голосомъ роняла жена Лядова...

— Ей нуженъ куриный бульонъ, хорошее вино, лѣкарство... А главное—свѣтлая комната... Воздухъ и солнце, а здѣсь, въ этой могилѣ она умретъ,—помолчавъ съ минуту съ новымъ приступомъ остраго отчаянія заломила она свои руки.

— Женя умретъ!—эхомъ отозвалось на душѣ Лядова.—Милая, родная, маленькая Женя умретъ! Умретъ, безъ воздуха, безъ свѣта, безъ сухой теплой комнаты, безъ лекарствъ, потому что... потому что они бѣдны... они нищіе... у нихъ нѣтъ денегъ!...

Нѣтъ денегъ!—насмѣшливо повторилъ кто-то въ глубинѣ сердца обезумѣвшаго отъ ужаса человѣка,—нѣтъ денегъ, но они должны быть!.. Должны быть, чтобы спасти Женю... Они будутъ! Ты долженъ ихъ достать!

Лядовъ даже похолодѣлъ отъ неожиданности... Острая, какъ жало, мысль пронзила его мозгъ... Такъ чудовищна и, между тѣмъ, такъ мучительно ясна показалась ему эта мысль!

Такъ ясна! Да, поразительно проста и ясна! И какъ

раньше не додумался онъ до этого... Когда только одно это и можетъ спасти ихъ Женю, ихъ бѣдную маленькую Женю, надъ которой уже витаетъ алчная смерть...

V.

Лядовъ снова зашагалъ по темной улицѣ. Вьюга поетъ. Вѣтеръ пронизываетъ насквозь. Трудно было различить въ такой темнотѣ дорогу. Фонари едва мерцаютъ и кажутся подслѣповато мигающими желтыми пятнами среди тучъ, залѣпляющаго ихъ снѣга. Лядовъ шагаетъ однако бодро и легко... Въ его душѣ живетъ твердое сознаніе: необходимо покончить какъ можно скорѣе съ тѣмъ страшнымъ дѣломъ, на которое онъ твердо рѣшился ради спасенія дочери... Еще наканунѣ, если-бы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ способенъ сдѣлать нѣчто подобное,—онъ, Лядовъ, счелъ бы себя глубоко обиженнымъ и оскорбленнымъ... Но сейчасъ... Сейчасъ совсѣмъ иное... Сейчасъ онъ весь горитъ одной мыслью, однимъ порывомъ: достать денегъ, непремѣнно достать денегъ, чтобы спасти родную маленькую Женю... какимъ бы то ни было путемъ!

Конечно, ни она, ни ея мать, никогда не узнаютъ объ этомъ... Никогда! Никогда въ жизни! Онѣ не поймутъ его, еще чего добраго и осудятъ его... Но его не за что судить... Любовь къ дочери—ему оправданіе... О, только бы удалось!.. Удалось это...

Лядовъ зашагалъ быстрѣе... Вотъ глянулъ на него темными окнами управительскій домъ... Вотъ и контора... Лядовъ знаетъ боковую дверь, которая никогда не закрывается до двѣнадцати ночи... Къ чему закры-

вать, когда входъ въ контору, все равно охраняетъ сторожъ. Но сторожа онъ не боится... Лядовъ знаетъ сторожа и скажетъ ему, что идетъ разбудить хозяина, по важному, экстренному дѣлу... Сторожъ не слышалъ еще конечно объ отставкѣ младшаго конторщика и, разумѣется, не замедлитъ пропустить его въ домъ...

А тамъ онъ, Лядовъ, уже знаетъ дорогу въ контору... Завтра день получекъ... А деньги Мадаровъ съ вечера, наканунѣ получекъ, запираетъ въ столѣ... въ маленькой комнаткѣ, гдѣ днемъ сидитъ бухгалтеръ, а ночью нѣтъ, ни души...

Онъ, Лядовъ, пройдетъ въ эту комнату, перочиннымъ ножемъ откроетъ столъ и...

О, много онъ не возьметъ! Ему надо ровно столько, чтобы дать возможность нанять теплую свѣтлую комнату для Жени, купить ей лекарства, вина и уѣхать въ Петербургъ, когда поправится дѣвочка, искать мѣсто, которое онъ, Лядовъ—найдетъ, навѣрное найдетъ!.. Найдетъ мѣсто, будетъ служить, поправится съ дѣлами и тогда... тогда онъ можетъ вернуть обратно Мадарову эти несчастные деньги, въ письмѣ безъ надписи, или просто даже въ конвертѣ почтой, безъ всякаго письма, эти самыя деньги, за которыми онъ теперь крадется, какъ воръ...

Мысли, какъ вихрь кружатся въ головѣ Лядова... Мозгъ его, несмотря на стужу, горитъ какъ въ огнѣ... Сердце стучитъ такъ шибко, что кажется слышно его біеніе... Вотъ и заднее крыльцо управительскаго дома... Вотъ и дверь въ сѣни, въ контору... Сторожъ въ своей мохнатой шубѣ, похожій на огромнаго звѣря,

стоитъ спиной къ нему, Лядову... Слава Богу! Можно прошмыгнуть мимо него незамѣтно на крыльцо...

Трепещущій... помертвѣвшій отъ страха Лядовъ въ два прыжка уже тамъ... Безъ звука поддалась дверь... Темные сѣни... Потомъ коридоръ длинный черный... Онъ крадется чуть слышно на угадъ... Тьма кромѣшная! Ни зги не видать!.. Въ домѣ управляющаго ложатся рано и хозяева и прислуга. Изъ большихъ дверей доносится храпъ... Это людская... контора дальше, тамъ въ концѣ коридора... Лядовъ скользитъ какъ фантомъ въ темнотѣ, протянувъ руки впередъ... Трудно узнавать путь на ощупь... Вотъ его пальцы уперлись во что-то твердое... Стопъ...

— Дверь! Дверь въ контору!

Лядовъ вздрогнулъ отъ радости!.. Протянулъ руку... Чуть слышно прозвучалъ звукъ повернутой задвижки... Дверь поддалась...

VI.

Долго не могъ спать въ этотъ вечеръ маленькій Ральфъ Мадаровъ... Болѣла грудь, ныла спина... То и дѣло появлялся въ воспоминаніи плачущій человѣкъ въ отцовскомъ кабинетѣ. И маленькій впечатлительный Ральфъ поминутно возвращался мыслью къ нему.

— О чемъ онъ плакалъ? Отчего ему такъ горько?— Кто обидѣлъ его?..

Горѣлъ маленькій мозгъ, томилось жалостью маленькое сердце... Хотѣлось сдѣлать что-нибудь большое, доброе, для плачущаго человѣка, хотѣлось утѣшить его...

А на столѣ въ дѣтской была насыпана кучка де-

негъ, блестящихъ новенькихъ десятирублевиковъ, лежавшихъ до сихъ поръ мирно въ кошелькѣ, подаренныхъ въ разное время Ральфу его отцомъ, успѣвшимъ скопить на фабрикѣ Ракушкина и Сыновей крупное состояніе...

Еще съ вечера, ложась спать, Ральфъ вынулъ ихъ изъ копилки съ тѣмъ, чтобы на утро, узнавъ предварительно отъ старшаго конторщика адресъ того «плачущаго», отослать деньги ему...

И мальчикъ уже мечталъ съ восторгомъ о томъ, съ какимъ радостнымъ настроеніемъ поѣдетъ онъ, сдѣлавъ доброе дѣло, на далекій югъ въ милую теплую Ниццу, къ морю и разомъ отогрѣвать и лечить свое больное слабенькое тѣльце...

Легкій скрипъ въ дверь прервалъ его мысли. При свѣтѣ лампады, теплящейся у образа. Ральфъ увидѣлъ на порогѣ комнаты худого блѣднаго человѣка... Увидѣлъ, испугался, хотѣлъ крикнуть и вдругъ, узналъ его...

— Вы! Вы пришли ко мнѣ, вы вѣрно, почувствовали, что мнѣ васъ надо!—радостнымъ голосомъ залепеталъ мальчикъ, разомъ поднимаясь и садясь на своей постели. — О, какъ хорошо, какъ хорошо, что вы пришли... Видите! вонъ тамъ деньги на столѣ... Это для васъ... Вы такъ плакали сегодня въ кабинетѣ папы... что я... что я... Пожалуйста, возьмите ихъ... возьмите... Мнѣ не нужно... У меня все есть... А тутъ триста рублей... вы навѣрное очень нуждаетесь и у васъ такое ветхое пла...—тутъ Ральфъ стыдливо умолкъ смутившись тѣмъ, что сказалъ что-то лишнее этому бѣдному, такъ дурно одѣтому человѣку. Потому онъ

стремительно соскочивъ со своей кроватки и босой, въ одной рубашенкѣ, кинулся къ столу схватилъ сложенную тамъ кучку монетъ въ обѣ руки, и, не говоря ни слова, пересыпалъ ихъ въ карманъ Лядова...

Послѣдній стоялъ безмолвный, неподвижный, блѣдный, какъ смерть, пораженный въ самое сердце, такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

Онъ твердо шелъ по пути въ контору, а попалъ въ тихій пріютъ этого маленькаго ангела, заблудившись въ темнотѣ и спутавъ нечаянно двери.

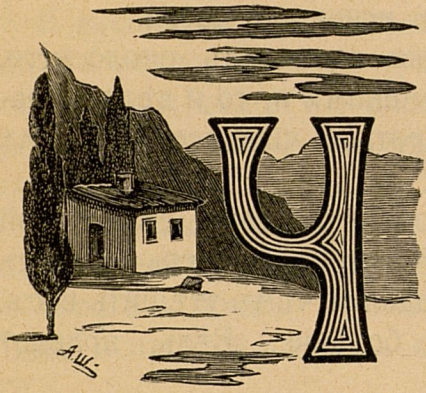
А маленькій ангелъ уже хлопоталъ около него, размѣщая деньги по его карманамъ и, то и дѣло, обращалъ къ нему блѣдное, кроткое сіяющее счастьемъ лицо...

— Ну, вотъ теперь готово!—шепталъ, съ кроткой сіяющей улыбкой, маленькій ангелъ,—теперь идите съ Богомъ! Можетъ быть я догадался чѣмъ утѣшить васъ, и теперь вы не заплачете больше... Вѣдь, правда? Правда?

Минутный столбнякъ разомъ соскочилъ съ Лядова... Дыханіе, спертое въ его груди, бурнымъ вздохомъ вылилось наружу... Казалось, онъ только сейчасъ понялъ смыслъ всего случившагося. Онъ поколебался съ минуту... Самыя разнородныя ощущенія наполнили все его потрясенное до глубины души существо... Стыдъ, жгучая радость отъ возможности спасенія его Жени и мучительное раскаяніе заговорили въ немъ... И, не помня себя отъ охватившаго его волненія, Лядовъ тяжело рухнулъ на полъ, къ ногамъ изумленнаго Ральфа и произнесъ голосомъ прерывающимся отъ счастья и стыда:

— Благослови васъ Богъ, добрый мальчикъ... Вы спасли мою умирающую дочь... и... и... дали возможность ея несчастному отцу оставаться честнымъ человѣкомъ...

И почти съ благоговѣніемъ, коснувшись губами худенькой рученки Ральфа, вскочилъ на ноги и, какъ безумный, выбѣжалъ изъ дѣтской...



Дашутка.

I.

УТЬ-ЛИ не цѣлый десятокъ лѣтъ обитатели деревни Крутыя Горки не видѣли такого оживленія и суеты въ господской усадьбѣ, какая поднялась тамъ за послѣднія двѣ недѣли. Въ «Голубушкиномъ» (такъ звали помѣщичій хуторъ и прилегавшія къ нему двѣ сотни десятинъ, сданныя подъ посѣвы въ аренду крестьянамъ) усердно чистили, мыли и скребли...

Приказчикъ, онъ же и конторщикъ и главный управляющій Голубушкинскаго хутора, маленькій, юркій человѣчекъ съ раскосыми глазами, еще за мѣсяцъ до пріѣзда господъ, тотчасъ по полученіи письма изъ Питера, кликнулъ кличъ на всю деревню Крутыя Горки, вызывая охотницъ изъ деревенскаго бабьяго персонала для работъ по приведенію въ порядокъ дома и усадьбы. Набралось человѣкъ двадцать крестьянокъ, не глядя

на страду, и дѣятельно взялись онѣ за работу: расчищали тѣнистый и запущенный садъ, гдѣ подъ каждой липой такъ и тянуло помечтать о чемъ-то невидимомъ и прекрасномъ и гдѣ такъ славно пахло мятой и пряным тминомъ и трещали зеленые кузнечики, въ высокой по поясъ травѣ.

Наскоро косили эту траву возлѣ садоваго пруда, расчищали площадку, помогали рабочимъ вѣшать качели, и въ самомъ домѣ, похожемъ своей затѣйливой архитектурой скорѣе на какой-то средневѣковый замокъ, съ башенкой-вышкой и разноцвѣтными окнами въ ней и на балконѣ, въ самомъ домѣ шла та-же нескончаемая спѣшная суета. Мылись полы, мылись окна и двери... Снимались паутины съ угловъ, натирались до блеска мѣдныя ручки и задвижки... Противъ крыльца наскоро разбивались клумбы, а скотница—она же и птичница—Авдотья, на попеченіи которой находилось четыре коровы, молодой бычокъ Андрейка, два десятка куръ и одноглазый пѣтухъ, потерявшій въ неравномъ бою съ деревенскимъ Петькой одинъ изъ столь необходимыхъ органовъ зрѣнія, командовала бабами, звонко покрикивая на нихъ и съ шумомъ таская ведра и выбивая пыль изъ старой, изрядно уже попорченной молью мебели и ковровъ.

Тутъ же, на хуторѣ, маячила и ея четырнадцатилѣтняя дочь Дашутка, черноволосая, черноглазая дѣвчурка, съ бронзовыми отъ загара ногами и съ острымъ цыганскаго типа смышленымъ личикомъ. Про цыганскій типъ Дашутки ходило не мало росказней въ деревнѣ Крутыя Горки, расположенной, дѣйствительно, если не на крутомъ, то во всякомъ случаѣ на до-

вольно таки высокомъ холмѣ, идущемъ обрывомъ къ самой рѣчкѣ. Говорили, что Дашутку подкинули Авдотьѣ бродячіе цыгане, которые, наголодавшись и нануждавшись вволю, разбросали на чужой кормъ всѣхъ таборныхъ ребятъ, причемъ Дашутка и досталась господской скотницѣ въ усадьбу. Однако, все то, что говорилось въ деревнѣ по поводу происхожденія Дашутки, было сущимъ вымысломъ и ложью. Попросту, Даша родилась ужъ такой «чернявой» отъ природы, будучи въ то же время несомнѣнной дочерью скотницы Авдотьи и ея покойнаго мужа, умершаго отъ тифа въ земской больницѣ лѣтъ десять тому назадъ.

Черноглазой Дашуткѣ теперь было очень много хлопотъ: то гоняли ее за водой къ колодцу, то заставляли полоть гряды, помогать старшимъ и расчищать садъ

Впрочемъ она далеко не огорчалась этимъ...

Съ широко раскрытыми отъ любопытства и восторга глазами Дашутка, какъ птица носилась по комнатамъ господскаго дома, казавшимся ей чудомъ роскоши и богатства, куда она впервые проникла за свою коротенькую жизнь. Этотъ домъ давно уже интересовалъ Дашутку. Живя въ крошечной избушкѣ на птичникѣ, отведенной ея матери. Дашутка частенько любовалась издали заколоченнымъ наглухо въ продолженіи долгихъ лѣтъ господскимъ домомъ, такимъ роскошнымъ и прекраснымъ какъ ей казалось снаружи, и мечтала не разъ о томъ, какъ сказочно-великолѣпно должно быть тамъ внутри его, за этими зелеными ставнями, ревниво оберегавшими разноцвѣтныя стекла въ окнахъ и дверяхъ...

Но вотъ получилось письмо изъ Питера, и словно по мановенію волшебной руки раскрылись зеленыя ставни, распахнулись окна, заиграли разноцвѣтныя стекла въ блескѣ солнечныхъ лучей, и счастливая Дашутка проникла въ таинственный домъ съ матерью и бабами изъ деревни.

II.

Телеграмма!

Еще ночью конторщикъ Иванъ Мартыновичъ получилъ телеграмму отъ господъ съ дороги. Всего коротенькія четыре слова:

«Будемъ завтра. Генеральша Дородина». И только. Но эти четыре слова перевернули весь міръ Голубушкинской усадьбы. Если въ послѣднія двѣ-три недѣли тамъ кипѣла горячка работы, то теперь она заклокотала тамъ, какъ вулканъ... Какъ духи носились люди изъ дома въ садъ, изъ сада въ домъ и обратно, заканчивая оставшіяся имъ мелочи уборки. Авдотья, обычно добрая и ласковая съ дочкой, теперь раздражительно и зло покрикивала на нее и даже угостила здоровеннымъ шлепкомъ, зазѣвавшуюся несвоевременно Дашутку. Къ вечеру однако пріутихла сутолока и сумасшедшая возня въ усадьбѣ. Голубушкинскій хуторъ былъ готовъ къ пріему господъ. Домъ стоялъ чистый, выскобленный, сіяющій, какъ имянинникъ...

Дашутка съ послѣдними лучами заката пробралась въ садъ, бросилась въ мягкую душистую іюньскую траву и, вперивъ немигающіе черные глаза въ привѣтливо улыбающееся всѣми своими многоцвѣтными стек-

лами зданіе, смотрѣла безъ устали и думала, думала, несложную молодую думку.

Эта думка послѣдніе дни положительно не давала покоя дѣвочкѣ. Ровно гвоздь вбилась она въ ея кудрявую черную, какъ у цыганки, головку и сверлила ее...

— Ужъ ежели домъ такой красивый да нарядный, каковы же должны быть тѣ, кто въ этомъ домѣ поселяются! — вихремъ проносилась мысль за мыслью подъ черными кудрями Дашутки,—а какіе важные да гордые люди должны ходить по этимъ коврамъ, сидѣть въ бархатныхъ съ позолотой креслахъ, спать на мягкихъ постеляхъ подъ кисейными пологами и шелковыми стегаными одѣялами! Не простые то должно быть люди,—мысленно соображала Дашутка,—а важные, богатѣющіе господа, ровно сказочные цари и царевны!

О сказочныхъ царяхъ и царевнахъ Даша слыхала отъ дѣдки Пахомыча, отца ея матери, жившаго у нихъ въ избушкѣ на скотномъ дворѣ и медленно умиравшаго отъ какой-то странной болѣзни, отъ которой не могли его вылечить никакіе земскіе доктора. Уже десятый годъ не встаетъ дѣдка съ лежанки, плететъ лапти на продажу, которые носитъ Дашутка въ дни ярмарокъ въ сосѣдній городъ продавать, да сказываетъ сказки внучкѣ, до которыхъ она великая охотница.

Въ молодости дѣдка служилъ въ морской службѣ, много видѣлъ чужихъ земель и народовъ, много изъѣздилъ городовъ и странъ на своемъ вѣку, да теперь наполовину перезабылъ все видѣнное и частенько путаетъ быль съ небылицей, но все-таки любитъ раз-

сказывать, и Дашутка слушаетъ его съ великой радостью.

Знаетъ Пахомычъ сказки про царя Кащея, про Ивана Царевича и сѣраго волка, знаетъ про Царевну Горошинку, и про негра добряка, и про злого янки—плантатора... Въ долгіе зимніе вечера, убравъ со стола ужинъ и, забравшись на лежанку къ дѣду, слушаетъ эти сказки Дашутка и кипитъ отъ нихъ ея воображеніе, и горитъ молодой воспріимчивый мозгъ.

И потомъ, подолгу она переживаетъ слышанное, и чудятся ей всюду сказочные образы, и во всемъ преобладаетъ въ ея мысляхъ фантастически - волшебный міръ...

— У-у! блажная! Сказочница этакая непутевая!— не разъ сердито бросаетъ въ нее мать упрекомъ, когда замечтавшаяся дѣвочка отвѣчаетъ ей невпопадъ или забываетъ исполнить заданную ей работу. А то и угоститъ подзатыльникомъ, не глядя на всю свою любовь къ дочуркѣ.

Но, съ нѣкоторыхъ поръ, забыты Дашуткой прекрасныя сказки дѣда, и не тормошитъ она больного старика новыми просьбами разсказывать ихъ. Иныя мысли, иные идеалы съ головой поглотили дѣвочку.

— Что за важные господа Голубушкинскіе помѣщики? Сколько ихъ понаѣдетъ? Какіе они съ виду? Небось разодѣтые, важные...

Скрылось, потухло солнце. Подернулся голубоватой дымкой іюньскій вечеръ. Заквакали лягушки на пруду. Роса обрызгала цвѣты и травы, а съ ними и босыя ноги Дашутки. Дѣвочка вскочила съ травы, духомъ пролетѣла садъ и дворъ и скрылась за дверь-

ми избушки, гдѣ уже раздавался громкій храпъ ея матери, притомившейся за день, да ворочался на лежанкѣ старый дѣдъ. Проворно раздѣлась и легла Дашутка на лавку, гдѣ стлала себѣ свою жесткую постель. Но спать не могла. Все думала о господахъ и ихъ пріѣздѣ на хуторъ... Сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ, словно дразня ее и волнуя. И только подъ утро забылась Даша, когда заря, охватившая полнеба, уже посылала свой веселый привѣтъ отдохнувшей за ночь землѣ...

III.

Пріѣхали!..

Дашутка видѣла сквозь отверстіе живой изгороди акацій (въ садъ, къ крыльцу она не посмѣла подойти), какъ они подъѣхали въ ямщицкой коляскѣ, взятой въ уѣздномъ городкѣ, мимо котораго проходила машина и гдѣ была станція желѣзной дороги. (Своихъ лошадей давно не имѣлось въ усадьбѣ, и экипажи были настолько стары, что страшно было примѣнять ихъ къ употребленію).

Итакъ, они пріѣхали. Ихъ было пятеро. Дашутка хорошо замѣтила это.

Во-первыхъ, толстая, рыхлая барыня въ сѣромъ ватерпруфѣ, въ большой шляпѣ на головѣ, и барышня съ такой тоненькой таліей, какихъ еще и не видывала Дашутка. Барышня была бѣленькая, какъ снѣжинка, худенькая, съ длинными тонкими руками и очень пышно причесанной головой.

Потомъ выскочилъ молодой человѣкъ изъ коляски, въ бѣломъ кителѣ и въ такой-же съ синимъ кантомъ фуражкѣ. Бойкая, вертлявая, франтоватая дѣвушка,

почти также пышно причесанная, какъ и барышня, но только въ черномъ платкѣ и бѣломъ передникѣ, хотя тоже со шляпой на головѣ, и, наконецъ, мужчина, одѣтый какъ баринъ, но только не баринъ. Это мигомъ сообразила Дашутка, потому что онъ сидѣлъ рядомъ съ ямщикомъ на козлахъ съ чемоданомъ въ рукахъ.

Дѣйствительно, какъ и узнала потомъ дѣвочка, «баринъ — не баринъ» оказался генеральскимъ поваромъ, хотя и ходилъ въ шляпѣ, какъ заправскій господинъ.

Генеральша Дородина при помощи сына-студента Поля и вертлявой горничной Мариши вышла изъ коляски. За нею птичкой выпорхнула ея дочь Нина, только что, этой весной, окончившая институтъ.

Дашутка видѣла изъ своей засады, какъ кинулся Иванъ Миронычъ, а за нимъ и ея, Дашуткина, мать Авдотья, къ барыниной «ручкѣ»... Какъ заголосили привѣтствія собравшіяся бабы и какъ господа прошли въ домъ, гдѣ уже ихъ ждалъ самоваръ, бѣлый домашній хлѣбъ, свѣжія яйца, масло и сливки, приготовленные Дашуткиной матерью къ этому знаменательному дню. За ними прошелъ и конторщикъ Иванъ Миронычъ и Авдотья. Рабочіе и бабы еще долго гуторили на дворѣ, потомъ стали расходиться... Дашутка осталась на своемъ наблюдательномъ посту и долго внимательно оглядывала окна дома въ сладкой надеждѣ хоть однимъ глазкомъ увидѣть господъ, особенно бѣленькую барышню, сразу поразившую воображеніе Дашутки.

— Ровно Царевна-Горошинка!—мысленно сравнила

ее дѣвочка съ любимой своей героиней изъ дѣдушкиныхъ сказокъ, и восторженное чувство къ этой воплощенной Царевнѣ-Горошинкѣ невольно закипало въ воспріимчивой душѣ Дашутки...

Изъ дома доносился звонъ посуды и отрывки рѣчей. Вотъ, до напряженнаго слуха дѣвочки долетѣлъ серебристый, словно журчанье бѣгущаго ручейка, голосокъ... Это смѣялась бѣленькая барышня съ длинными тонкими руками, и этотъ смѣхъ небесной музыкой разлился по всему сердцу Даши.

Ей казалось, что она давно уже знаетъ и любитъ эту красивенькую барышню, похожую на царевну изъ сказки, и все маленькое, пылкое существо Дашутки всѣми своими фибрами потянулось къ ней.

— Хошь-бы увидать еще разикъ единый! Хошь-бы однимъ глазкомъ!—мечтала Даша, не сводя съ оконъ дома своихъ разгорѣвшихся глазъ... И судьба словно услышала мольбы дѣвочки. Дверь террасы распахнулась, и въ рамкѣ растущихъ подлѣ крыльца акацій и сирени показалась воздушная свѣтлая фигурка барышни.

Нина протянула впередъ руки, граціознымъ жестомъ закинула назадъ голову и заговорила пѣвуче-мелодичнымъ голосомъ:

— О, какъ здѣсь хорошо!.. Какъ свѣтло... и свободно... Солнце и зелень.,. Прудъ ласковый! Сонный! Милый прудъ! Я хочу вволю напитаться этимъ воздухомъ! И цвѣты! Цвѣты! Я люблю васъ, милые цвѣты! Прекрасные мои цвѣты! Я соберу васъ въ букеты! Завью вѣнки изъ васъ, милые цвѣты, и буду пить вмѣстѣ съ вами этотъ просторъ, эту радость, это солнце.

Она замолкла на минуту и обернула голову къ террасѣ. Тамъ промелькнулъ бѣлый китель и фуражка съ синимъ околышемъ.

— Поль!—заговорила снова Нина тѣмъ же мелодичнымъ голосомъ, какого еще въ жизни не слыхала Дашутка—Поль! пойдемъ со мною, когда спадетъ жара, собирать цвѣты! Хочешь?

— Охотно! Если ты не боишься лягушекъ! — засмѣялся ея братъ и обнялъ гибкую тоненькую талію Нины.

— Лягушки! Брррръ! Какая гадость!—проронила она съ отвращеніемъ въ голосѣ и добавила тутъ же капризнымъ тономъ избалованнаго ребенка:—Но я хочу цвѣтовъ!

— Я охотно нарву тебѣ ихъ, когда хорошенько узнаю, гдѣ ихъ можно найти! Подожди только,—произнесъ студентъ.

— Но я не хочу ждать, я хочу сейчасъ получить цвѣты или по крайней мѣрѣ завтра утромъ! Проснуться и утонуть въ цвѣтахъ!—весело произнесла дѣвушка и звонко разсмѣялась.

— Боже, какъ поэтично! — вторилъ ей смѣхомъ студентъ, — ну совсѣмъ, совсѣмъ, какъ владѣтельная принцесса! Слушаю-съ, ваше высочество, завтра же у васъ будутъ цвѣты, — добавилъ онъ шутливо веселымъ тономъ, снова обнимая сестру.

Бѣленькая Нина вспыхнула отъ удовольствія и потомъ, какъ угорь, выскользнула изъ рукъ брата и скрылась въ домѣ.

Студентъ же сбѣжалъ по ступенямъ крыльца, вышелъ на дворъ и исчезъ за угломъ строенія.

Дашутка уже не лежала въ травѣ, какъ раньше... Она стремительно-быстро вскочила на ноги, какъ только услышала, что ея барышня — Царевна-Горошинка, какъ она мысленно уже окрестила бѣлую дѣвушку,— пожелала имѣть такъ скоро и такъ много цвѣтовъ.

— Ладно, будутъ цвѣты! Будутъ! Сколько душенькѣ твоей угодно! — шептала, сама того не замѣчая, вслухъ Дашутка.—Я-то ужъ такія мѣста въ лѣсу знаю, гдѣ и ромашка, и колокольцы, и кашки, и незабудки на болотѣ растутъ. Цѣлую охапку приволоку тебѣ, родненькая!

И съ новымъ загорѣвшимся въ глубинѣ ея глазъ огнемъ она стремглавъ кинулась отъ усадьбы по дорогѣ къ лѣсу.

IV.

Нина Дородина со свойственной ей поспѣшностью обѣжала садъ, прудъ, всю усадьбу... Спустилась къ рѣкѣ, побывала на мельницѣ, заглянула на птичій дворъ и въ коровникъ къ Авдотьѣ, продѣлавъ все это быстро, быстро и въ результатѣ къ пяти часамъ дня, осмотрѣвъ все, что заинтересовало ее въ первую минуту, она не знала уже рѣшительно, что дѣлать.

Всю свою коротенькую жизнь Нина провела частью въ институтскихъ стѣнахъ, частью на роскошной дачѣ въ Петергофѣ, гдѣ было все такъ нарядно, пышно и красиво. Гдѣ били высокіе фонтаны во главѣ съ царственнымъ Самсономъ *) и гдѣ старый тѣнистый паркъ

*) Самый грандіозный изъ Петергофскихъ фонтановъ, устроенныхъ по образцу Версальскихъ.

поражалъ своимъ великолѣпіемъ. Здѣсь же, въ глуши, въ старой деревенской усадьбѣ, куда они поневолѣ пріѣхали проводить лѣто съ матерью и братомъ, такъ какъ матеріальныя дѣла ихъ позапутались нѣсколько за послѣднее время, и надо было поэкономить въ лѣтній сезонъ, чтобы пышнѣе провести зимній, здѣсь, въ этой глуши, не было ни ровныхъ, утоптанныхъ, какъ полъ дорожекъ, посыпанныхъ гравіемъ, ни мелодичныхъ фонтановъ, ни бесѣдокъ и затѣй всевозможныхъ, къ которымъ съ дѣтства такъ привыкла Нина. Правда, былъ чудесный воздухъ, тишина и солнце, много солнца и зелени... Но... все же одинъ воздухъ и солнце—это должно быть далеко невесело! А Ниночка привыкла къ веселью, къ многолюдству, къ шумнымъ, бойкимъ подругамъ и пріятному времяпровожденію лѣтними каникулами. Сейчасъ передъ ней открывалась совершенно новая перспектива — провести лѣто въ деревенской глуши, въ старой позабытой усадьбѣ. Нина, въ какія-нибудь пять часовъ успѣвшая осмотрѣть всѣ ея уголки, теперь рѣшительно приходила втупикъ, не зная, что ей предпринять въ столь несвойственной ей и чуждой обстановкѣ...

Безцѣльно спустилась она въ садъ, прошла расчищенную площадку, заросшую бурьяномъ полянку и опустилась на скамью подъ старой развѣсистой липой... Здѣсь было прохладнѣе, нежели у дома. Кузнечики трещали въ травѣ, пестрые мотыльки порхали въ воздухѣ, назойливые комары носились тучами вокругъ бѣлокурой головки Нины.

Комары являлись далеко не желаннымъ элементомъ для нетерпѣливой дѣвушки, и она, живо раскаяв-

шись въ своемъ приходѣ сюда, рѣшительно встала, чтобы уйти домой, какъ неожиданно ярко-красное пятно среди общей зелени сада привлекло ея вниманіе. Пятно то пряталось, то выступало изъ-за кустовъ, назойливо дразня зрѣніе... Вотъ оно нырнуло въ травѣ и появилось снова...

Передъ изумленными глазами Нины стояла черноглазая крестьянская дѣвочка въ ало-красной кумачевой юбкѣ, босая, съ черной, какъ смоль, короткой косой. Въ рукахъ дѣвочки былъ цѣлый снопъ цвѣтовъ, пестрыхъ и душистыхъ, такихъ, какіе можно только найти въ глухихъ тайникахъ зеленыхъ лѣсовъ...

Съ этими цвѣтами, съ трудомъ сдерживаемыми маленькими смуглыми отъ загара руками, вся разгорѣвшаяся румянцемъ, съ сіяющимъ взглядомъ огромныхъ темныхъ, какъ вишни, глазъ, Дашутка такъ и просилась на картину.

Нина съ минуту любовалась ею, потомъ, ласково взглянувъ на нее, кивнула ей головой:

— Кто ты? Зачѣмъ у тебя столько цвѣтовъ? Какъ твое имя?—спросила она дѣвочку.

Дашутка смутилась. Потомъ лицо ея приняло смущенно-молящее выраженіе, она шагнула впередъ, протянула цвѣты Нинѣ и произнесла, потупивъ лукаво смышленные глазки:

— На... бери... Для тебя набрала... Бери... Сичасъ собрала для тебя...

— Мнѣ? Ахъ, ты, милочка моя! Нина быстро подбѣжала къ маленькой крестьянкѣ, подняла двумя пальчиками ея румяно-коричневое отъ загара личико за подбородокъ и глядя на нее, быстро-быстро заговорила:

— Какая ты хорошенькая! Чудо что за хорошенькая, и если тебя одѣть почище, то ты и совсѣмъ красавица будешь. Ты зайди ко мнѣ, Мариша уже разобрала мои вещи, и я тебя сниму... Тебя вѣдь никогда не снимали? Нѣтъ? Ну, конечно! Постой, я аппаратъ принесу только. Или нѣтъ, помоги мнѣ снести цвѣты въ мою комнату. Ступай за мною!

И не дожидаясь отвѣта со стороны опѣшившей дѣвочки, Нина стремительно зашагала по направленію къ дому въ сопровожденіи, дробью переступающей по дорожкѣ босыми ногами, Дашутки.

— Мама! взгляни, какую я красавицу привела! Деревенская принцесса! И вообрази только, съ рыцарскими наклонностями — мнѣ цвѣтовъ принесла! — и, самодовольно улыбаясь, Нина выставила впередъ Дашутку, прямо подъ пристально устремленные на нее черезъ лорнетъ взоры генеральши. Послѣдняя долго разсматривала застыдившуюся дѣвочку, прикрывшую лицо рукавомъ рубахи... Потомъ многозначительно протянула:

— Мм! Она, очень мила! и тутъ же, забывъ о Дашѣ, принялась за чтеніе прерваннаго романа.

Между тѣмъ Нина провела дѣвочку въ свою комнату, взяла отъ нея цвѣты, передала ихъ франтоватой Маришѣ, потомъ, взявъ въ руки какой-то ящикъ, повозилась съ нимъ минуты двѣ-три и, приказавъ Дашуткѣ стоять смирно, громко щелкнула какимъ то замочкомъ...

Едва-ли понимала Даша, что таинственный ящикъ былъ фотографическій аппаратъ, о которомъ она и во снѣ не грезила и наяву не знала. Но она готова

была теперь не только простоять нѣсколько минутъ передъ таинственнымъ ящикомъ, но пойти въ огонь и воду за милой бѣленькой барышней, у которой былъ такой задушевный голосъ и такое чудно-ласковое лицо!

А барышня усѣлась въ кресло, посадила рядомъ съ собою Дашу и, гладя ее по головкѣ, заворковала своимъ нѣжнымъ голоскомъ.

— Ты такая милая, такая красоточка, цыганочка ты моя прелестная! Я тобой займусь хорошенько... Ты черезъ три дня ко мнѣ приди... Я тебя, какъ куколку наряжу, еще сниму въ разныхъ позахъ, конфектъ дамъ тебѣ много, много! Слышишь? А теперь, поцѣлуй меня! Ну!

Но Даша никакъ не могла рискнуть коснуться губами этого нѣжнаго, бѣлаго, какъ сахаръ, личика и стояла смущенно, потупивъ глаза въ землю и тяжело дыша.

Тогда Нина вскочила съ своего мѣста, обняла Дашутку и, покрывъ ея лицо поцѣлуями, смѣясь и тормоша ее, защебетала весело, какъ птичка:

— Приходи, приходи! Непремѣнно! Мнѣ скучно одной. Слышишь?! Подругъ у меня нѣтъ, вотъ ты и будешь моей подругой! Да?

. . . . . .

. . . . . .

— Такъ и сказала?

— Такъ и сказала, дѣдушка! Вотъ те Христосъ! Приходи, говоритъ, нѣтъ у меня подружекъ! Моей подружкой будешь! А сама-то бѣлая, ровно сахарная, и глазыньки—што цвѣтки. Сущая Горошинка-Царевна!

Стр. 190.

— Ой, Дарья, худа-бы какого не вышло? ой, не ходи! Съ господами не тебѣ, грязнулѣ, возжаться... Отъ господъ подалѣе надоть. Обидишь ихъ еще ненарокомъ, не приведи Господи, неученостью своей, — и дѣдушка Пахомычъ, кряхтя и ворошась на своей лежанкѣ, полупотухшими глазами взглянулъ на внучку.

Дашутка была сама не своя... Бѣленькая барышня совсѣмъ полонила ея сердце. Такъ-бы и сорвалась, такъ-бы и побѣжала къ ней Даша и разсказала-бы ей, какъ сладко у нея на душѣ отъ ласковыхъ словъ и ея поцѣлуевъ...

А тутъ дѣдка еще со своими предостереженіями! Отъ господъ-де подалѣ! Какъ-бы не такъ! Нѣтъ, ужъ теперь-то она, Дашутка, ни на шагъ не отойдетъ отъ бѣленькой барышни, отъ Царевны-Горошинки своей!

И твердо порѣшивъ на этомъ, дѣвочка уснула въ эту ночь, полная грезъ и мечтаній о зачаровавшей ее Нинѣ...

V.

— Ну, развѣ ты не красавица! Ну, развѣ ты не прелесть! Мама! Поль! Идите же всѣ сюда, смотрите на мою Сандрильону, превратившуюся въ принцессу!— и, поворачивая во всѣ стороны Дашутку, Нина торопила мать и брата полюбоваться на свою затѣю.

А полюбоваться было на что.

Дашутка, странно измѣнившаяся, стояла посреди комнаты, на ней было надѣто бѣлое прошлогоднее платье Нины, изъ котораго та успѣла уже вырости, и красный шелковый шарфъ, накинутый на плечи и драпирующій весь тонкій еще не сложившійся станъ

дѣвочки. Черные недлинные, но густые волосы Дашутки были распущены по плечамъ, и на нихъ Нина положила только-что сплетенный ею вѣнокъ изъ алой кашки и лѣсной гвоздики. Въ этомъ фантастическомъ костюмѣ Дашутка походила на дикую лѣсную нимфу и была очень мила.

И генеральша и Поль подтвердили это, послѣ чего Нина снова взялась за свой фотографическій аппаратъ и сняла Дашутку въ разныхъ позахъ: и когда она стояла и когда полулежала и на кушеткѣ, и съ закрытыми глазами, и улыбающуюся и серьезную, словомъ въ десяти разныхъ видахъ.

Потомъ она накормила до отвала свою новую подругу какими-то сладкими, душистыми, тающими, какъ снѣгъ, во рту, конфетами и потащила ее въ садъ въ томъ же бѣломъ платьѣ и красномъ шарфѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, дѣлавшимъ простую крестьянскую дѣвочку похожей на сказочную принцессу.

Здѣсь онѣ качались на качеляхъ, и, сидя подлѣ Даши на медленно движущейся доскѣ, Нина разсказывала ей про далекій Петербургъ, про институтскую жизнь, про веселые праздники въ лѣтнее время, про прекрасные петергофскіе сады и тихо рокочущіе фонтаны.

Половину этихъ рѣчей не понимала Дашутка, но отъ самаго голоса Нины, звучавшаго, какъ серебристый колокольчикъ, и отъ ея ласково обращеннаго къ ней лица, сердце маленькой крестьяночки сладко и нѣжно сжималось сознаніемъ прелести этой новой, такъ неожиданно и прекрасно возникшей дружбы. И казалось, въ эти минуты Дашуткѣ: прикажи ей сейчасъ

ласковая барышня броситься въ прудъ, — она-бы бросилась, не медля ни секунды, не разсуждая ни о чемъ, чувствуя одно только: свою безграничную рабскую привязанность къ бѣленькой барышнѣ, къ Царевнѣ-Горошинкѣ изъ дѣдушкиной сказки . . . . . .

. . . . . .

Бѣжало лѣто... А дружба между тонкой мечтательной Ниной Дородиной съ Авдотьиной Дашуткой все крѣпла и росла съ каждымъ днемъ. Ходили онѣ вмѣстѣ въ лѣсъ за земляникой, ловили раковъ на рѣчкѣ, забирались на сѣнокосы, валялись въ свѣжемъ сѣнѣ, хохотали до слезъ...

Иногда Нина взбиралась на стогъ или на копну сѣна и, вся залитая золотыми солнечными лучами, декламировала оттуда какіе-нибудь стихи, пѣвучіе и звонкіе, какъ музыка, а Дашутка слушала ее съ широко раскрытымъ ртомъ и восторженно вытаращенными глазами и казалась ей тогда Нина какимъ-то особеннымъ, прекраснымъ не земнымъ существомъ. А вечеромъ, когда спадалъ жаръ, шли въ садъ подъ старую липу, и здѣсь Нина разсказывала Дашуткѣ про веселую беззаботную господскую жизнь, гдѣ каждый день проходилъ, какъ праздникъ. Изнѣженная, балованная и капризная барышня, испугавшись предстоящей ей деревенской скуки, рада была найти хоть какое-либо развлеченіе въ здѣшней глуши. Такимъ развлеченіемъ и служила ей смышленая, черноглазая Дашутка.

VI.

— Къ нашимъ господамъ Раковская барыня съ баричами и барышнями пріѣхали! Къ ужину пѣтушковъ новогоднихъ зарѣзать велѣно! Помоги-ка-сь, Дашка, поймать!—рѣзкимъ голосомъ проговорила Авдотья, входя въ избу, гдѣ передъ зеркальцемъ прихорашивалась Дашутка, собиравшаяся только что итти къ Нинѣ, проводившей неизмѣнно вмѣстѣ съ нею эти вечерніе часы въ саду. Съ неохотой исполнила дѣвочка приказаніе матери и, кое-какъ пособивъ ей, незамѣтно выскользнула изъ избы. Пробѣжала птичникъ, дворъ и очутилась у знакомыхъ акацій... Ея рука протянулась было уже къ калиткѣ, еще шагъ и она будетъ сейчасъ въ старомъ, миломъ саду, гдѣ такъ славно пробѣгали часы досуга съ этой нѣжной бѣленькой Ниной... Пусть тамъ въ домѣ сидятъ пріѣзжіе гости, Раковскіе господа, Нина, ея барышня Нина, ея Царевна-Горошинка, навѣрное, урветъ минутку, чтобы выбѣжать къ старой липѣ и перекинуться двумя-тремя словами съ ней, Дашуткой. Скорѣе же, скорѣе туда!

Взрывъ веселаго смѣха неожиданно заставилъ дѣвочку остановиться, какъ вкопанную на одномъ мѣстѣ. На минуту она замерла, не двигаясь, вытянувъ шею и силясь разглядѣть то, что происходило за зеленой изгородью, тамъ, въ саду...

На широкой доскѣ качели размѣстилось цѣлое общество... Съ двухъ концовъ ея стояло двое молодыхъ людей, юнкеръ и гимназистъ, Раковскіе баричи,

которыхъ Дашутка не разъ видала въ церкви. Они раскачивали доску и сидящихъ на ней барышень.

Нина, въ бѣломъ нарядномъ платьецѣ, котораго еще не видала у нея Дашутка, воздушная и нѣжная, какъ никогда, помѣстилась между двумя сильными, румяными темноволосыми дѣвушками, какія только могутъ вырости въ здоровой деревенской глуши. Тонкія, длинныя руки Нины обнимали за плечи обѣихъ сестеръ Раковскихъ въ то время, какъ обычно блѣдненькое лицо ея такъ и пылало румянцемъ удовольствія. Свѣтлые глазки горѣли и искрились радостнымъ огонькомъ. Она, то и дѣло смѣялась и щебетала, какъ птичка, и ея звонкій смѣхъ и веселый говоръ еще болѣе оживлялъ и безъ того веселое общество.

При первыхъ же звукахъ этого смѣха, при этихъ звонкихъ переливахъ щебечущей рѣчи, какъ-то болѣзненно и горько защемило сердце Дашутки...

— Ишь-ты, заливается, ровно на колесахъ ѣдетъ!— сердито произнесла въ своихъ мысляхъ дѣвочка, впервые подосадовавъ на подругу и еще болѣе вытянула шею, просунувъ, сколько можно было, голову среди молодыхъ кустовъ акацій, сторожившихъ изгородь сада.

Вотъ сильнѣе поддали качель братья Раковскіе, и доска взлетѣла вверхъ, какъ птица. Звонко взвизгнула толстушка Софья... За нею эхомъ отозвалась ея сестра... Засмѣялась и Нина, раскатисто, заливчато, какъ русалка смѣется на пруду... Еще выше взлетѣла доска... Впередъ, назадъ... Впередъ — назадъ... Славно!

— Довольно! Довольно! Будетъ! Не хотимъ больше качаться! Играть давайте! Въ кошки-мышки! Или въ горѣлки!– закричали сестры Раковскія.

— Въ горѣлки! Въ горѣлки! — подхватила Нина, блестя разгорѣвшимися глазами.

Вмигъ остановилась доска. Спрыгнули дѣвушки... Соскочили съ концовъ гимназистъ и юнкеръ. Присоединился Поль, подоспѣвшій изъ дома, и закипѣла веселая игра.

Гимназистъ всталъ „горѣть“... За нимъ выстроились пары... Одна сестрица Раковская съ Полемъ... Другая съ Ниной... Юнкеръ предпочелъ растянуться тутъ же на травѣ и наблюдать за игрой...

„Гори-гори ясно, чтобы не погасло!“ —пропѣлъ басомъ гимназитъ, и первая пара разорвалась и помчалась, какъ на крыльяхъ впередъ. То были Софья Раковская и Нина... Гимназистъ бросился за Ниной, но не догналъ ее... Софья въ нѣсколько прыжковъ подскочила къ ней и схватила за руки...

— Ага! Промазалъ! — съ хохотомъ бросила она брату и, крѣпко обнявъ Нину, пошла становиться съ нею на прежнее мѣсто... Онѣ такъ близко прошли отъ Дашуткиной засады, что послѣдняя успѣла хорошо разсмотрѣть разгоряченныя отъ бѣга лица дѣвушекъ и сіяющіе удовольствіемъ глаза Нины и весь ея радостно восторженный видъ.

— Хорошо! Ахъ, ахъ, какъ хорошо мнѣ сейчасъ! А я почти умирала отъ скуки... И вдругъ вы! Вы пріѣхали, и точно солнышко заглянуло мнѣ въ душу! — щебетала Нина, весело и ласково-ласково окидывая взоромъ гостей.

— Бѣдняжка! У васъ здѣсь и подругъ-то не было! Жили, какъ лѣсная царевна въ своей глуши!—засмѣялась румяная Софья и неожиданно чмокнула Нину въ ея заалѣвшую отъ бѣготы щеку.

— А теперь мы васъ не выпустимъ!—ввернула ея сестра, сѣроглазая Маша, — мы вамъ надоѣдать будемъ... Къ себѣ затащимъ... Весело будетъ... Хотите будемъ подругами вашими... На «ты» перейдемъ... Такъ проще!? Хочешь?—бросала она, пожимая руки молодой хозяйкѣ.

— Конечно, хочу!—ни на минуту не колеблясь отвѣчала та и сама потянулась поцѣловать поочереди обѣихъ сестрицъ.

— О, ты не повѣришь, Соня, и ты Маша, какъ я рада васъ видѣть всѣхъ!—защебетала снова Нина.— Я васъ сразу полюбила, точно знаю уже десятки лѣтъ! Вы такія славныя! Простыя обѣ! Право!

— Не вѣрьте моей сестричкѣ, барышни!—вмѣшался со смѣхомъ Поль, — Нина измѣнчива и капризна, какъ петербургская погода... Она очень скоро увлекается дружбой... Подумайте только: съ перваго же дня пріѣзда въ Голубушкино, Нина Сергѣевна изволили приручить къ себѣ одну дворовую дѣвченку, Дашутку... Носилась съ сей знаменательной Дашуткой, надо вамъ сказать, моя непостоянная сестричка какъ съ писаной торбой, возилась цѣлыми днями, снимала съ нея портреты, закармливала сластями, болтали часами напролетъ,—словомъ, не отпускала отъ себя ни на шагъ, а теперь... Спросите-ка милѣйшую Нину, вспомнила-ли она хоть на минуту сегодня объ этой

Дашуткѣ? И, закончивъ свою рѣчь, Поль устремилъ лукаво вопрошающій взглядъ на сестру.

Послѣдняя вспыхнула отъ досады... Закусила нижнюю губку и, метнувъ на брата сердитымъ взглядомъ, проговорила раздраженно:

— Ахъ, какъ ты смѣшонъ, Поль! Вѣчно съ наставленіями... Ну, разумѣется, мнѣ не до глупой чумазой Дашутки, когда настоящія подруги нашлись у меня.

И снова, ласковымъ взглядомъ окинувъ сестрицъ Раковскихъ, она принялась съ ними за прерванную игру.

Точно камень тяжело и болѣзненно упалъ на голову Даши. Сильно, сильно забилось ея маленькое сердчишко. Не много поняла она изъ господскихъ рѣчей, но одно поняла безусловно. Никогда не любила ее, ничтожную Дашутку, ея бѣленькая барышня, Нина, ея Царевна-Горошинка, минутное солнышко ея сѣрой будничной жизни! Забавой, минутной прихотью, а не другомъ, не подружкой любимой была для Нины она, Дашутка, и не нужна она больше бѣленькой Царевнѣ-Горошинкѣ, коль скоро появились у нея новыя подружки «изъ господъ»...

И больно-больно сжалось сердечко бѣдной дѣвочки, впервые почувствовавшей скорѣе инстинктомъ, нежели сознаніемъ, всю силу горечи перваго жгучеобиднаго разочарованія...

Зачѣмъ? За-что?

Слезы, скупыя, одинокія слезы, покатились по загорѣлому лицу Дашутки и, смѣшиваясь съ пылью, оставляли черныя борозды грязи на ея щекахъ...

Какъ окаменѣлая, стояла она у изгороди, словно приросши къ мѣсту...

Вечеръ давно сгустился... Голоса замерли въ саду... Господа ушли пить чай въ домъ... Сумракъ подкравшейся ночи окуталъ усадьбу... Вызвѣздило небо въ его недосягаемой вышинѣ... Тихо и протяжно закричалъ коростель на отмели рѣки... Отъ этого протяжно-жалобнаго крика точно очнулась Дашутка, вздрогнула, оглянулась, недоумѣвая, какъ скоро и незамѣтно подкралось ночное время, и съ тяжелымъ чувствомъ одинокой тоски зашагала домой. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Раковскія барышни сдружились съ Ниной. Бѣленькая дѣвушка стала неразлучна съ ними... То проводитъ у нихъ цѣлые дни въ ближней къ Голубушкину усадьбѣ, то приглашаетъ ихъ къ себѣ, читаетъ, гуляетъ вмѣстѣ съ ними. Дашутка забыта... Иногда приходится ей встрѣчаться съ бѣленькой Ниной, правда, на дворѣ или въ саду, случайно, ненарокомъ. Но сама Дашутка не любитъ этихъ встрѣчь и всячески ихъ избѣгаетъ... Ей точно стыдно за бѣленькую Нину.

Бѣленькая Нина дала первый жизненный урокъ глупой чумазой Дашуткѣ, и она запомнила его на всю жизнь...

По царскому повелѣнію.

Историческій разсказъ *).

I.

Съ шумомъ, свистомъ и гиканьемъ неслась по дорогѣ, ведущей изъ слободы Александровской въ Москву-столицу, огромная толпа всадниковъ. Всѣ они были на подборъ молодецъ къ молодцу, широкоплечіе, рослые, сильные, молодые. Дорогіе кафтаны ихъ, выложенные серебромъ съ драгоцѣнными запонами изъ каменьевъ вмѣсто пуговицъ, отороченные мѣхами собольими, такъ и горѣли и искрились въ лучахъ осенняго солнышка. На богато расшитыхъ сѣдлахъ на крупѣ коня торчали у каждаго изъ нихъ метлы и песьи головы—отличительные знаки принадлежности къ опричинѣ, какъ называлась стража, тѣлохранителей государя-батюшки, Ивана Васильевича.

Впереди всѣхъ, на росломъ, статномъ конѣ, одѣтый много наряднѣе своихъ товарищей, въ собольей шапкѣ, лихо заломленной на-бекрень, ѣхалъ начальникъ отряда, молодой опричникъ, князь Аѳанасій Вяземскій, ближній стольникъ царя.

*) Разсказъ этотъ относится ко второй половинѣ царствованія Іоанна Грознаго, такъ называемымъ временамъ опричины.

Князь то пускалъ на всемъ ходу своего кровнаго коня, то сдерживалъ его черезъ силу, заставляя животное кусать удила и устилать путь комками пѣны, падающими съ его статной спины.

Всадникъ чувствовалъ себя прекрасно. Порученіе, возложенное на него царемъ, замѣтно радовало и тѣшило его. По крайней мѣрѣ, эта радость сквозила во всѣхъ чертахъ красиваго, смуглаго лица князя и такъ и сверкала огнемъ въ его черныхъ какъ ночь глазахъ.

Позади него ѣхалъ еще совсѣмъ юный, красивый опричникъ, недавно ставшій любимцемъ царя—Ѳедоръ Басмановъ.

Никто-бы не сказалъ, глядя въ это женственное, кроткое лицо юноши, что Ѳедя Басмановъ, не задумываясь, готовъ снести голову каждому, кто встрѣтится на его дорогѣ. Никто-бы не заподозрилъ, что онъ уже многихъ, многихъ невинныхъ съумѣлъ оклеветать въ глазахъ царя и послѣ ихъ казни широко воспользовался оставшеюся послѣ несчастныхъ мучениковъ казною...

— А что, княже? Будемъ на мѣстѣ къ полдню?—послышался молодой, нѣжный голосъ Басманова.

— Надо што такъ. Царь-государь строго наказывалъ, штобъ къ вечернѣ въ слободу обратно,—отвѣчалъ Вяземскій и пришпорилъ коня.

Пришпорили за нимъ и остальные... Теперь вся ватага неслась съ бѣшеной быстротою словно на пожаръ... Вотъ замелькали предмѣстья Москвы... Засверкала голубымъ огнемъ Москва-рѣка... Вонъ и купола Успенскаго собора загорѣлись совсѣмъ близко въ солнечныхъ лучахъ...

Какъ только появились опричники на московскихъ улицахъ, все точно вверхъ дномъ перевернулось. Встрѣчные сворачивали съ дороги... Торговцы, разставившіе свои лотки на площади, поскорѣе убирали товары и каждый скрывался куда могъ.

Встрѣчные въ колымагахъ бояре низко кланялись передовому опричнику, князю Вяземскому, о которомъ шла молва на всю Москву.

Вскорѣ и вовсе опустѣли московскія улицы... Жители заперлись въ домахъ и тишь да пустота воцарилась въ городѣ.

— Ишь ты! хошъ шаромъ покати! — разсмѣялся князь Вяземскій, указывая плеткой на опустѣвшія улицы.—Чего добраго, и въ боярскомъ домѣ ничего не найдемъ.

— Инъ и искать не придется,—съ недоброй усмѣшкой произнесъ Ѳедоръ Басмановъ.—Слыхалъ, небось, княже, какъ государь-батюшка повелѣлъ. Чтобы камня на камнѣ не оставить значитъ... Чтобы все владѣніе измѣнника Колычева въ пухъ разнести... И семью перерѣзать, не щадя ни дѣтей, ни слугъ, чтобы никого изъ крамольниковъ не осталось... Охъ, будетъ дѣла нашимъ ребятамъ!.. Да и нажива слышь, чую я, достанется знатная.

— Ты все про наживу, Ѳедоръ Алексѣевичъ,— презрительно улыбнулся Вяземскій.

— Вѣстимо, княже... Всякъ о своемъ благѣ думаетъ. Государь-батюшка вѣдь въ полное володѣнье намъ все Колычевское добро отдалъ. Не помнишь развѣ?.. Али жаль тебѣ измѣнника?—хитро прищурившись, заключилъ свою рѣчь Басмановъ.

— Смерть измѣнникамъ и крамольникамъ!—блѣднѣя отъ охватившаго его гнѣва, вскричалъ Вяземскій.—Измѣнникъ Колычевъ достоинъ казни и весь его родъ долженъ быть стертъ съ лица земли. Государь-батюшка такъ повелѣть изволилъ и мы не смѣемъ ослушаться приказа царева.

И, сказавъ это, князь Вяземскій далъ шпоры коню и понесся быстрѣе вѣтра въ сопровожденіи отряда опричниковъ.

II.

— Ай да боярышня! Ай да сладкая моя! Гдѣ-жъ ты это такому выучилась? Вотъ-то золотое дитятко! Господь тебѣ воздастъ за это, выручитъ тебя съ матушкой твоей, страдалицей невинной... Сиротинка ты моя горемычная!

И старая «мама-нянюшка», приставленная къ восьмилѣтней боярышнѣ Настѣ Колычевой, со слезами обняла свою хорошенькую питомицу.

Настя только-что прочла старушкѣ о страданіяхъ Іова, прочла по складамъ, какъ ее училъ дьякъ-учитель, и теперь, вся раскраснѣвшаяся отъ старанія, сидѣла подлѣ старушки въ своемъ траурномъ сарафанчикѣ, съ черной повязкой на головѣ.

Двѣ недѣли тому назадъ замучили на смерть ея отца въ Александровской слободѣ. За что замучили—Настя не знала. Отецъ былъ всегда такой ласковый и добрый со всѣми... Вѣстимо, оклепали его передъ царемъ, какъ и многихъ другихъ... И умеръ на плахѣ ея бѣдный дорогой тятя...

И матушка, и она горько плакали, узнавъ о его

кончинѣ... А потомъ молиться стали горячо, много молиться о поминѣ души дорогого мученика. Вотъ и сегодня она старой Аринушкѣ священное писаніе читать взялась. Сладкая грусть ей сердце щиплетъ. И тятю жалко дѣвочкѣ, и глухое, ненавистное чувство къ царю, жестокому обидчику, ей въ сердце закралось. А матушка съ нянькой все твердятъ, что прощать обиды Господь повелѣлъ.

Задумалась Настя... Взоры вдаль устремила... Золотые лучи солнца, послѣдняго, октябрьскаго, головку припекаютъ... И кажется Настѣ, что покойный тятя на нее вмѣстѣ съ этимъ солнышкомъ съ неба глядитъ.

Вдругъ широко распахнулась дубовая дверь. Въ горницу влетѣла блѣдная какъ смерть сѣнная дѣвушка.

— Няня Аринушка! Спасай боярышню. Схорони ее скорѣюча... Опричники проклятые къ намъ скачутъ... Тѣ-же, что боярина нашего умчали... Ахти бѣда намъ! Прогнѣвали мы Господа!

Обомлѣла Аринушка .. засуетилась... заметалась... кинулась къ окну...

И впрямь цѣлая толпа опричниковъ съ метлами и песьими головами, прикрѣпленными къ сѣдлу, влетѣла во дворъ боярскій... Ножи засверкали въ рукахъ. Звѣрскія лица дышали злобой... Крики, гиканье, свистъ и дикій хохотъ сразу огласили боярскія хоромы...

Не помня себя, схватила Настю обезумѣвшая Аринушка и кинулась съ нею изъ горницы. Темнымъ проходцемъ пробѣжала она на крыльцо и, увидѣвъ стремящуюся къ нимъ на встрѣчу хозяйку—боярыню, толкнула къ ней въ объятія ребенка.

— Схоронись, матушка, съ дочкой. Господь помо-

жетъ... Не найдутъ аспиды проклятые... Въ мыльнѣ схоронитесь, что въ старомъ саду за липами.

А сама побѣжала назадъ безъ оглядки въ надеждѣ спрятать отъ разбойничьяго глаза что поцѣннѣе изъ хозяйскаго добра.

III.

— Мнѣ не страшно, не боязно, матушка... Не бойся за меня! Гляди! Гляди: ничуть не боязно!

Такъ говорила дрожащимъ голосомъ Настя, вся похолодѣвъ отъ ужаса и всѣмъ тѣломъ прижимаясь къ матери.

Онѣ сидѣли на полкѣ, въ старой банѣ, одиноко стоявшей среди стараго сада. Шумъ, крики, вопли, стоны и плачъ неслись изъ дома. Замирая отъ страха, ждала молодая барыня Колычева, что вотъ-вотъ, покончивъ съ дворней, пойдутъ искать ее и дочку злодѣи, набредутъ на ихъ слѣдъ и тогда...

Трепетъ охватывалъ ее всю. Холодный ужасъ пронизывалъ ей сердце.

— Господи, не попусти! Не попусти, Господи, ради сироты невинной! Сохрани насъ отъ муки лютой. Не о себѣ молю, Господи,—за нее прошу! Сохрани Настю!— шептали поблѣднѣвшія губы боярыни.

— Матушка, глянь-ка! Въ оконце видать! Какой-то бояринъ къ намъ сюда идетъ! — вскричала дѣвочка, выглядывая съ высоты полка.

Колычева взглянула по указанному направленію и сердце у ней замерло... упало... Прямо по направленію ихъ убѣжища шелъ высокій чернобородый опричникъ съ оружіемъ, заткнутымъ за поясъ.

Несчастная боярыня съ тихимъ крикомъ прижала къ своей груди Настю.

Смерть витала теперь близко, близко отъ нихъ. И она разомъ поняла это.

Высокій опричникъ поднялся на рундукъ мыльни, открылъ дверь и вступилъ въ горницу.

Чуть живая отъ страха, ждала смерти боярыня и только все тѣснѣе и крѣпче прижимала къ груди Настю. Глаза высокаго опричника обѣжали мыльню и вдругъ зловѣщая радость исказила его лицо.

— Вотъ, онѣ гдѣ схоронились голубушки! А мы-то весь домъ перерыли, ихъ искавши... — произнесъ онъ съ сатанинскою радостью и сжалъ рукоятку ножа, привѣшеннаго къ поясу.—Ну, ну, слѣзайте-ка, милыя!—заключилъ онъ злорадно.

— Что же? Сейчасъ слѣземъ, бояринъ! — послышался звонкій дѣтскій голосокъ съ высоты полка, и два чистые, прекрасные глаза впились въ лицо князя Вяземскаго (чернобородый опричникъ былъ онъ).

Прежде, чѣмъ успѣлъ опомниться князь, бѣлокурая дѣвочка легко спрыгнула съ полка и, подбѣжавъ къ князю, залепетала, хватая его за руку:

— Бояринъ ласковый! Спаси насъ съ матушкой! Не дай въ обиду... Мы ни въ чемъ не виноваты, а насъ погубить хотятъ. Пріѣхали опричники злые, лютые... Мы здѣсь схоронились... Того и гляди, накроютъ... Что тогда?.. Спаси, добрый бояринъ! Укрой насъ. У тебя вѣрно есть дѣтки малые... Подумай, что ежели ихъ такъ-бы... травить зачали... Ахъ, бояринъ ласковый... мы за тебя Бога молить будемъ. Укрой насъ... Ты

добрый! И лицо у тебя доброе... благородное... помоги намъ, родненькій, миленькій, хорошій!

И горячія дѣтскія губки прижались къ сильной рукѣ князя Аѳанасья Вяземскаго.

Князь замеръ.

Рука, сжимавшая рукоять ножа, опустилась, повисла точно въ безсиліи. Нѣжный дѣтскій голосокъ, лепетавшій слова ласки, лился ему въ душу... Въ самое сердце лился ему.

Онъ — закоренѣлый опричникъ, злодѣй, губитель крамольниковъ, виновныхъ и невинныхъ, онъ—гроза бояръ и земщины, проклинаемый всѣми, былъ впервые названъ добрымъ и ласковымъ этой бѣлокуренькой дѣвочкой.

Его называли до сихъ поръ убійцей и Каиномъ, а она, эта бѣлокуренькая дѣвочка такъ довѣрчиво и ласково говорила съ нимъ. Неужели-же онъ рѣшится... осмѣлится... нѣтъ, нѣтъ! Онъ, князь Вяземскій, не замараетъ рукъ объ этого ребенка, который такъ довѣрчиво ждетъ отъ него защиты. Онъ будетъ спасителемъ боярыни Колычевой и ея дочери.

Если-бы было возможно, онъ, ради этихъ ласковыхъ словъ ребенка, спасъ бы и всѣхъ слугъ Колычевыхъ. Всѣхъ какъ есть. Но этого нельзя. Они уже въ рукахъ опричниковъ. А кто разъ попалъ въ эти кровожадныя руки, тому уже не спастись ни за что. Но эту дѣвочку и ея несчастную мать онъ, Вяземскій, можетъ спасти. Правда, если объ этомъ узнаетъ Басмановъ, ему самому не миновать лютой казни. Вѣдь по царскому повелѣнію никому изъ Колычевскаго дома не слѣдовало давать пощады... Но голосъ ребенка зву-

читъ такъ нѣжно... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ, не въ состояніи исполнить царскаго повелѣнія.. Совѣсть не позволяетъ... Вѣдь онѣ ни въ чемъ передъ царемъ не виновны, и только въ сердцахъ царь далъ такое страшное порученіе опричникамъ. Опомнится—и самъ потомъ жалѣть да раскаиваться будетъ... И кровь несчастныхъ падетъ на того, кто исполнилъ жестокое порученіе, погубилъ невинныхъ... Богъ не проститъ такого убійства, а онъ, Вяземскій, вѣритъ въ Бога, вѣритъ, что за грѣхи свои ему еще придется отвѣтить.. Можетъ быть дѣтская молитва о немъ дойдетъ до Бога, и ему отпуститься хоть часть его грѣховъ...

И сердито нахмурясь, чтобы не дать почувствовать охватившаго его волненія, князь сказалъ сурово, поднявъ глаза къ полку, гдѣ ни жива, ни мертва находилась боярыня:

— Ступай отселева задворками съ дочкой... Да живѣе... и смотри не попадайся на глаза никому изъ опричины...

Затѣмъ махнувъ рукою, онъ скрылся за дверьми.

. . . . . .

А въ боярскихъ хоромахъ шло пьянство и гульба... Покончивъ съ дворней и разобравъ казну боярскую по карманамъ и мѣшкамъ, прихваченнымъ съ собою, опричники выкатили бочки съ пивомъ и брагой изъ погребовъ и начался пиръ въ Колычевскихъ горницахъ. Убитая дворня валялась тутъ и тамъ еще неубранная, а злодѣи уже перепились всѣ до единаго.

Когда князь Вяземскій вошелъ въ хоромы, одинъ Ѳедоръ Басмановъ былъ только на ногахъ.

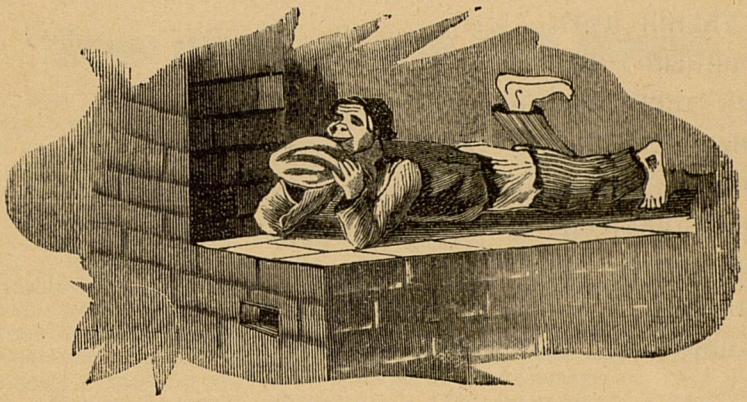
— Что, не отыскалось крамольное отродье?—спро-

силъ онъ заплетающимся языкомъ старшаго опричника.

— Да и искать не стоитъ по-пусту. Успѣли убѣчь видно. Ну, и лядъ съ ними!—отвѣчалъ тотъ равнодушнымъ голосомъ.

И снова образъ бѣлокурой дѣвочки всталъ передъ нимъ, какъ живой, въ эту минуту.

«За меня молиться станетъ... И кто знаетъ, можетъ, грѣхи мои замолятся!»—мысленно произнесъ Вяземскій и впервые что-то свѣтлое заглянуло ему въ сердце.



Гос. Публичная Б-ка Ленинград.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
На медаль	3
Эва	15
Богатый наслѣдникъ	23
Веселый праздникъ	70
Послѣдній лучъ	82
Странный гость	90
Семь дней бомбоньерки	94
Нуль	100
Заоблачный Принцъ	124
Мая—королева	162
Воръ	165
Дашутка	178
По царскому повелѣнію	202

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ТРЕХЪ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ.

«Жизнь животныхъ» А. Брема.

Подъ редакціей магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера. Бремъ всю свою жизнь посвятилъ изученію животныхъ, для чего совершилъ продолжительныя путешествія въ Африку, Азію, Америку, Египетъ, Норвегію, Сибирь и Европу,—вездѣ живя по долгу и изучалъ жизнь звѣрей и птицъ въ Европѣ, познакомился со всѣми звѣринцами и зоологическими садами, дома у него была масса прирученныхъ животныхъ для наблюденія и изученія ихъ. „Жизнь Животныхъ“ Брема, подъ редакціею К. К. Сентъ-Илера, является не простымъ сокращеніемъ десятитомнаго изданія, а есть переработанный трудъ опытнаго и заслуженнаго педагога, сохранившаго все существенное большого изданія, но устранившаго все, что, по педагогическимъ началамъ, не должно быть изложено для юношескаго возраста. Такимъ образомъ новое изданіе, спеціально для юношества обоего пола, даетъ возможность родителямъ, удовлетворяя любознательности своихъ дѣтей, дать имъ смѣло въ руки это изданіе, не опасаясь съ ихъ стороны встрѣтить вопросы, на которые часто нѣтъ возможности отвѣтить; состоитъ изъ трехъ томовъ напечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и заключаетъ въ себѣ 2150 страницъ текста большого формата 690 рисун., исполненныхъ въ Библіографич. Институтѣ въ Лейпцигѣ и 3 худож. обложки работы К. Крюкова.

СОДЕРЖАНІЕ: I томъ. — „Млекопитающія“. II томъ.—„Птицы“. III томъ.—„Пресмыкающіяся: гады, рыбы, насѣкомыя и всѣ низшія животныя“. Цѣна за три тома 9 р. съ перес. Имѣются въ роскошныхъ переплетахъ.

*Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина.

Кто изъ читателей не слыхалъ имени отца русскаго историческаго романа автора знаменитаго „ЮРІЯ МИЛОСЛАВСКАГО“? Кто не зачитывался не только въ дѣтствѣ, но и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, этимъ увлекательнымъ произведеніемъ, въ которомъ съ такимъ мастерствомъ изображенъ бытъ нашихъ предковъ въ тяжелую годину, 1606—1612 г. Отечество наше переживало страшное бѣдствіе, нашествіе поляковъ на Москву; кто не помнитъ заслугъ Минина и Пожарскаго спасшихъ Россію отъ враговъ; въ романѣ „Юрій Милославскій“ это все описано до малѣйшей подробности. Романъ „Рославлевъ“ рисуетъ другую тяжелую годину—1812 года сожженную Москву, нашествіе Наполеона и пр. пр.; еще романъ „Аскольдова могила“ описываетъ древнюю жизнь Кіева и великокняжескаго двора, бояръ и народа, а также и другіе его романы не менѣе интересны, какъ напримѣръ: „Кузьма Рощинъ“, „Искуситель“, „Тоска по родинѣ“, „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“, „Брынскій лѣсъ“, „Русскіе въ началѣ XVIII „столѣтія и мн. др., цѣна 2 руб. 25 коп., съ пересыл. 3 р. за два тома убористаго шрифта, въ два столбца съ портретомъ М. Н. Загоскина и біографическимъ очеркомъ писателя, составленнымъ *А. Н. Сальниковымъ*. Изданіе напечатано въ большомъ форматѣ, 91 листъ—2974 столбца по 63 стр. въ столбцѣ.

Гибель Іерусалима. Историческая повѣсть временъ римскихъ Императоровъ, Васпасьяна и Тита. Сочиненіе К. Генти, перев. съ Англійскаго М. Ловцовой, съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

*) **Жучка.** Разсказы изъ деревенской жизни съ рисунк. художн. Крюкова, Штейна, Андреева и др. 4-е изданіе. Ц. 1 р.

Четыре времени года: Зима, Весна, Лѣто, Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Повѣсть. Съ рисунками. 3-е изданіе; въ папкѣ, ц 1 р.

*) **Звѣздочка.** Повѣсти и разсказы для дѣтей. Почтовыя марки (фантастическій разсказъ). Съ картинами; въ папкѣ. 3-е изд. Спб. Ц. 1 руб.

*) **Крестьянская школа.** Исторія открытія сельской школы М. Ѳ. Ростовскою.—Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др., 4-е изд. Спб. Цѣна 1 руб. 75 к. (Большой томъ).

*) **Пони.** Приключеніе Эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей. съ рисунками; въ папкѣ, 4-е изд. ц. 1 р.

*) **Сельцо Лебяжье.** Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. Съ 30 рисунками и заставками художниковъ Р. Штейна, А. Шлиппера, И. Панова. и др.; въ папкѣ. 4-е изданіе. Ц. 1 р.

*) **Дѣтскія забавы.** Сборникъ разсказовъ съ 50 рис.; въ папкѣ цѣна 1 р.

Серебряные коньки. Исторія одной голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. Пер. Н. Н. Мазуренко. 324 стр. Съ 50-ю рисунками художника Шулле. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Красный морской разбойникъ Сочиненіе Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр. съ рисунками; въ папкѣ ц. 1 р. 20 к.

*) **Улыбки и слезы.** Разсказы для дѣтей. Е Чебышевой-Дмитріевой, съ 40 рисунками художн. М. Андреева, А. Шлипера и др. въ красивой папкѣ, 280 стр. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

*) **Двѣсти разсказовъ.** Для дѣтей младшаго возраста. Соч. Христ. Шмидта. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Неѣловой. съ многочисленными рисунками. Спб., въ красивой папкѣ. Ц. 1 р.

Во время оно. (БЭНЪ-ХУРЪ). Люисъ Уоллесъ. Повѣствованіе изъ земной жизни Іисуса Назорея. Полный переводъ съ англійскаго, въ восьми книгахъ съ 75 рис. нѣмецкаго художника Н. Н. Баваровскаго Изданіе 2-ое. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 50 к.

Маленькій золотоискатель въ Калифорніи. Соч. Герштекера Пер. Н. Мазуренко. Въ папкѣ съ рисунк 288 стр., ц. 1 р. 35 к. Предлагаемъ нашимъ юнымъ читателямъ этотъ разсказъ даровитаго автора, одного изъ любимцевъ дѣтей старшаго возраста. Здѣсь въ яркихъ образныхъчертахъ разсказываются приключенія семьи, переселившейся изъСѣверной Америки въ Калифорнію въ эпоху горячаго увлеченія открывшимися тамъ золотыми розсыпями. Главнымъ гороемъ этого разсказа является пятнадцатилѣтній мальчикъ.

Приключенія знаменитаго сыщика Шерлока Холмса.

5 томовъ, 180 рисунковъ, 1400 стр. Соч. Конанъ Дойля, въ 5-ти томахъ 1400 стр. Въ области современнаго уголовнаго процесса постепенно выдвигается на первый планъ розыскъ преступника. Предварительное слѣдствіе постоянно сталкивается лицомъ къ лицу съ фактами, чрезвычайно сложными и крайне загадочными. Въ такихъ случаяхъ на помощь правосудію приходятъ отдѣльныя лица, надѣленныя даромъ рѣдкой проницательности, умѣньемъ оріентироваться въ сложной обстановкѣ преступленія и удивительной находчивостью. Иной разъ эти лица доводятъ свой талантъ до рѣдкой степени совершенства и по всей справедливости заслуживаютъ названіе геніальныхъ сыщиковъ. Таковъ знаменитый парижскій Лекокъ, таковъ и Шерлокъ Холмсъ.

Жизнь и дѣятельность Холмса, этого замѣчательнаго сыщика описаны Конаномъ Дойлемъ. Увлекательное и безусловно правдивое выраженіе, наряду съ безукоризненнымъ изложеніемъ; все это давало право разсчитывать на вниманіе и серьезнаго читателя. Спб. 1903—1907 г. ц. за 5 томовъ 4 р. Томъ 1, 2 и 3. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя библіотеки и читальни.

СОЧИНЕНІЯ ГЕОРГА ЭБЕРСА.

***Дочь Египетскаго царя.** Историческій романъ Георга Эберса. Переводъ Вольфсона. Спб., изд. 3-е, 448 стр., ц. 1 р. 50 к.

„Дочь Египетскаго царя“, первый историческій романъ Эберса и лучшій изъ всѣхъ имъ написанныхъ. Онъ появился въ печати въ 1860 году. По богатству содержанія, по обилію историческихъ подробностей, по яркости красокъ и, наконецъ, по художественности языка, ни одно изъ позднѣйшихъ произведеній покойнаго Эберса не можетъ сравниться съ произведеніемъ „Дочь Египетскаго царя“.

Невѣста Нила. Историческій романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Мазуренко. Спб., 1905 г. 430 стр., ц. 1 р. 35 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки.

Человѣкъ есмь. Историч. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1903 г., 280 стр. ц. 90 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки.

Сераписъ. Историческій романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 3-е изданіе 1907 г., ц. 75 к.

Внесено въ каталогъ книгъ изданныхъ по распоряженію Мин. Нар. Просв., для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Императоръ. Историческій романъ временъ римскаго императора Адріана. Спб. 3-е изданіе цѣна 1 р.

Внесено въ каталогъ книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Просв., для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Мелисса. Тернистымъ путемъ. Историческій романъ. Полный переводъ (большой томъ). Спб., 1907 г., ц. 1 р. 35 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ библіотеки, среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Уарда. Романъ. Переводъ Федоровой, Спб., ц. 1 р. 50 к.

Допущена Мин. Нар. Просв. въ безплатныя читальни, а также и библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

*) **ИТАЛЬЯНСКІЯ СКАЗКИ.** Собраныя и обработанныя **Е. Чистяковой-Вэръ.** Съ 62 рисунками 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к. У итальянскихъ писателей богатая фантазія бьетъ бурнымъ ключемъ, живость разсказа, разнообразіе и богатство сказочныхъ образовъ невольно увлекаютъ юнаго читателя въ страну чудеснаго. Оглавленіе: Неосторожная шутка.—Волшебный островъ.—Два близнеца.—Гуго Желѣзная Рука.—Глупышъ.—Резиновая дѣвушка.—Крошка пирога.—Мнѣ и такъ хорошо.—Разумница.—Голубая птичка. —Въ мірѣ простаковъ.—Крошка.—Три банана.—Фея моря.—Лягушенокъ.—Богатство и знаніе.—Деревянная Марія.—С.-Бернардская собака и попугай.—Король Лазореваго меча.—Фея Мерлига.—Кустъ Майорана—Три подарка.

ЧТЕНІЕ—ЛУЧШЕЕ УЧЕНІЕ. Сборникъ разсказовъ составленный по Американскимъ и Англійскимъ, дѣтскимъ писателямъ. **Е. Чистяковой-Вэръ.** Спб. съ 90 рисунк., въ папкѣ ц. 1 р. 35 к. Въ этомъ сборникѣ подобраны такіе разсказы и статьи, которые дали-бы возможность юнымъ читателемъ 10—12 лѣтъ усвоить такія знанія: въ однихъ разсказахъ они найдутъ свѣдѣнія о предметахъ часто попадающихся на глаза, а въ другихъ прочтутъ объ умѣ и образѣ жизни животныхъ, въ третьихъ поучатся умѣнію владѣть собою, не теряться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, смотрѣть прямо въ глаза опасности и бѣдѣ. Все разсказанное въ немъ сводится къ тому, что „Чтеніе—лучшее ученіе".

АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ. Собранныя и обработанныя **Е. Чистяковой-Вэръ**, съ 80 рис, въ папкѣ ц. 1 р. 50 к. Въ сборникъ Англійскія сказки, вошло много народныхъ преданій, легендъ, дѣйствующими лицами въ нихъ являются простоватые великаны, колдуны, храбрецы, силачи и нѣжные крошечные крылатые эльфы, живущіе въ чашечкахъ цвѣтовъ, духи лѣсовъ, горъ и жилищъ и пр. и пр. Въ книгѣ помѣщено нѣсколько сказокъ Киплинга, въ которыхъ описываются характеры и нравы звѣрей, интересны даже для взрослыхъ читателей, а также нѣсколько грандіозныхъ поэтическихъ сказокъ Кавана, Олькотъ, Гингтонъ, Саденъ, Джекопсъ и мн. др.

*) **ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ.** Сборникъ для дѣтей. Составлен. по Англійскимъ и Американскимъ писателямъ **Е. Чистяковой-Вэръ**, съ 77 рисунк., ц. 1 р. Энергія, самостоятельность, твердость воли, сознаніе своего долга и чувство отвѣтственности, свойственныя молодому поколѣнію англичанъ и американцевъ, отражаются въ этихъ разсказахъ, какъ въ зеркалѣ. Мальчикъ лѣтъ десяти смотритъ за младшей сестрой, готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти отъ опасности порученную его заботамъ малютку или исполнить какой-либо другой возложенный на него долгъ, который для него является святыней. Дѣти одни ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, совершаютъ далекія прогулки и всегда, за рѣдкими исключеніями, дѣйствуютъ самостоятельно и разумно. При всемъ богатствѣ нашихъ способностей, при всѣхъ драгоцѣнныхъ достоинствахъ нашей натуры, намъ, славянамъ, къ сожалѣнію зачастую не хватаетъ многихъ изъ вышеупомянутыхъ качествъ.

37.30.6.1/1.